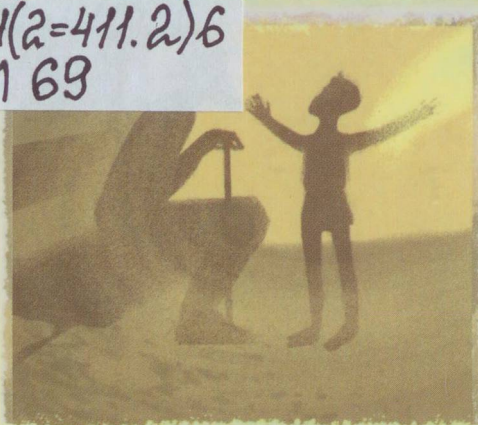
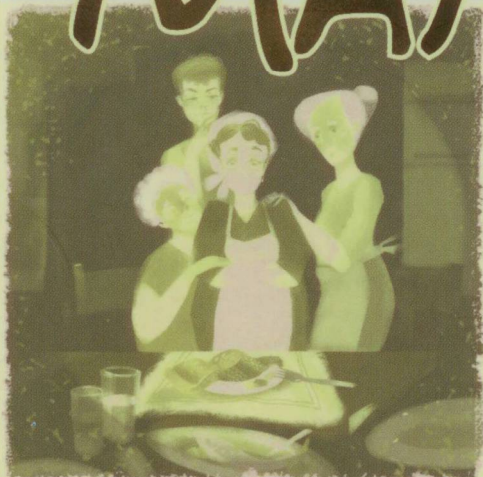

84(2=411.2)6
М 69

Валерий
МИХАЙЛОВСКИЙ

НАШ МАЛЕНЬКИЙ СЕКРЕТ

РАССКАЗЫ
СКАЗКИ

12+

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

9/12 - 362

21
Знаменитый
20 человек судно
Мерманов от сказочника

сказка, 800
измененный
Мерманов

Музыка - 200
Тема

29.10.17
Мерман

12+

Р

КД4(2=411.2)6
М69

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

НАШ МАЛЕНЬКИЙ СЕКРЕТ

РАССКАЗЫ
СКАЗКИ

090242002

Регион ЦБ-КО

Издательство «АсПур»
Екатеринбург
2017

МБУ «Централизованная
библиотечная система»

Инв № 90242/2-1

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

М24

Валерий Михайловский

М24 Наш маленький секрет: Рассказы, сказки. – Екатеринбург, Издательство «АсПУр», 2017. – 152 с.

Рассказы и сказки для детей среднего школьного возраста.

Автор благодарит за финансовую поддержку Г. В. Васильченко и М. П. Шепелева.

ISBN 978-5-904900-25-0

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Михайловский В. Л., 2017

© Соломеина Е. Л., иллюстрации, 2017

© Шайхулов Р. Н., верстка, дизайн обложки, 2017

© Издательство «АсПУр», 2017

РАССКАЗЫ

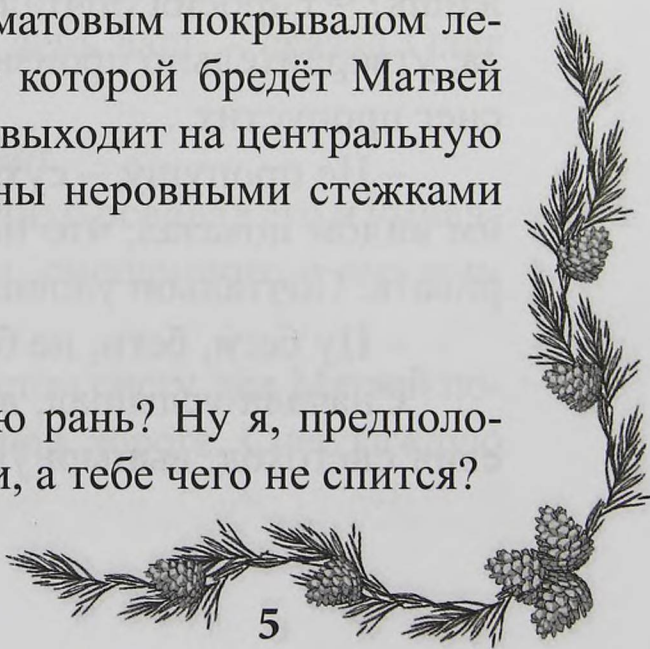

СОНИНЫ КАНИКУЛЫ

I

Раннее утро. Ещё густые сумерки не отлегли, ещё синий снег не напитался светом, и матовым покрывалом лежит покорно, тихо. На улице, по которой бредёт Матвей Сергеевич, снег не тронут. Вот он выходит на центральную улицу посёлка, где уже протоптаны неровными стежками редкие следы ранних прохожих.

- Здравствуй, дед Матвей!
- Здоров будь!
- Куда путь держишь в такую рань? Ну я, предположим, почту должен с утра развезти, а тебе чего не спится?

– Внучку иду встречать – Соню.
– На каникулы едет?
– На каникулы. С лета не виделись – соскучились со старухой.

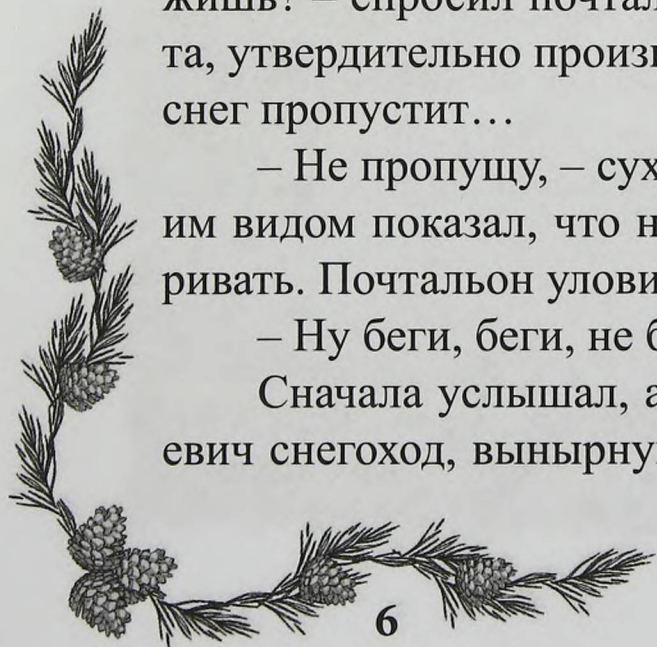
Почтальон, одетый в светлую пуховую куртку, выглядел моложаво, в отличие от деда Матвея с его курчавой седой бородой. Косматая нечёсаная голова, покрытая шапкой-ушанкой, характерно для него съехавшей набекрень, подшитые истоптанные валенки добавляли ему годов. Будто чувствуя это, он стал приглаживать волосы, торчавшие из-под шапки, искоса поглядывая в сторону вокзала.

– Снегу-то за ночь подсыпало... На охоту, поди, победишь? – спросил почтальон, и сам же, не дожидаясь ответа, утвердительно произнёс: – Ну как же дед Матвей новый снег пропустит...

– Не пропущу, – сухо ответил дед Матвей. И всем своим видом показал, что некогда ему тут разговоры разговаривать. Почтальон уловил его движение в сторону вокзала.

– Ну беги, беги, не буду тебя держать.

Сначала услышал, а потом уже увидел Матвей Сергеевич снегоход, вынырнувший с боковой улицы. Поравняв-

шись с ним, снегоход остановился, мотор его, поперхнувшись, заглох.

– Привет! Соньку встречать идешь? Садись, подвезу, – весело сказал наездник и подал освобожденную от меховой варежки руку.

– Привет, Олег! Я пешочком, благодарю. Иду и радуюсь: снежок-то новенький. С Виталиком в избу пойдём. Ты завтра с утра в смену?

– Да, как договорились, подвезу вас к избушке.

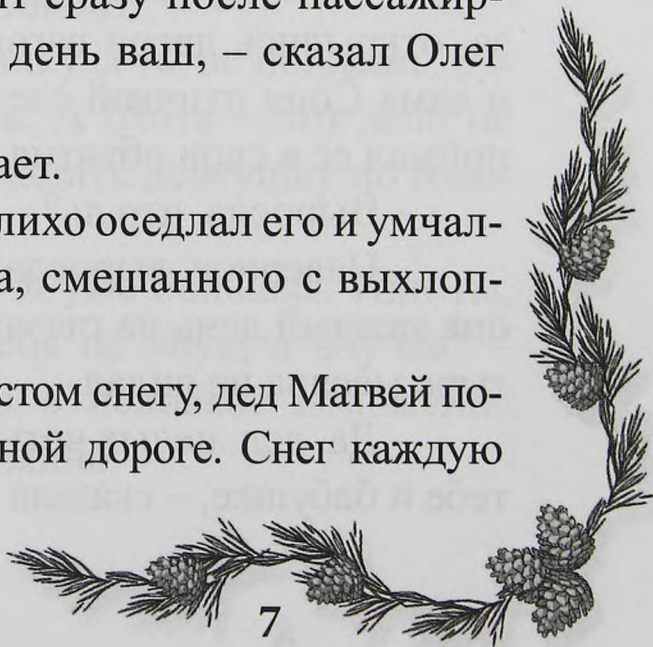
– Ладно... А то я хотел зайти к тебе, чтобы уточнить.

– Я бы тоже с тобой пошел в избу, но – работа... Обратно я подберу вас на разъезде. Так что выйдете на то же место. Наш поезд в обратку пустят сразу после пассажирского. Поздновато, но зато целый день ваш, – сказал Олег Иванович, надевая рукавицы.

– Понятно. Меня это устраивает.

Олег запустил свой снегоход, лихо оседлал его и умчался, поднимая за собой вихрь снега, смешанного с выхлопными газами.

Протаптывая тропинку в пушистом снегу, дед Матвей почему-то вспомнил работу на железной дороге. Снег каждую

зиму обычно являлся как внезапное бедствие, неожиданно, и нужно было срочно выделять технику – чистить перрон, стрелочные переходы, а техника, как назло, начинала ломаться, хоть и готовили её к сезону. Старьё сколько не ремонтируй, всё равно ломается. Запчастей нет, а сделать нужно, вот и приходилось включать смекалку. За эту смекалку и уважали его на железке. Пока работал он механиком, был Матвеем Сергеевичем, как вышел на пенсию, да обзавёлся бородой, так вдруг стал дедом Матвеем.

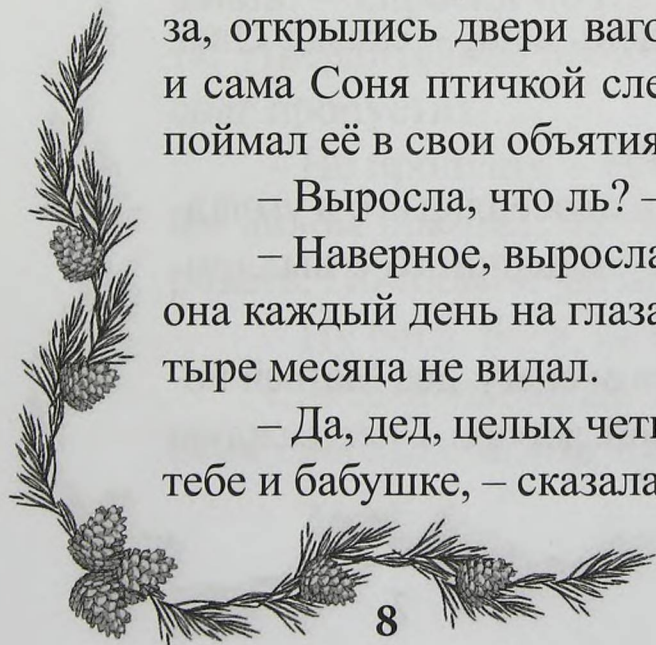
II

Поезд пришёл вовремя. Визгливо скрипнули тормоза, открылись двери вагона. Сначала вышла мама, а за ней и сама Соня птичкой слетела со ступенек. Дед уже на лету поймал её в свои объятия.

– Выросла, что ль? – дед поставил внучку на перрон.

– Наверное, выросла, – сказала Сонина мама, – у нас-то она каждый день на глазах, нам и незаметно, а ты её уже четыре месяца не видал.

– Да, дед, целых четыре месяца. Я очень соскучилась по тебе и бабушке, – сказала внучка и погладила дедову бороду.

— Я тоже соскучился... А где папик твой? — спросил дед.

— Не приехал Виталий, его на работу вызвали в последний момент, — сказала Сони́на мама.

— Жаль, я думал с ним в зимовьё сходить. Мне там помощь нужна. Заодним бы и поохотились...

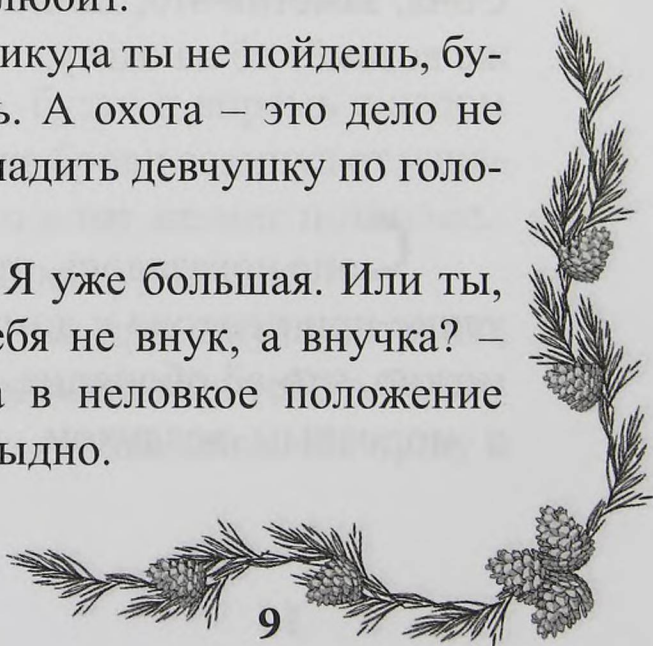
— Деда, а давай я с тобой пойду, — выкрикнула Соня. — Помнишь, ты мне обещал, что покажешь свою избушку.

— Куда тебе, — махнул дед рукой, — это далеко, да и мне там помощник нужен, а ты что — девчонка, — как-то обречённо произнёс дед Матвей.

— Возьми меня, возьми, деда, я тебе не хуже мальчишки помогать буду, — как-то капризно сказала Соня и сразу поняла, что зря — дед капризов не любит.

— Нет, дорогая моя Сонечка, никуда ты не пойдешь, будешь бабке помогать пироги печь. А охота — это дело не девчачье, — сказал дед и хотел погладить девчушку по голове, но она отпрянула.

— Ты, дед, зря так говоришь. Я уже большая. Или ты, может, расстраиваешься, что у тебя не внук, а внучка? — Соня своим вопросом поставила в неловкое положение деда, и ему стало даже немного стыдно.

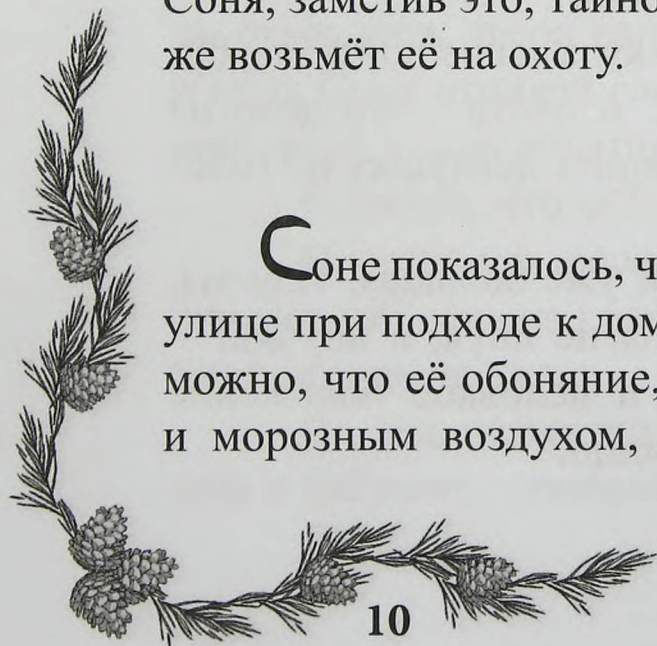

– Ну, ладно, ладно, посмотрим, – дед обнял внучку, и они продолжили свой путь домой.

Больше Соня не просилась на охоту, в таёжную избушку. Она уловила перемену в настроении деда. Это дед научил её наблюдательности и терпению. Хотя она и не получила пока положительного ответа на свою просьбу, но дедово «ладно-ладно» уже можно было расценивать, как половину дела. Нужно было дожать деда, и она начала рассказывать о своих успехах в школе, о том, что посещает плавательный бассейн, и что у неё лучше всех получается. Она уже выиграла первые соревнования в своей возрастной группе. Дед гордо нёс свою бороду метлой вперёд и широко улыбался. Соня, заметив это, тайно стала надеяться на то, что дед всё же возьмёт её на охоту.

III

Соне показалось, что аромат пирогов появился ещё на улице при подходе к дому. А может, ей не показалось, возможно, что её обоняние, обострённое чистым прозрачным и морозным воздухом, действительно уловило пирожко-

вый запах. Она не ошиблась. В избе просто висел весёлым и плотным облаком запах свежесвепеченного теста, пахло вкусной корочкой, пахло бабушкиным домом, пахло чем-то родным и знакомым, пахло бабушкой.

Уплетая за обе щёки пироги, Соня, уже повторяясь о своём школьном житье-бытье, о своих спортивных достижениях, а именно на них она делала особый акцент, искоса поглядывала на деда: вот, мол, я уже большая и сильная.

— Какая ты у меня умница. Не знаю, нужен тебе этот бассейн или нет — ещё простудишься. Вода-то хоть там тёплая? — спрашивала бабушка, умилённо разглядывая внучку, но та думала о своём.

— А я завтра с дедом на охоту пойду. С ночёвкой, — сказала твёрдо Соня, — да, деда?

Сказала она это так уверенно, будто и впрямь с дедом обо всём было договорено. Дед даже брови вскинул от удивления и неожиданности. Взгляд его в тот же миг потеплел.

— Упрямая, — сказал, — в кого такая уродилась?

— Будто не знаешь, в кого? — не преминула вставить бабушка. — Ты же сам такой: как втемашится тебе в башку какое непотребство, так хоть кол на голове теши. Не пущу в

избушку! – повысила она голос: – Неча над девчушкой измываться, это тебе парень, что ль? Не слушай его, Сонечка, он не в своём уме уже, вот и тянет тебя в тайгу.

– Никто меня не тянет, я сама решила, – строго и упрямо сказала Соня, – что же я, по-твоему, хуже парня? – и она посмотрела укоризненно на бабушку.

– Ты меня неправильно поняла, просто это... Как тебе сказать?..

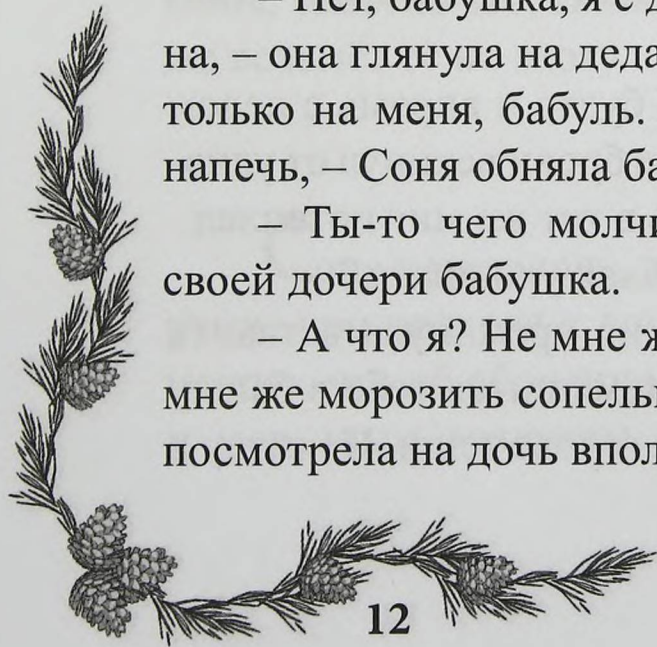
– Охота – дело не девчачье, да? Мне уже дед об этом говорил...

– Ну да. Я думала, мы с тобой шанежек напечём, пока дед будет по тайге валандаться.

– Нет, бабушка, я с дедом пойду: ему там помощь нужна, – она глянула на деда, даже подмигнула. – Не обижайся только на меня, бабуль. Мы с тобой ещё успеем шанежек напечь, – Соня обняла бабушку.

– Ты-то чего молчишь? – обратилась за подмогой к своей дочери бабушка.

– А что я? Не мне же тащиться по тайге на лыжах, не мне же морозить сопельки, – Сониная мама, усмехнувшись, посмотрела на дочь вполне одобрительно.

Дед, сидя у окошка на своём излюбленном месте, молча наблюдал за происходящим, и Соня знала, что это хороший знак. О, если бы бабушка встала на сторону Сони и попросила бы деда взять её в избушку, тот бы точно заупрямился, но теперь, после бабушкиных неубедительных доводов, можно было не сомневаться, что дело сделано.

После пирогов попили чаю, дед поблагодарил бабушку, приобняв её, похлопал по плечу:

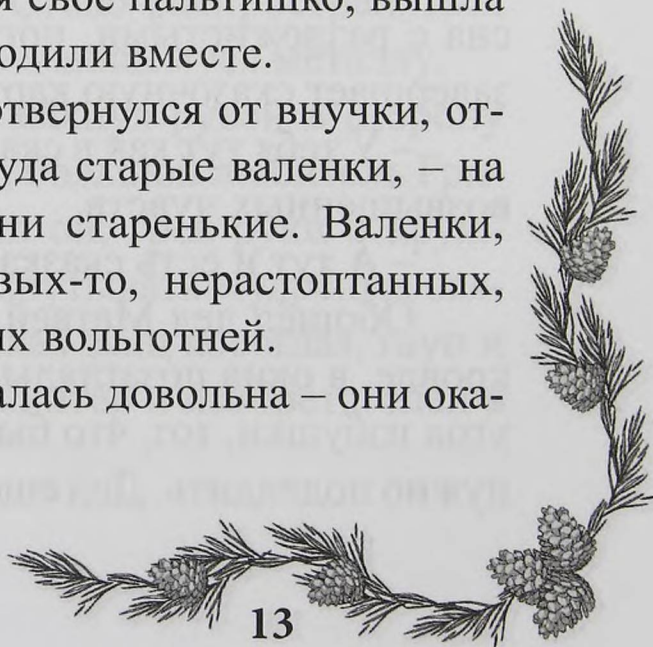
– Пирогі вкуснейшіе... Ну, впрочем, как всегда.

– Не подлизывайся, – перебила его бабушка и дёрнула плечом, будто освобождалась от дедовой ладони.

Едва дед успел скрыться за захлопнувшейся дверью, как Соня, наспех набросив на себя своё пальтишко, вышла за ним. В мастерскую они уже заходили вместе.

– Упрямая ты у меня, – дед отвернулся от внучки, открыл старый комод, вытащил оттуда старые валенки, – на вот, примеряй. Не смотри, что они старенькие. Валенки, чем старше, тем удобней. В новых-то, нерастоптанных, ноге тесно, а эти – подшитые, в них вольготней.

Примерив валенки, Соня осталась довольна – они оказались как раз впору.

- Хорошо, дед, ещё и носок можно поддеть.
— Главное, чтоб не жали, а так — подденем, подмотаем...

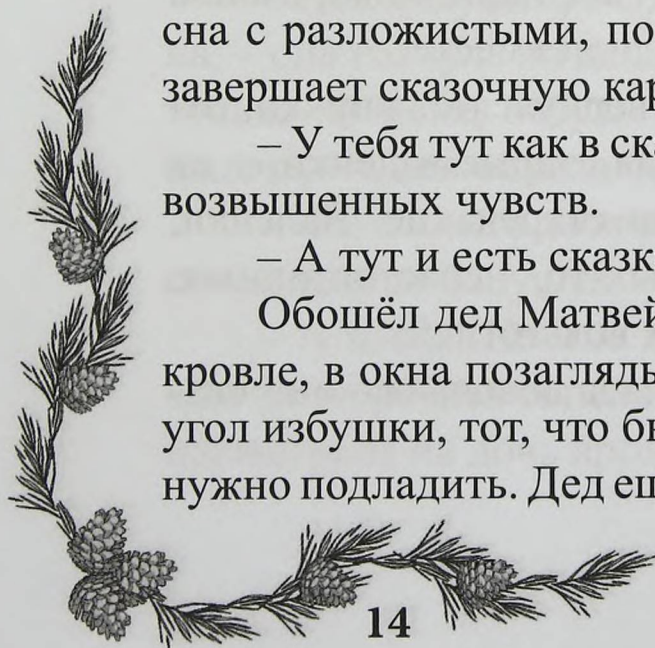
IV

В избушку добрались уже за полдень: сначала на поезде до разъезда «подкинул» их Олег Иванович, потом на лыжах — дед впереди, а внучка уже по натопанной лыжне за ним. Соне избушка показалась просто сказочной: стоит она, срубленная из толстых брёвен, на возвышенности, рядом берёзы спускают свои заиндевелые серебристые ветви, чуть не касаясь крыши, засыпанной снегом, а в сторонке — небольшие сосёнки в белых шапках. Одинокая высокая сосна с разложистыми, поседевшими от первоснега лапами, завершает сказочную картину.

— У тебя тут как в сказке, — не выдержала Соня наплыва возвышенных чувств.

— А тут и есть сказка, — обыденно сказал дед.

Обошёл дед Матвей избу, приглядываясь тщательно к кровле, в окна позаглядывал: ладно, что стёкла целы, а вот угол избушки, тот, что был разворочен медведем-пестуном, нужно подладить. Дед ещё до снега был здесь и неотложный

ремонт провёл, теперь осталось скрепить последний венец скобой, да ветошью подоткнуть, чтоб не дуло, да кусок рубероида подсунуть под образовавшуюся трещину. Там течь образовалась – сосулька показала. Вот и нужен ему помощник. Дед всё растолковал внучке.

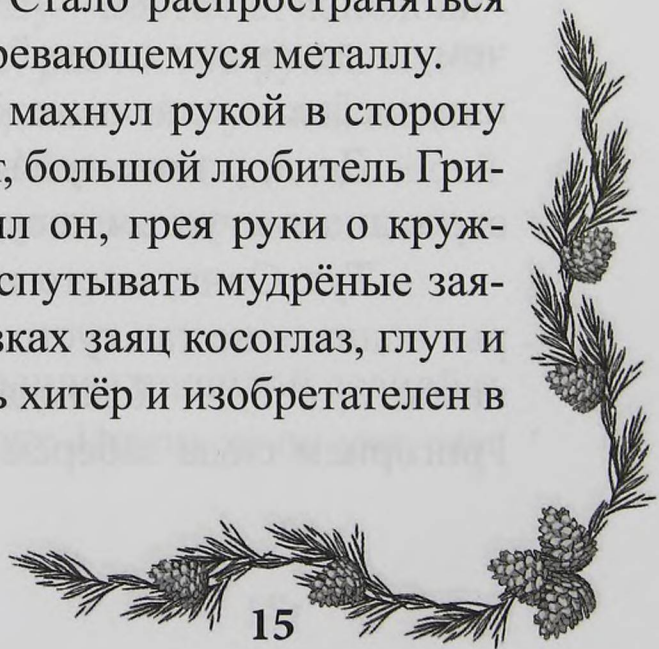
– Избушку ты сам построил?

– Нет, не сам – с Григорием Спиридоновичем поставили мы избу, когда тебя ещё и не было. Не знаю, помнишь ты Григория или нет? Он потом уехал из наших мест.

– Помню, он когда-то к тебе приходил – такой седой.

Дед принёс дров, затопил печку, поставил чайник. Печка изначально пошипела, подымила, а потом потянула дым в своё нутро – загудела чугунок. Стало распространяться тепло. Соня протянула руки к нагревающемуся металлу.

– Ишь ты, как запела, – дед махнул рукой в сторону печки, – тоже соскучилась. Так вот, большой любитель Григорий тропить зайца, – продолжил он, грея руки о кружку с чаем, – любили мы с ним распутывать мудрёные заячьи кроссворды. Это только в сказках заяц косоглаз, глуп и труслив. На самом деле – он очень хитёр и изобретателен в своих петляниях.

– А отчего это он такой хитрюшка?

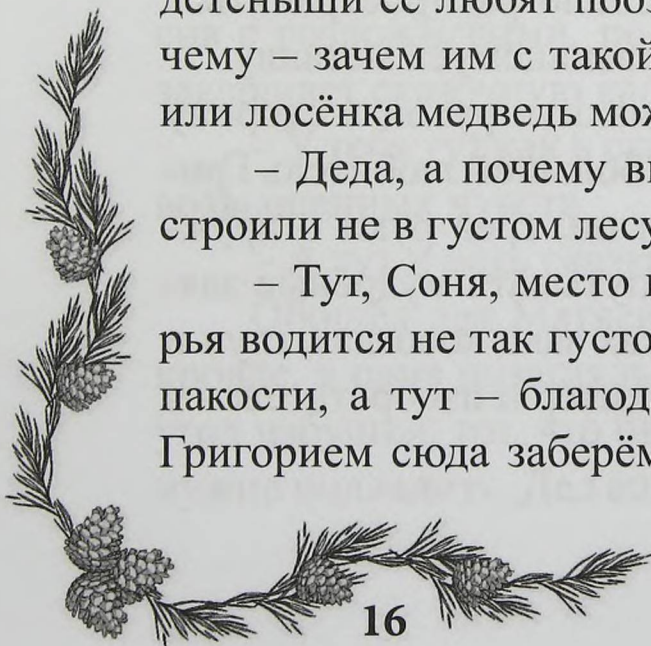
– Жить, как говорится, захочешь – и схитришь, и смудишь, и рубь сменяешь на шиш. Ему же постоянно приходится прятаться от лисичек, волков, а тут ещё и охотники. Так что ухо ему приходится держать остро.

– И медведи тоже могут поймать зайца? – спросила Соня, посмотрев в сторону развороченного медведем угла.
– Вот они какие сильные – даже избушку поломали.

– Это не взрослый медведь, это медвежата пошалили, – перехватив взгляд внучки, сказал дед, – тут частенько так бывает. Живёт в гривах неподалёку медведица. Давно с ней заочное знакомство ведём. Сама-то она не пакостит, а вот детёныши её любят поозорничать. А зайцы медведям ни к чему – зачем им с такой мелочью связываться? Вот оленя или лосёнка медведь может, пожалуй, заломать.

– Деда, а почему вы с дядей Григорием избушку построили не в густом лесу, а на этом островке?

– Тут, Соня, место насквозь продувное, и летом комарья водится не так густо. В лесу-тодохнуть нельзя от этой пакости, а тут – благодать! Бывало, летом за карасями с Григорием сюда заберёмся. Река к тому времени в берега

войдёт, и озера карасёвые обозначатся. Время самое ко-
мариное, а тут, на Берёзовом острове — свежачок гуляет, и
племя это подлое не так донимает. Про то и медведица зна-
ет, частенько здесь летом отлёживается с малышами. Она
с медвежатами тропу сквозь пойменную траву натопчет, а
мы потом по их тропе ходим.

— А вдруг встретитесь на тропинке? — спрашивает
внучка, округлив от страха глаза, будто медведи где-то тут,
рядом. — Медведица же может вас покусать.

— Не первый год с ней знаемся. Она только слышит
нас — тут же в сторонку уйдёт со своими малышами. Ну
и мы, конечно, на рожон не лезем: места всем хватит. Мы
друг другу зла не делаем, живём мирно, как говорится. —
Дед приготовился к долгому рассказу — поставил наполови-
ну выпитый чай в большой кружке, расчистив рукой место
от крошек, прокашлялся. — Знаешь, какая она умная, медве-
дица-то? Никогда не лазит в избу. Медвежата, те по своей
малолетности иногда напакостят, как вот нынче осенью пе-
стун угол своротил.

— А кто такой пестун?

— Это медвежонок, который родился прошлой весной и
лёг с мамкой осенью снова в берлогу. Потом-то он уже сам

будет себе берлогу искать, но первую зиму ложится с медведицей, а у неё в конце зимы ещё родятся маленькие, вот и получается, что весной из берлоги выходят прошлогодние медвежата, уже подросшие годовики-пестуны, и маленькие, только что родившиеся. Как-то давненько уж, летом, сидим с Григорием в избушке и слышим: завизжал по-детски маленький. Да так жалобно. Видимо, проштрафился и получил оплеуху от мамки, а может, старший братишка обидел.

– Так они что, недалеко были? – спрашивает Соня.

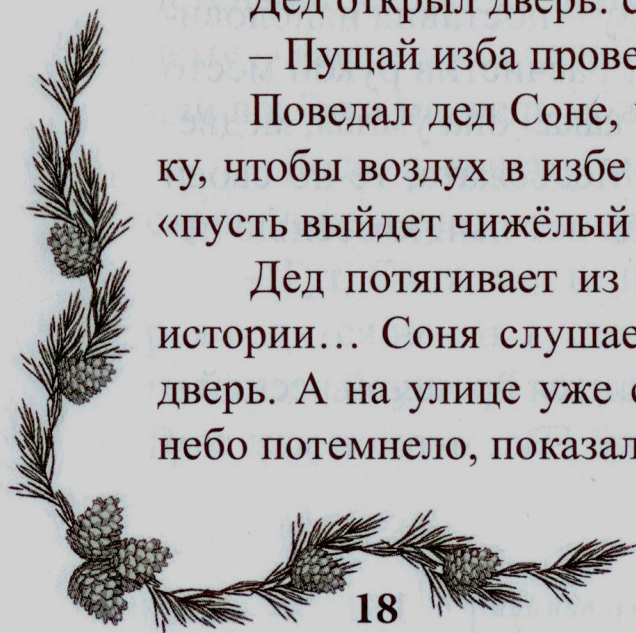
– Недалеко, в том конце нашего островка. Они тоже тут от комарья прячутся. Так частенько летом соседствуем: у них свои заботы, у нас – свои.

Дед открыл дверь: сильно жарко стало.

– Пушай изба проветрится.

Поведал дед Соне, что нужно сначала прокалить печку, чтобы воздух в избе прогрелся, потом дверь открыть – «пусть выйдет чижёлый дух».

Дед потягивает из кружки чай, рассказывает разные истории... Соня слушает деда, поглядывает в открытую дверь. А на улице уже стало сереть, снег кажется синим, небо потемнело, показалась луна, даже обозначились неко-

торые звёздочки. Темнеет быстро: синева сменилась густой темнотой, зори высветились ярко. Вышли на улицу. Дед показал Соне, как найти Большую медведицу, а от неё уже и Полярную звезду, отсчитав семь отрезков между конечными звёздами Большого зоряного Ковша.

— Это будет север, а там, за спиной у нас, соответственно — юг, по правую руку — восток и по левую — запад.

— Нам учительница в школе рассказывала, как найти север по звёздам, но я так и не поняла, а теперь всё ясно, — удивилась Соня и воскликнула восторженно: — Как много тут у тебя звёзд!

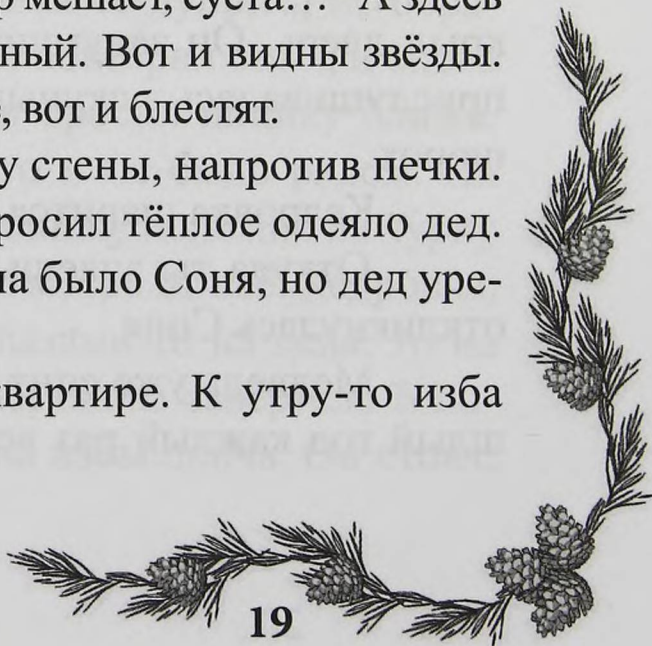
— Почему же у меня? — возразил дед. — Просто в городе некогда на звёзды смотреть — телевизор мешает, суета... А здесь ничего не мешает и воздух прозрачный. Вот и видны звёзды. Они тут вроде как вымытые, чистые, вот и блестят.

Спать легла Соня на полатах у стены, напротив печки.

— Возьми вот, укроешься, — бросил тёплое одеяло дед.

— Мне и так жарко, — возразила было Соня, но дед урезонил её:

— Это тебе не в городской квартире. К утру-то изба выстудится, так что укрывайся.

Соня не стала перечить — деду видней, он опытный, он всё знает. Дед задул керосиновый светильник, который он почему-то называл лампой, хоть на обычную электрическую лампу она была совсем не похожа. В избе сразу возникла страшная темень. Соне показалось, что она закрыла глаза, но нет же: откроет глаза — темно, закроет — так же темно, одинаково.

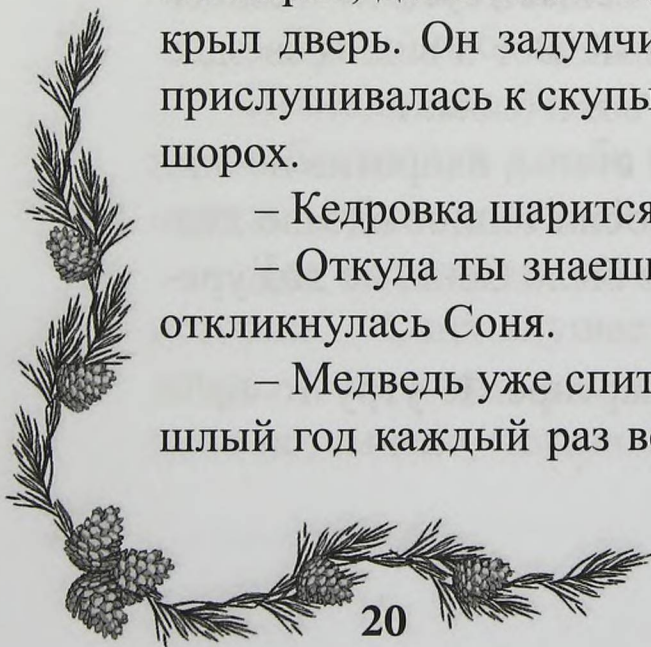
V

Утром действительно стало прохладно и одеяло пригодились. Дед снова накочегарил печку и стало невыносимо жарко, даже нос и щеки зарумянились у деда, и он открыл дверь. Он задумчиво смотрел куда-то вдаль, а Соня прислушивалась к скудным в это время звукам. Послышался шорох.

— Кедровка шарится, — сказал тихо дед.

— Откуда ты знаешь? Может, это медведь, — шёпотом откликнулась Соня.

— Медведь уже спит в берлоге. Это кедровка. Она прошлый год каждый раз встречала нас. И на охоте сопрово-

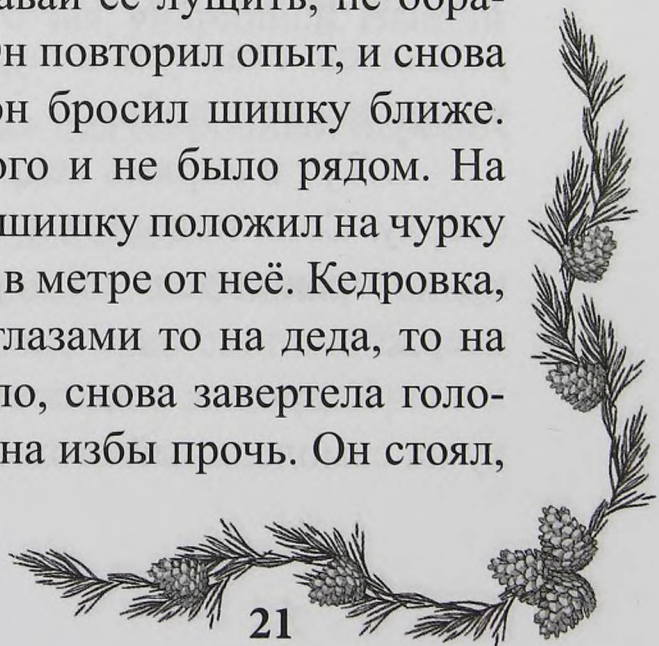

ждала: всему свету раскаркает о нашем присутствии. Потом, видимо, самой надоеет и отстанет.

— Кедровка чем питается? — интересуется внучка.

— Кедровыми орешками, в основном, потому кедровой и зовётся. Но когда нет кедровых шишек, она может и сосновые шишки теревить или еловые, к примеру, не откажется и от мяска, если после кого-то достанется; насекомыми разными тоже не побрезгует — вот такая она птичка таёжная.

Дед рассказал Соне, как однажды он бросил ей кедровую шишку. Птичка бесшумно спланировала с кривобокой сосны и ловко схватила её, уселась на витую сухару, пристроила шишку в расщелину, и давай её лущить, не обращая на деда никакого внимания. Он повторил опыт, и снова кедровка не растерялась; потом он бросил шишку ближе. Она сцапала шишку, словно никого и не было рядом. На следующие выходные дед Матвей шишку положил на чурку рядом с дверью в избушку и стоял в метре от неё. Кедровка, сидящая прямо над ним, косила глазами то на деда, то на шишку, потом заорала во всё горло, снова завертела головой, словно хотела отогнать хозяина избы прочь. Он стоял,

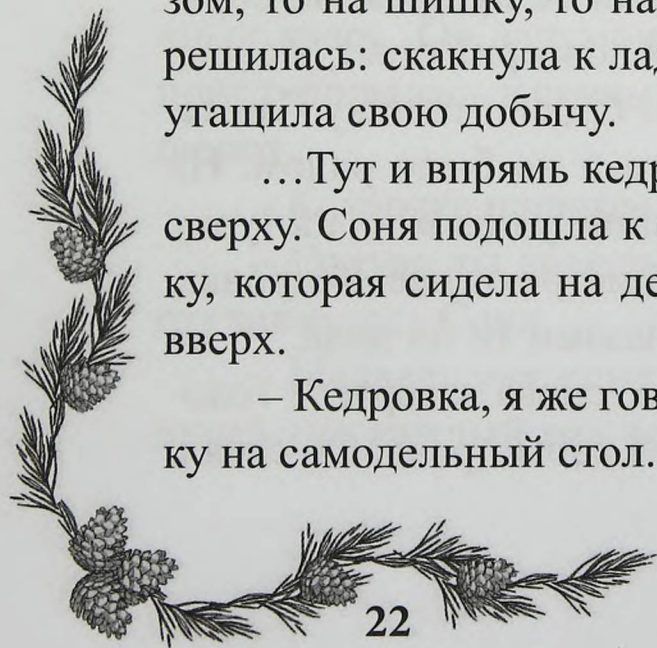

не шелохнувшись. Сорвалась она, нырнула вниз, схватила добычу, тут же оттолкнулась и уселась на своё излюбленное место. Так повторялось ещё не однажды. Благо, в то время дед со своим другом на охоту выбирались каждые выходные.

— Однажды я не стал шишку класть на стол или чурку, — вел рассказ дед дальше. — Я вытянул руку и положил на стол. На моей ладони лежало лакомство для этой горластой бестии. Кедровка заволновалась, заперелетала с ветки на ветку, заорала; и бранилась долго, но я сидел по-прежнему, не шевелясь. Я даже старался на неё не смотреть. Вдруг появилась на столе. То на меня сверкнёт своим карим глазом, то на шишку, то на меня, то на шишку... Наконец-то решилась: скакнула к ладони проворно, схватила шишку, и утащила свою добычу.

...Тут и впрямь кедровка стрекотнула, но звук донесся сверху. Соня подошла к открытой двери и увидела кедровку, которая сидела на дереве. Дед тоже пригнулся, глянул вверх.

— Кедровка, я же говорил, — дед громко поставил кружку на самодельный стол.

За стеной снова слышалось шуршание.

– Шуршит-то внизу, а кедровка – на дереве, – усомнилась Соня.

– Молодец! – наблюдательная, – сказал дед, одобрительно посмотрев на внуку. – Это, наверное, ветер листву мороженую гоняет, тут место продувное, снег-то и сдуло до листьев, – нашел причину шелестенья дед. А сам как-то напружинился: вроде, ветра такого сильного нет – отчего же тогда шуршит? Надевать обутки неохота, чтобы проверить. «Ладно, – думает, потом погляжу».

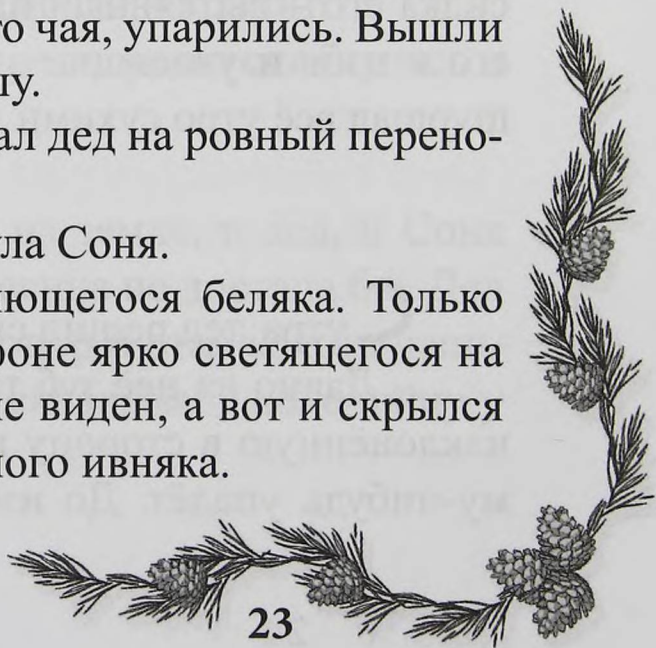
– Разберёмся, – говорит внучке, – ветром листву, может, гоняет, – всё же высказался дед в пользу своего предположения и стал одеваться. Соня тоже надела тёплое пальто.

Пока одевались после горячего чая, упарились. Вышли на улицу, ступив на свежую порошу.

– На охоту бы сегодня, – указал дед на ровный переносок, – все следы свежие.

– Смотри, дед, заяц! – крикнула Соня.

Дед и сам уже увидел удаляющегося беляка. Только тёмные кончики ушей видны на фоне ярко светящегося на солнце снега, а сам косой почти не виден, а вот и скрылся он совсем за кустиками заснеженного ивняка.

Дед и Соня шагнули за угол избушки.

— Вот оно что, — приглушённо сказал дед и усмехнулся, — зайчик-то всё утро нас слушал.

— Ты на охоту хотел идти, а зайчик сам к тебе прискакал, — усмехнулась внучка.

— Раз мы уже зайчика видели, то на охоту не пойдём, — изрёк дед, как отрезал.

— Ну и хорошо, будем ремонтом заниматься, да, дед?

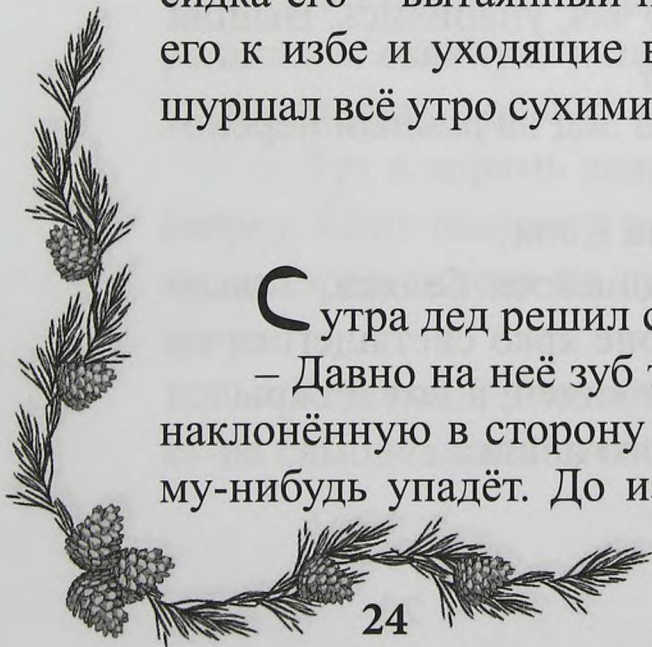
— Да, внучка.

Они стояли у того места, где только что сидел заяц. За избушкой, где всегда продувало сквозным ветром, снег сдуло, оголив толстый слой листьев. А на самом углу виднелась сидка его — вытаянный пяточок и заячьи следы, приведшие его к избе и уходящие в березняк. Оказывается, заяц-то и шуршал всё утро сухими листьями, слушая дедовы истории.

VI

С утра дед решил спилить старую сухую осину.

— Давно на неё зуб точу, — проговорил он, указывая на наклонённую в сторону избы сушину, — ещё на голову кому-нибудь упадёт. До избы-то, похоже, не достанет, — он

смерил осину от корня до обломанной вершины, потом повернулся к избе, — нет, не достанет.

Завизжала бензопила, посыпались снопом светлые опилки. Сделал дед один запил, потом ещё под углом, и вывалился клин из-под шины бензопилы.

— Будешь толкать вот в эту сторону! — перекрикивает дед пилу.

— Понятно! — Соня деловито прислонила сухой дрын к стволу повыше и налегла, чтобы лесина упала, как дед задумал.

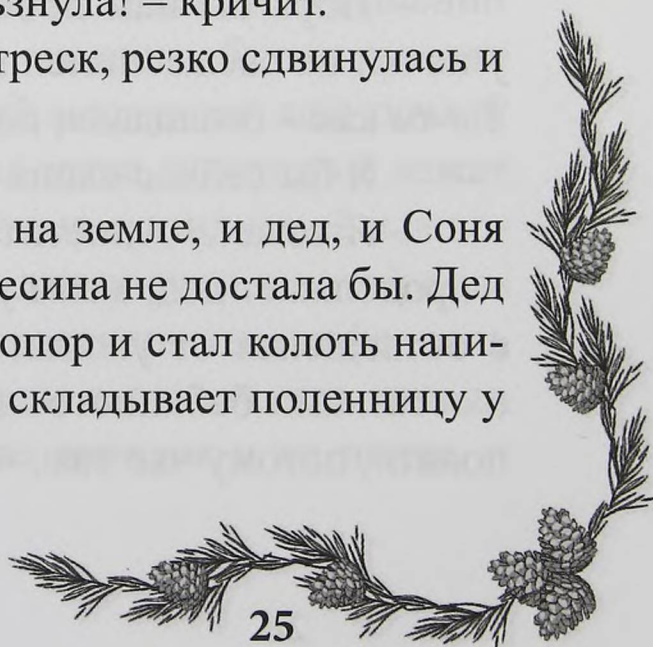
Запела пила громко и нутжно. Дед присматривает за внучкой.

— Осторожно, чтоб не соскользнула! — кричит.

Вдруг осина издала громкий треск, резко сдвинулась и плашмя упала на снег.

— Хорошо упала, как нужно.

Теперь, когда лесина лежала на земле, и дед, и Соня удостоверились, что до избушки лесина не достала бы. Дед побрякевал толстую осину, взял топор и стал колоть напиленные чураки. Дед колет, внучка складывает поленницу у двери избушки. Дело ладится.

– Ты у меня помощница что надо, – хвалит дед, вытирая пот со лба.

– А ты брать меня не хотел, – прищурившись, говорит Соня.

– Да мне всё кажется, что ты маленькая, а ты вот уже какая, – дед сдвинул брови вверх. – Устала?

– Нет, не устала.

– А я вот уже задох.

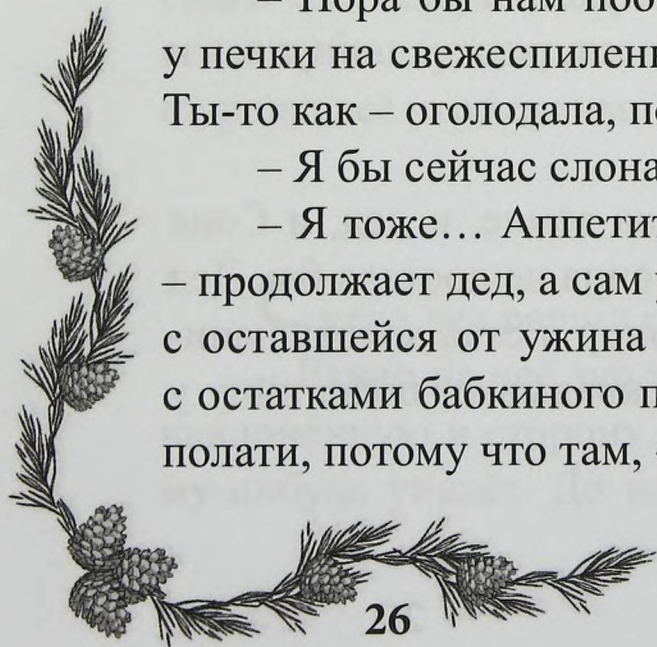
– Так у тебя и работа тяжелее, а у меня что: складывай себе поленницу...

За разговорами работа продвигается. Уже через час-другой и поленница сложена, и в избу дрова занесены.

– Пора бы нам пообедать, – говорит дед, усаживаясь у печки на свежеспиленный чурак, который занёс в избу. – Ты-то как – оголодала, поди?

– Я бы сейчас слона проглотила, – отвечает внучка.

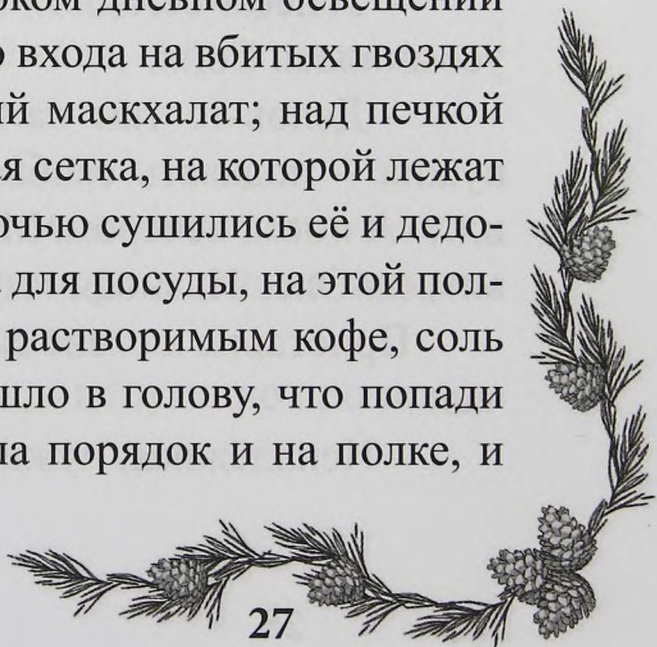
– Я тоже... Аппетит мы нагуляли с тобой отчаянный, – продолжает дед, а сам уже поставил кастрюльку на печку с оставшейся от ужина едой. Соня подняла с полу судок с остатками бабкиного пирога: дед вчера поставил его под полати, потому что там, «как в холодильнике».

Сама себе удивляется Соня. Разве ела бы она дома макароны с тушёнкой, да ещё зажаренные с луком? Да никогда. А сало с чесноком? А тут всё ей кажется вкусным. Дед догадывается, о чём думает Соня, смотрит на неё, улыбается в усы:

– Поработаешь до поту, так и поешь в охоту, – говорит, и непонятно: Сони касаются его слова или о себе бает.

Дед убирает грязные тарелки, наливает горячий чай. Соня заворожённо смотрит на кружащийся над кружкой пар. Двери избушки открыты, и проникающий холодный воздух колеблет столбик тянущегося вверх пара: то его прибывает к столу, то он выпрямляется, то вдруг завихрится причудливой спиралью. При ярком дневном освещении Соня рассматривает избу: у самого входа на вбитых гвоздях висит тёплая одежда, в углу белый маскхалат; над печкой полочкой приделана металлическая сетка, на которой лежат меховые рукавицы, спички. Там ночью сушились её и дедовы валенки. У стола сделана полка для посуды, на этой полке хранится сахар, чай, баночка с растворимым кофе, соль и прочая мелочь. Соне вдруг пришло в голову, что попади в избушку бабушка, она бы навела порядок и на полке, и

на вешалах, и вообще в избе. Пожалуй, заставила бы деда побелить стены извёсткой и вымыть пол.

– Хорошо у тебя в избушке, – говорит она деду, – только бабушке не очень понравилось бы.

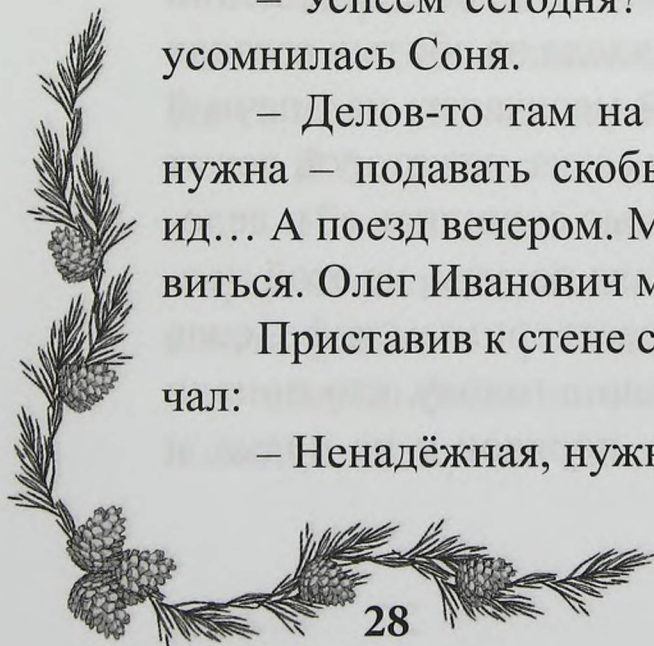
– Уж она бы заставила меня углы мести. Ей занавесочки, рюшечки подавай. Тут свой порядок: мне главное, чтобы изба была тёплой, чтобы не протекала крыша, чтобы можно было обогреться после охоты, рыбалки, обсушиться, а занавесочки-рюшечки – это лишнее, – сказал дед, и как бы в своё оправдание произнёс: – Вот и сегодня – нужно крышу починить, угол законопатить, да верхние венцы скобами скрепить. У каждой избушки свои поскрипушки, так вот.

– Успеем сегодня? Нам же ещё домой добираться, – усомнилась Соня.

– Делов-то там на полчаса. Только вот помощь мне нужна – подавать скобы, инструмент, подержать рубероид... А поезд вечером. Машинист знает, что нужно остановиться. Олег Иванович мужик надёжный.

Приставив к стене самодельную лестницу, дед проворчал:

– Ненадёжная, нужно будет весной новую сделать.

Поднялся он почти на самый верх лестницы, счистил снег с угла, Соня подала скобы, молоток, дед скрепил венцы, подконопатил ветошью образовавшуюся щель, потом Соня подала кусок рубероида, вырезанный дедом на земле.

– Всё, Соня, дальше я уже справлюсь один. Собирай со стола, упаковывай свои вещи в рюкзак. Я закончу с рубероидом, вымою посуду и будем двигаться к железке...

– Я сама вымою, – сказала твёрдо Соня.

– Тогда возьми большую миску под полатями. Горячая вода в чайнике.

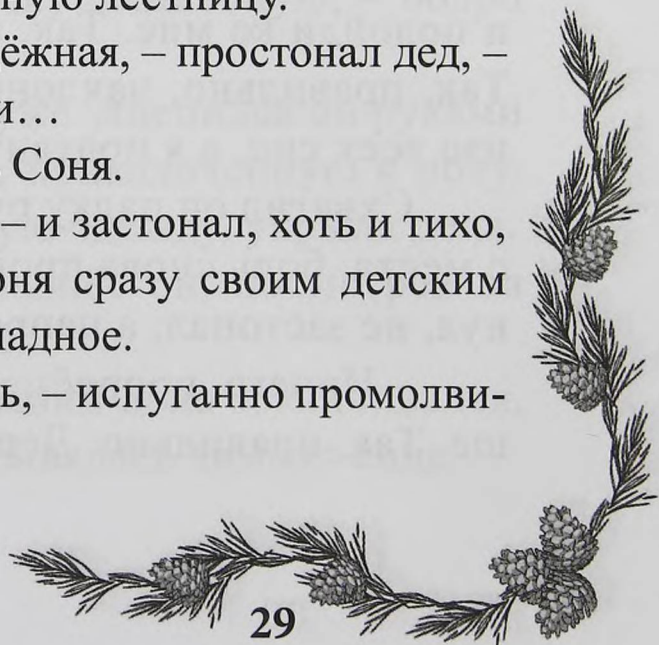
Уже заканчивала мыть посуду Соня, когда услышала какой-то треск и шлепок. Выскочила она на улицу и увидела лежащего деда, а рядом сломанную лестницу.

– Я же говорил, что она ненадёжная, – простонал дед, – не было печали, так черти накачали...

– Что с тобой? – перепугалась Соня.

– Да ничего, сейчас встану... – и застонал, хоть и тихо, чтобы не напугать внуку, но Соня сразу своим детским умом смекнула, что случилось неладное.

– Дед, у тебя нога вывернулась, – испуганно промолвила Соня.

– Я уже сам вижу, что плохо дело, – как можно спокойнее сказал он, а сам холодным потом покрылся, да не от боли, а от мысли о том, как сейчас Соня, его маленькая внучка, с ним, большущим мужиком, будет управляться.

– Что делать будем? – так же спокойно спросила Соня.

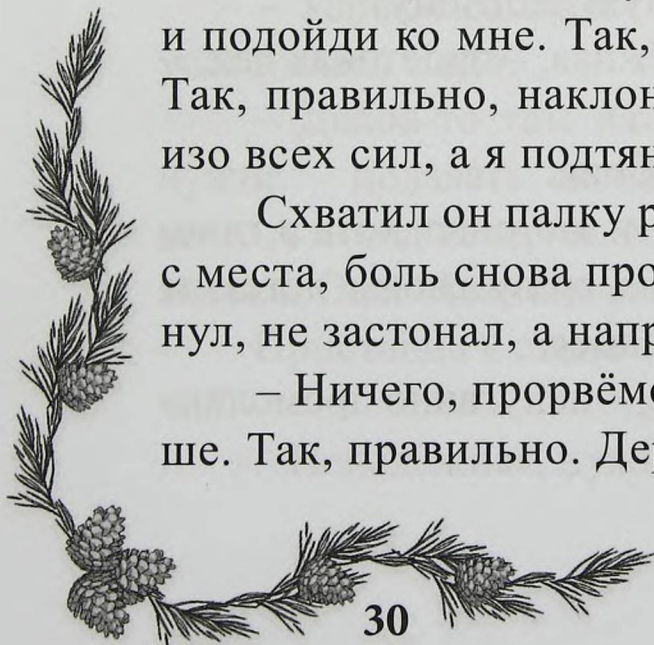
– Сперва мне нужно в избушку заползти, потом будем думать. Подкинь дров в печку, но дрова на улице бери – в избе ещё понадобятся.

Пока Соня выполняла поручение деда, он попытался ползти, но каждое движение вызывало невыносимую боль. Он хотел подтянуться руками, но не за что было ухватиться.

– Соня, возьми ту палку, что наклонена на стенку, и подойди ко мне. Так, воткни острым концом в землю. Так, правильно, наклони палку в мою сторону и держи изо всех сил, а я подтянусь.

Схватил он палку рукой, потянул на себя, сдвинулся с места, боль снова пронзила всё тело. Но он не вскрикнул, не застонал, а напротив – улыбнулся Соне:

– Ничего, прорвёмся! Переставляй палку чуть дальше. Так, правильно. Держи.

И он снова подтянулся на полметра. И снова боль, да такая, что терпеть, казалось, невозможно, но он снова промолчал, стиснув зубы, лишь сказал спокойным голосом:

– Переставляй дальше.

Несколько раз передвигала палку Соня. Всё ближе порог, но силы закончились. Почувствовал дед Матвей, что мутится рассудок. Плывёт над ним заснеженная сосна, небо, плывут облака...

– Дед, дед! – услышал он крик Сони. – Что с тобой?

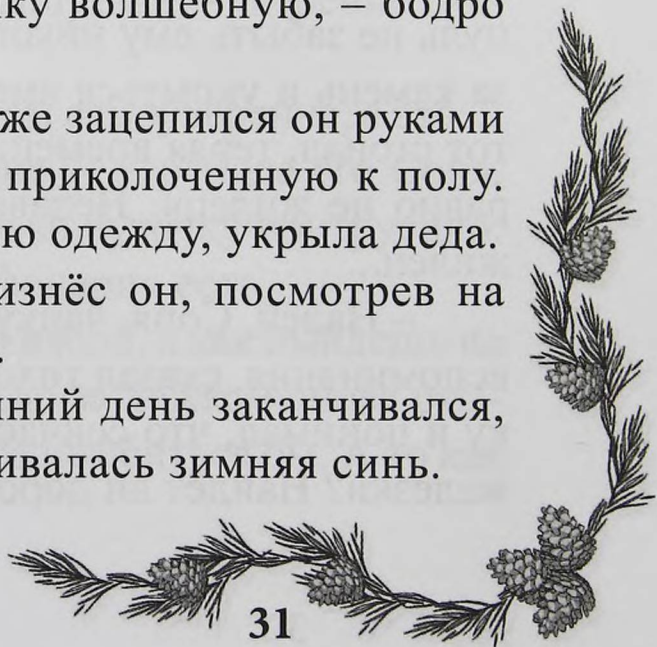
И он понял, что терял сознание. «Нельзя так. Напугаю девчушку до смерти».

– Ничего, ничего, Соня. Я просто отдыхал – устал маленько. Переставляй-ка палочку волшебную, – бодро скомандовал он.

Доползли до дверей, а там уже зацепился он руками за порог, потом за ножку стола, приколоченную к полу. Соня сбросила на пол всю тёплую одежду, укрыла деда.

– Натворил я делов, – произнёс он, посмотрев на внучку извиняющимся взглядом.

Тем временем короткий зимний день заканчивался, сквозь небольшое окошко просеивалась зимняя синь.

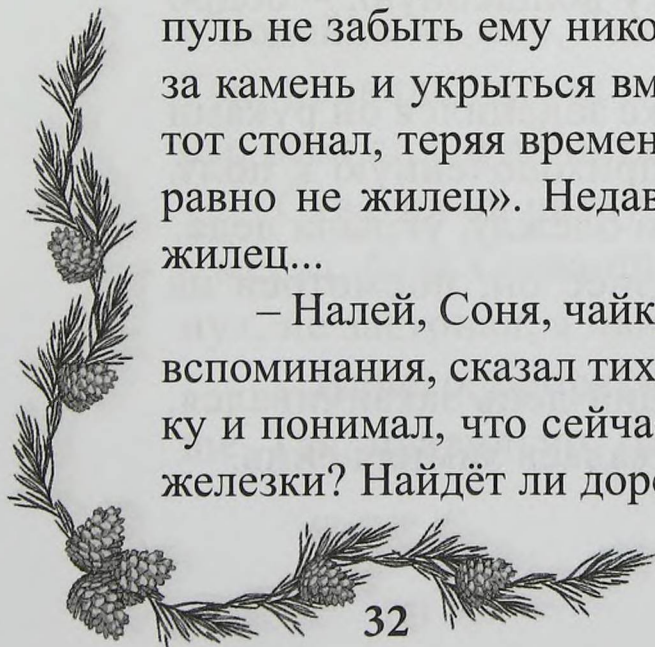
– Я сейчас лампу зажгу, чайку тебе заварю, – спокойно, по-деловому сказала Соня.

Она подбросила несколько поленьев в печку, затеплила лампу. Чайник вскоре запел свою скучную песню.

– Чайник запел – к бурану, – сказал дед.

Соня не поддержала разговор. В избушке на какое-то время воцарилась тишина. Каждый думал свою думу. Матвей Сергеевич почему-то вспомнил Афганистан, когда он тащил своего раненого товарища под свистом пуль: с одной стороны прикрывали товарищи, а с другой прицельно били душманы. Эти противные посвисты пролетающих над головой пуль не забыть ему никогда. Удалось ему тогда перевалить за камень и укрыться вместе с товарищем. Он помнит, как тот стонал, теряя временами сознание: «Оставь меня, я всё равно не жилец». Недавно звонил Сашка, а говорил – не жилец...

– Налей, Соня, чайку, а то в горле пересохло, – прервав воспоминания, сказал тихо дед Матвей. Он смотрел на внучку и понимал, что сейчас всё зависит от неё. Дойдёт ли до железки? Найдёт ли дорогу в темноте? Ночью ведь снежок

небольшой выпал, да ветерок поддувал: на открытых местах лыжню замело...

Соня деловито наливает чай, ставит на пол лампу.

— Ты, дед, во мне не сомневайся. Думаешь, я не знаю, о чём беспокоишься? Думаешь, что я дорогу не найду, что собьюсь?

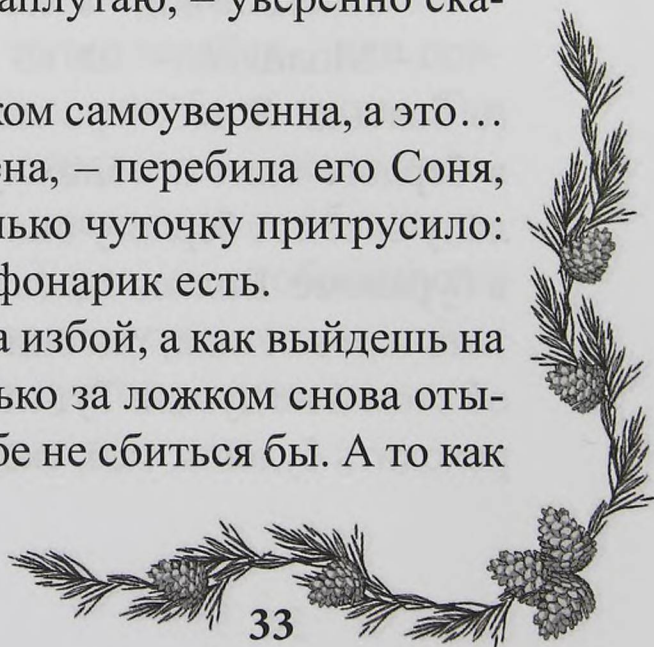
— Виноват, но и то подумалось... Через полчаса станет совсем темно. Но другого выхода нет. Тебе придётся к поезду идти. Главное — держаться следа. Не паникуй, когда на открытых местах след пропадёт, иди прямо, снова выйдешь на нашу лыжню вчерашнюю. Надо держать направление, а там дойдешь до просеки, и она прямо выведет на железку.

— Хорошо, дед, не бойся, не заплутаю, — уверенно сказала Соня.

— Вот я и боюсь, что ты слишком самоуверенна, а это...

— Я не самоуверенна, а уверена, — перебила его Соня, — след лыжный ещё видно, его только чуточку притрусило: вот я по следу и пойду. У тебя же фонарик есть.

— След-то будет виден сразу за избой, а как выйдешь на чистое место, там его замело. Только за ложком снова отыщется, возле кустов. Вот тут-то тебе не сбиться бы. А то как

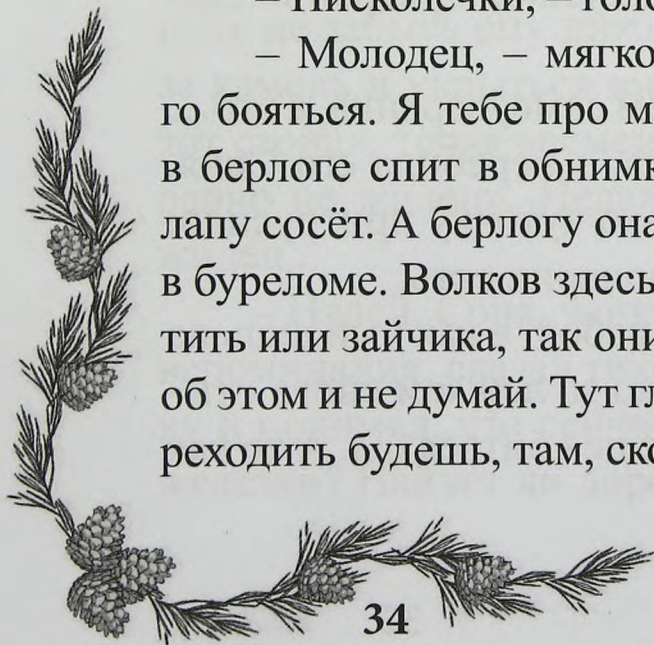
уйдёшь в темноту, так сразу и запаникуешь, след потерявши. Там фонарик не поможет.

Соня посмотрела в тёмное окно и её передёрнуло. Вдруг она и впрямь испугалась: а что если потеряет след, а потом ни в избушку, ни на железку не сможет выйти. Страшно же одной оказаться в тайге среди ночи, в крошечной темноте. Там же звери разные могут встретиться. Про медведей дед рассказывал. А вдруг медведица где-то рядом сидит, да с медвежатами. Как-то не по себе стало Соне, она отвела взгляд от окна, посмотрела на деда. Хорошо, что ему не видно её лица, а то он бы всё понял.

— Что замолчала? Испугалась?

— Нисколечки, — голос её не дрогнул.

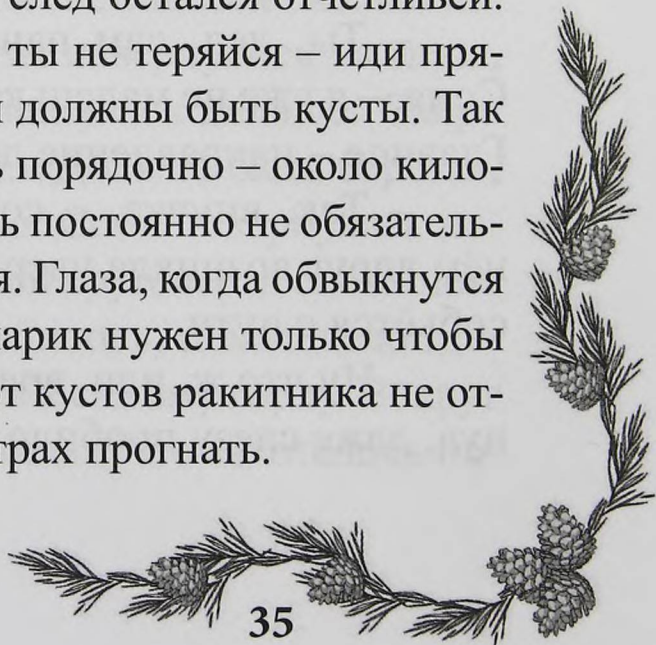
— Молодец, — мягко сказал дед, — в лесу сейчас некого бояться. Я тебе про медведицу рассказывал, так она уже в берлоге спит в обнимку со своими дочками-сынишками, лапу сосёт. А берлогу она обычно делает далеко за железкой, в буреломе. Волков здесь не бывает. Лисичку можешь встретить или зайчика, так они сами испугаются и убегут. Так что об этом и не думай. Тут главное — не сбиться, когда ложок переходить будешь, там, скорее всего, следа не видно. Держать

нужно направление, как бы в продолжение лыжни, а уже как выйдешь на горочку – увидишь одинокую берёзу...

– А вдруг не увижу? Темно же, – несмело спросила Соня.

– Увидишь – сейчас снег, а потому такой крошечной тени не бывает, и на чистом месте ты её обязательно заметишь: она там одна. Подойдёшь к самому дереву. Там уже, возможно, появится наша лыжня. Даже если лыжню замело, не теряйся. Иди прямо: слева у тебя будут кусты ракитника, редко будут встречаться небольшие берёзки, а справа – чисто, там ручей внизу. Идти нужно вдоль ракитника, но там уже точно будет наш лыжный след, кусты не дали замести его, да и снег там был поглубже, и след остался отчётливей. Местами след будет пропадать, но ты не теряйся – иди прямо. Помни, всё время слева от тебя должны быть кусты. Так по открытому месту будешь топать порядочно – около километра, пожалуй. Фонариком светить постоянно не обязательно: без него лучше ориентироваться. Глаза, когда обвыкнутся в темноте, всё будут замечать. Фонарик нужен только чтобы след отыскать или убедиться, что от кустов ракитника не отклонилась; а пуще всего – чтобы страх прогнать.

VIII

Соня отворила дверь. Снежинки густо закружились, влетая в избу.

— Ну и ну! — вздохнул дед Матвей. — Как назло, метель начинается. Выйди-ка, глянь, как там ветер, не шибко ли расходился?

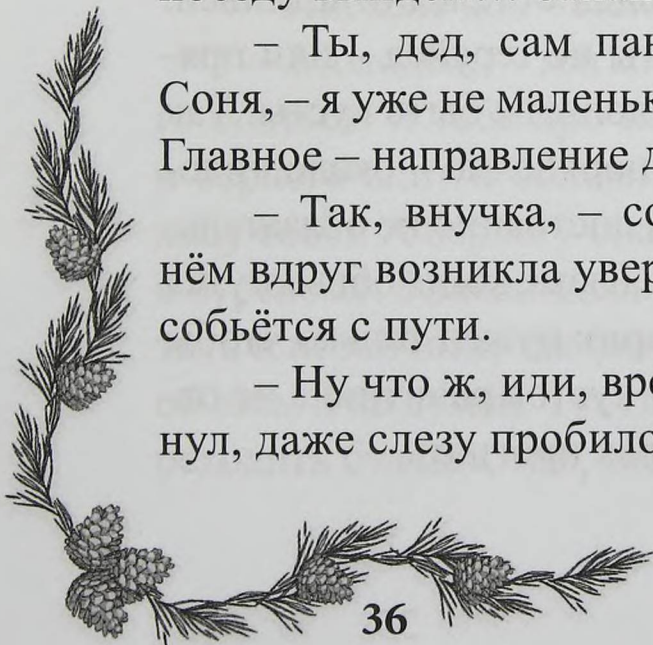
— Не шибко, — сказала Соня, входя обратно в избушку.

— Может, до утра подождём? — начал сомневаться дед. — Что-то не нравится мне такая погода. Но бабулька твоя с мамой до утра с ума сдвинутся, да и Олег Иванович, машинист, тоже предупреждён, что мы сегодня к поезду выйдем... Запаникует он...

— Ты, дед, сам панику наводишь, — строго сказала Соня, — я уже не маленькая. Не бойся, со следа не сойду. Главное — направление держать. Так ведь?

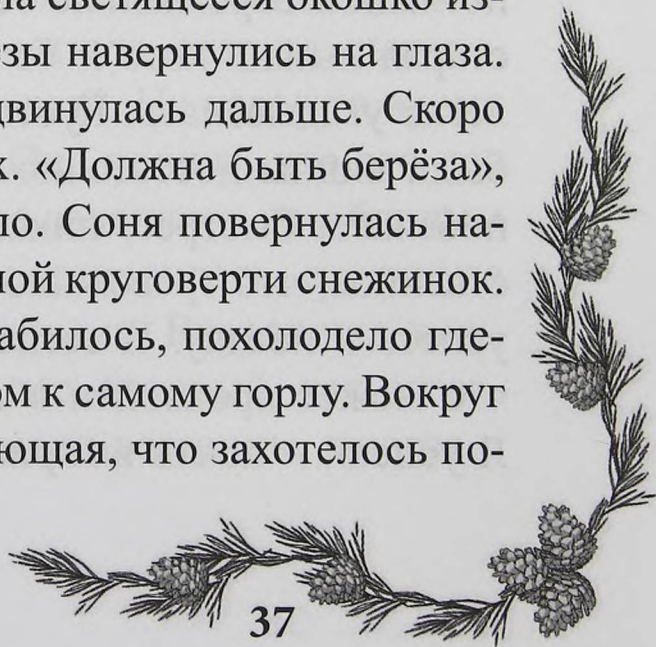
— Так, внучка, — согласился Матвей Сергеевич, и в нём вдруг возникла уверенность: эта дерзкая девчушка не сойдёт с пути.

— Ну что ж, иди, время поджидает, — голос деда дрогнул, даже слезу пробило, но того Соня не видела.

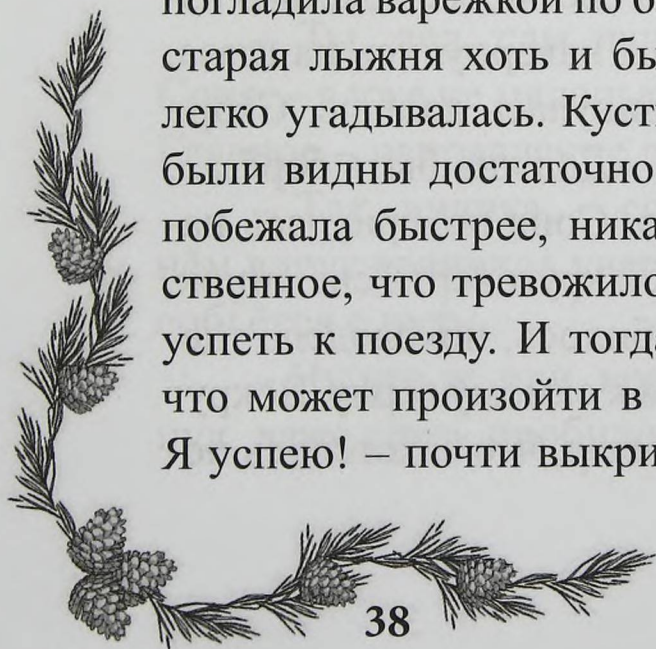

Соня надела рюкзак. В рюкзак дед затолкал свою тёплую куртку, завернув в неё бутылку с тёплой водой. В карманчике рюкзака всегда лежали спички, нож, соль, сахар. Дед самолично проверил. А ещё велел он взять запасные варежки и остатки пирога.

Соня плотно прикрыла дверь, прошла за угол избушки, включила фонарик, увидев старый след, тут же выключила его, «чтобы глаза привыкали к темноте», и пошла, не оглядываясь. Лыжи, поскрипывая, легко скользили, торили лыжню от избушки в густую синеву. Спустилась в ложок. Глаза уже обвыклись. Она заметила, что след потерялся, как и говорил дед. Повернувшись назад, чтобы наметить направление движения, она увидела светящееся окошко избушки, ощутив тепло в груди, слёзы навернулись на глаза. «Вперёд!» – сказала она себе и двинулась дальше. Скоро девочка начала подниматься вверх. «Должна быть берёза», – подумала она, но берёзы не было. Соня повернулась назад, но окошко уже исчезло в плотной круговерти снежинок. Она остановилась, сердце часто забилося, похолодело где-то внутри, противно подкатился ком к самому горлу. Вокруг неё сгустилась темень, такая пугающая, что захотелось по-

вернуть лыжи назад. «Здесь некого бояться», – прошептала она. «Я никого не боюсь», – бодрилась Соня. Она прошла ещё несколько метров, но берёза не показалась. Включив фонарик, она поняла, что он мало помогает: света хватало, чтобы отвоевать у ночи совершенно небольшое пространство вокруг, а темнота за этим светлым кругом казалась ещё черней. Ещё заметила Соня, что в лучах фонарика летящие снежинки мчались с огромной скоростью. Выключила фонарик, и летящий снег будто растворился в темноте. Глаза снова привыкли, она прошла ещё немного, вглядываясь вперед. А вот и берёза! Соня обрадовалась так, будто встретила подружку после долгой разлуки. Она даже обняла её, погладила варёжкой по белому стволу. А вот и след. Дальше старая лыжня хоть и была присыпана свежим снегом, но легко угадывалась. Кусты ракитника слева от лыжни тоже были видны достаточно чётко. По открытому месту Соня побежала быстрее, никакого страха не испытывая. Единственное, что тревожило её в это время, так это боязнь не успеть к поезду. И тогда... Ей не хотелось думать о том, что может произойти в таком случае. «Я тебя спасу, дед! Я успею! – почти выкрикнула она, взбадривая себя. – Дед

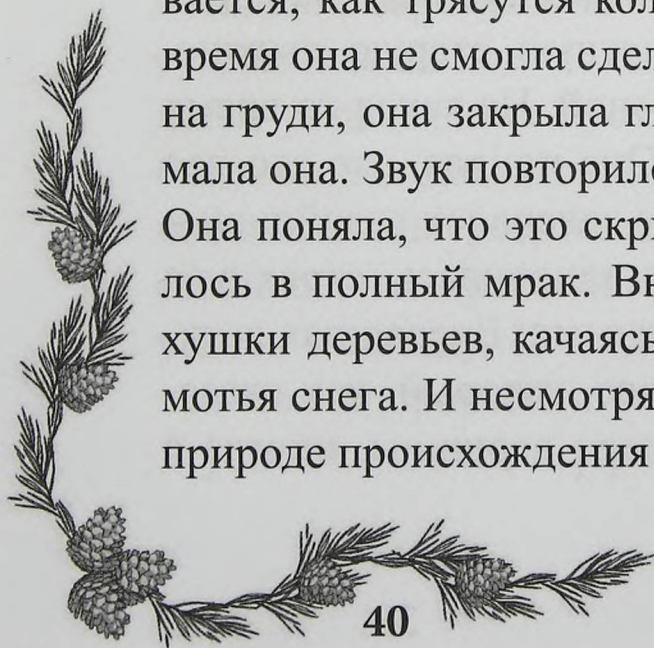

сказал, что время у меня есть, что если идти тихим ходом, то поезда придётся ждать около часу».

Соня подумала: хорошо, что бабушка и мама не знают, что она сейчас одна в этой жуткой темени идёт на лыжах, что дед сломал ногу. Но они всё равно узнают, и без слёз тут не обойдётся. Это уж точно. Соня мысленно возвращалась в избушку, где на полу лежит дед. Дров она занесла в избу достаточно. Он может дотянуться до них, он может подкладывать дрова в печку. Рядом с ним на полу стоит чайник и всё необходимое, чтобы перекусить, если вдруг помощь задержится до утра. Она вспомнила, как дед, шутя, сказал: «Я тут до весны жить могу». Ветер усиливался, снег запорашивал глаза, налипал на варежки, но она шла вдоль ракитника, вглядываясь в еле заметную старую лыжню. А вот и лес надвигается тёмной стеной. На какое-то время Соне показалось, что ветер утих. Она поняла, что это лес сдерживает порывы ветра. Лицо не залепляет назойливым снегом, не порошит в глаза. Она остановилась, стряхнула снег с варежек, которые стали влажными. Вчерашняя лыжня уходила по просеке в тёмный лес, который, как оказалось, издавал какие-то звуки: шумели вершины, иногда с

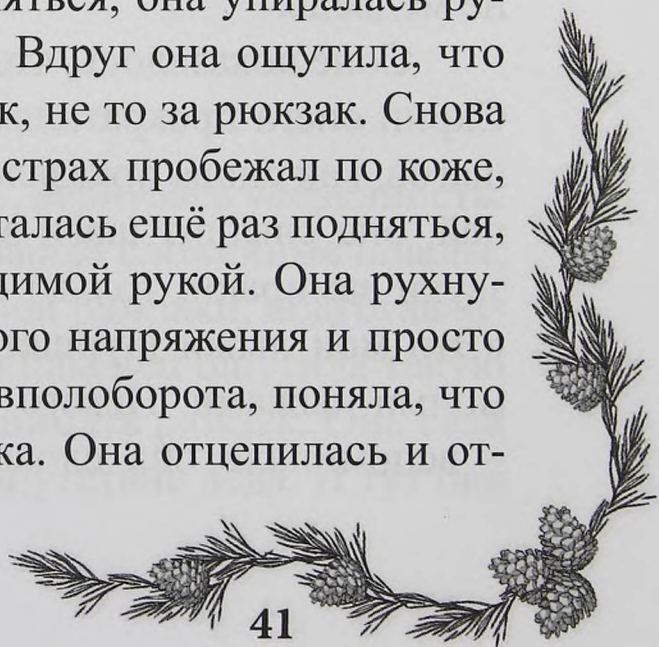

шумом осыпался снег большими шапками. С осторожностью и даже с каким-то неприятным чувством не то страха, не то робости Соня вошла под кроны огромных кедров, сосен, осин, берёз и ёлок. Да, в этот момент почему-то ей захотелось вспомнить, какие деревья растут в здешних лесах. Она, как на уроке ботаники, стала перечислять разные деревья, загибая пальчики в варежке. Кроме берёз и ёлок, ничего не приходило на ум. «Черёмуха», – вдруг сказала она громко, но замотала головой. Черёмуха растёт возле речек, а в таком лесу черёмухи нет. Вдруг рядом раздался странный звук, будто кто-то взвизгнул. Соня даже вскрикнула: «Мама!» Остановилась. Ноги онемели. «Вот, оказывается, как трясутся коленки», – подумалось ей. Какое-то время она не смогла сделать ни одного шага: скрестив руки на груди, она закрыла глаза. «Боженьки, что это?» – подумала она. Звук повторился, но уже не вызвал такого страха. Она поняла, что это скрипело дерево. Всё вокруг погрузилось в полный мрак. Внизу ветра не ощущалось, но верхушки деревьев, качаясь, сбрасывали с себя большие лохмотья снега. И несмотря на то, что Соня уже разобралась в природе происхождения этих звуков, всё равно вздрагивала

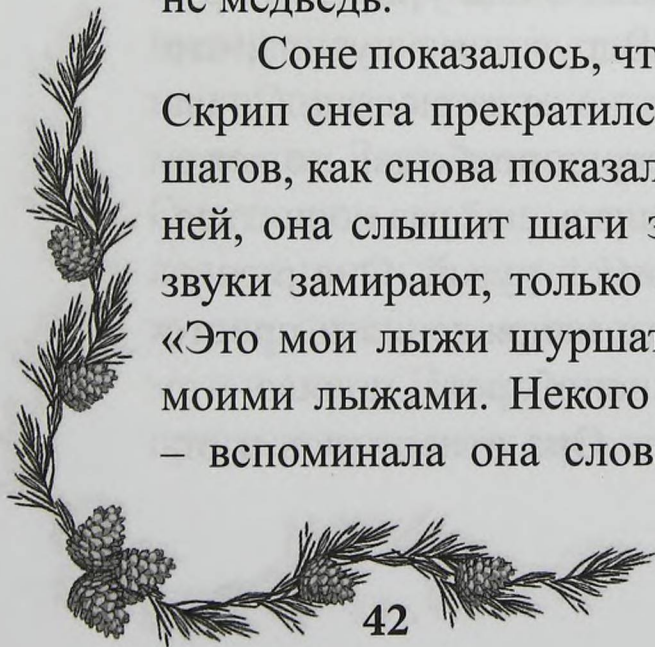
всем телом и сжималась в комочек, когда рядом падал с шумом очередной снежный ком или взмывала вверх лапа ёлки, освобождённая от гнёта снега. Ей хотелось побыстрее пробежать этот участок тёмного и страшного леса, но ноги не бежали, они будто враз лишились силы. С трудом перешагивая через упавшие деревья, она иногда падала, удивляясь, что когда шли по этой же дороге с дедом, ни разу не упала. А сейчас, как неваляшка, – то падает, то снова поднимается. Варезки промокли, усталость ощущалась такая, что хотелось остановиться, лечь отдохнуть.

С трудом переваливая лыжу через очередное заснеженное бревно, Соня потеряла равновесие и упала, окунувшись лицом в снег. Пытаясь подняться, она упиралась руками в ствол поваленного дерева. Вдруг она ощутила, что кто-то держит её не то за воротник, не то за рюкзак. Снова подкатил противный ком к горлу, страх пробежал по коже, в висках застучало. Девочка попыталась ещё раз подняться, но кто-то крепко держал её невидимой рукой. Она рухнула в снег, обессилев от физического напряжения и просто от страха. Только развернувшись вполоборота, поняла, что держит её крючковатая сухая ветка. Она отцепилась и от-

ползла в сторону. Всё же Соня нашла в себе силы подняться, отряхнула снег с одежды, с варежек. «Даже если будет очень трудно, нужно идти, не останавливаться», — вспомнила она напутствие деда. Впереди то справа, то слева возникали страшные чудовища. В темноте девочке казалось, что они двигаются. Она останавливалась, вглядываясь в темноту, включала фонарик. Удостоверившись в том, что фонарик не помогает рассмотреть страшных чудовищ вдалеке, а рядом ничего пугающего нет, она выключала его. Робко подходя к очередному «чудовищу», улыбалась, удивляясь своему воображению: то был обыкновенный наклонённый пенёк, покрытый огромной снежной шапкой. Никакой это не медведь.

Соне показалось, что за ней кто-то идёт. Остановилась. Скрип снега прекратился, но стоило ей сделать несколько шагов, как снова показалось, что кто-то невидимый идёт за ней, она слышит шаги за собой. Остановка... и снова все звуки замирают, только слегка шумят верхушки деревьев. «Это мои лыжи шуршат и скрипят, это снег хрустит под моими лыжами. Никого тут бояться! Никого в лесу нет», — вспоминала она слова деда и немного успокаивалась.

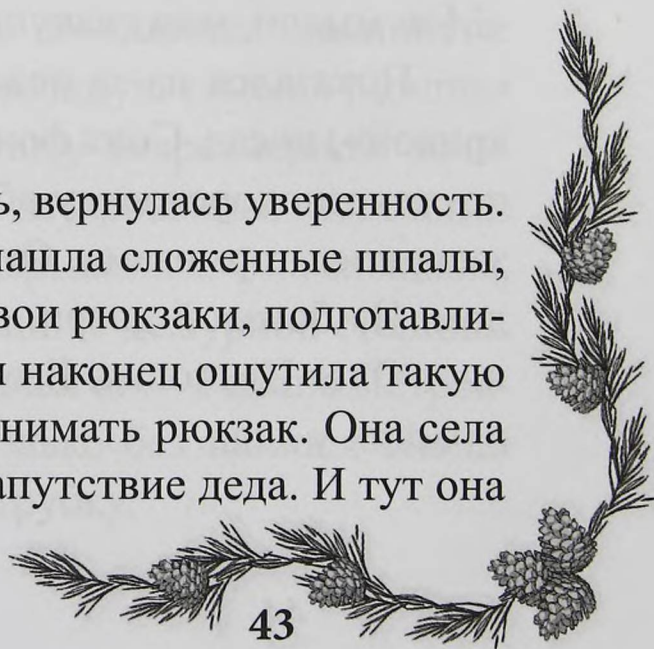
Дальше поваленные валежины уже не встречались. Лыжня, проложенная вчера, стала видна отчётливей, но движения давались всё труднее. Она поняла, что поднимается в гору, а значит, железная дорога уже рядом.

Стало чуточку светлее. Лес расступился, обозначилась ровная линия железнодорожной насыпи. Снег почти прекратился, но ветер всё ещё гулял по вершинам деревьев.

На железнодорожную насыпь она уже ползла, толкая перед собой лыжи. Так сильно Соня не уставала никогда. Даже на тренировках, когда хотелось на всё плюнуть, когда не хватало сил, когда тренер подбадривал её и повторял привычное: «Тяжело в учении, легко в бою», она не испытывала такой усталости.

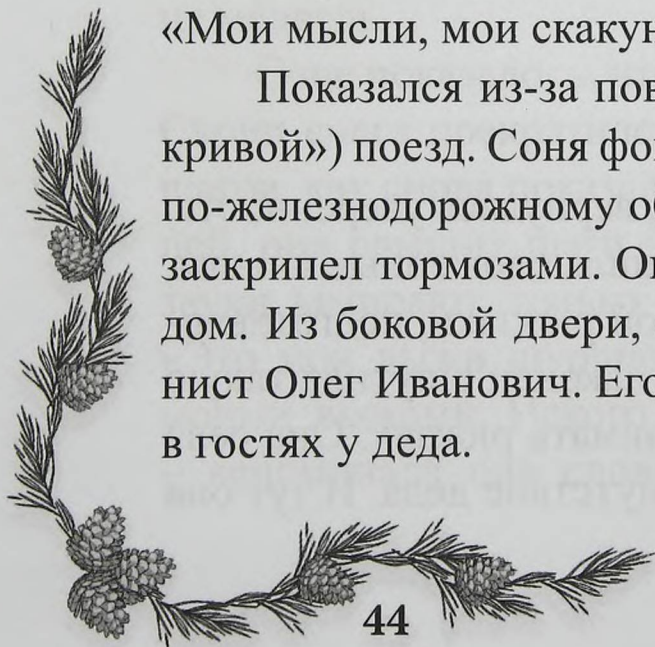
IX

К ногам, ощутившим твердь, вернулась уверенность. Она включила фонарик и вскоре нашла сложенные шпалы, на которые они с дедом ставили свои рюкзаки, подготавливая лыжи. Рухнув на шпалы, Соня наконец ощутила такую усталость, что не хотелось даже снимать рюкзак. Она села подальше от рельсов, вспомнив напутствие деда. И тут она

поняла, зачем он положил тёплую куртку – очень скоро девочка начала мерзнуть. «Сразу, когда выйдешь на железку, надень куртку и сухие варежки», – говорил дед. «Откуда он мог знать, что варежки станут мокрыми, что мне станет холодно». Она достала куртку, надела поверх своей; вытащила сахарные кубики. Как же захотелось именно сахару! Запила тёплой, как ей показалось, водой. Надела тёплые, сухие варежки. «Не спать! Дед говорил – не спать». Она встала и прошлась вдоль рельсов в одну сторону, в другую, проверила фонарик. Силы стали возвращаться, она наконец-то поняла, что самое страшное позади, что деда спасут. Она согрелась. Даже петь захотелось, и она громко запела: «Мои мысли, мои скакуны...».

Показался из-за поворота (дед обычно говорит «из-за кривой») поезд. Соня фонариком сделала большой круг, что по-железнодорожному обозначает «дать остановку». Поезд закрипел тормозами. Огромный тепловоз остановился рядом. Из боковой двери, откуда-то сверху, выскочил машинист Олег Иванович. Его Соня знала давно, он часто бывал в гостях у деда.

– А ты почему одна, где дед? – спросил он громко, перекрикивая работающий дизель.

– Он ногу сломал, в избушке остался, – сказала Соня и заплакала.

Уже в кабине тепловоза Соня рассказала Олегу Ивановичу во всех подробностях о случившемся.

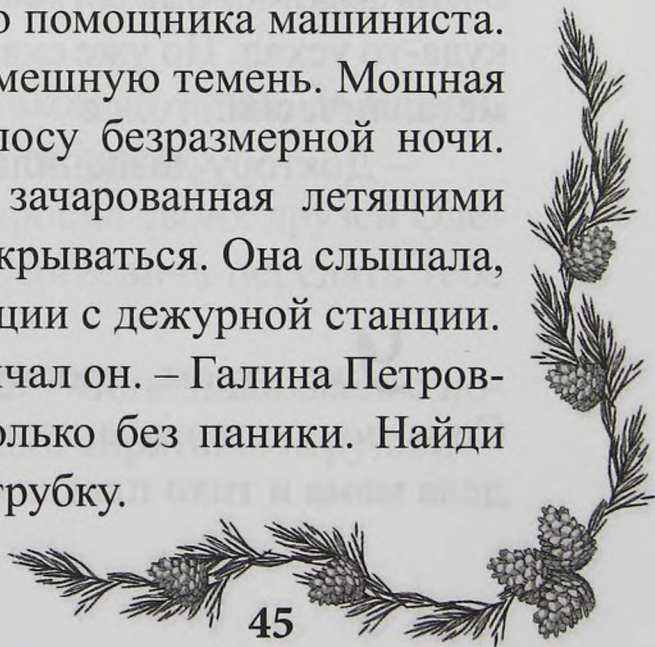
– Не переживай, Сонечка. Главное, что ты здесь. Страшно было в лесу ночью?

– Страшно, – выдавила она, всхлипывая.

– Страшно бывает всем. Главное – преодолеть страх. Вот ты, например, смогла. Молодец! А дальше уже дело техники. Вытащим мы твоего деда.

Соня удобно уселась в кресло помощника машиниста. Поезд, покачиваясь, прорезал кромешную темень. Мощная фара освещала только узкую полосу безразмерной ночи. Соня сначала смотрела вперёд, зачарованная летящими снежинками, потом глаза стали закрываться. Она слышала, как Олег Иванович связался по рации с дежурной станции.

– Дежурная! Дежурная! – кричал он. – Галина Петровна, слушай меня внимательно, только без паники. Найди сейчас же доктора, – кричал он в трубку.

– Вадима Сергеевича? – послышался сквозь треск и шум металлический голос дежурной.

– А кого ещё, что за вопрос? У нас другого доктора нет. Так вот, скажи ему, чтобы подготовил свой снегоход и ждал меня на станции. Сумку свою медицинскую пусть возьмёт.

– Что там случилось? Вы везёте больного?

– Нет, больного не везём, но нужно будет срочно ехать в избу Матвея Сергеевича.

– Что с ним? – прохрипели динамики.

– Ногу сломал. Предупреди доктора и сообщи мне сейчас.

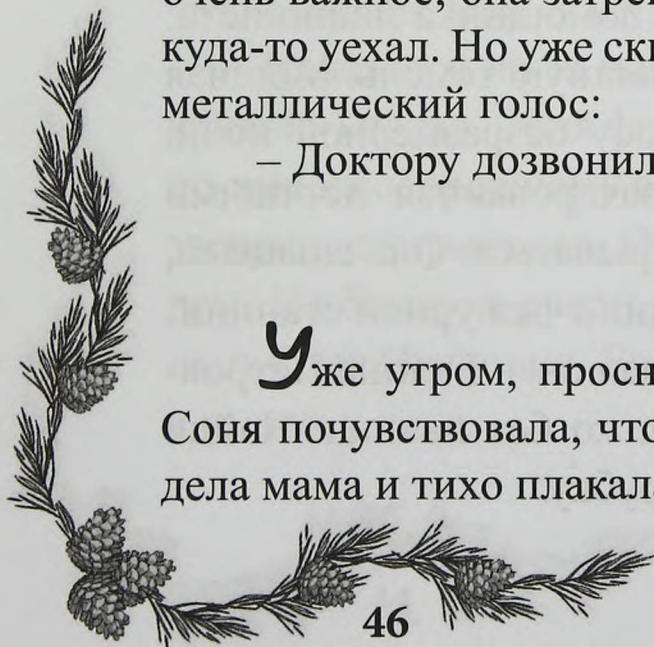
– Будет сделано, – рапортовала дежурная.

Соня крепилась, боялась уснуть и пропустить что-то очень важное; она затревожилась: вдруг доктора нет, вдруг куда-то уехал. Но уже сквозь надвигающийся сон услышала металлический голос:

– Доктору дозвонилась, будет ждать на станции.

Х

Уже утром, проснувшись, но ещё не открыв глаза, Соня почувствовала, что кто-то смотрит на неё. Рядом сидела мама и тихо плакала.

– Что с дедушкой? – вскрикнула девочка.

– Всё нормально, его увезли в город. Всё самое тяжелое позади, – сказала мама и погладила Соню по голове, – не волнуйся. Олег Иванович с доктором сразу уехали на снегоходах в избушку, а к утру уже привезли дедушку. Ну а потом на скорой – в больницу.

– Бабушка тоже уехала с ним?

– Да. Дедушка пока будет нуждаться в её помощи.

– Бабушка плакала?

– Да. Плакала и ругала его, но так, для проформы...

Ты-то как? – мама обняла свою доченьку.

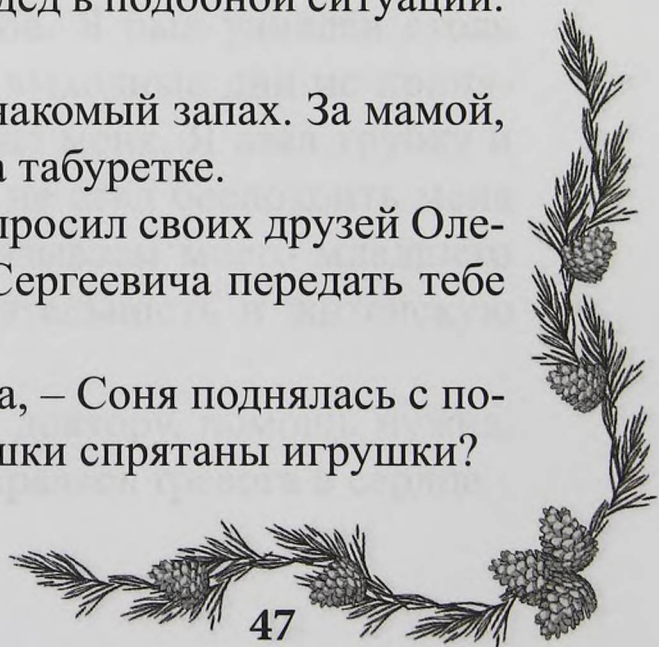
– Всё нормально, мам. А что мне сделается? – спросила она. И поняла, что так ответил бы дед в подобной ситуации.

– Ты – просто вылитый дед.

Вдруг Соня ощутила такой знакомый запах. За мамой, в углу стояла небольшая ёлочка на табуретке.

– Это от деда подарок. Он попросил своих друзей Олега Ивановича и доктора Вадима Сергеевича передать тебе ёлочку: завтра же Новый год.

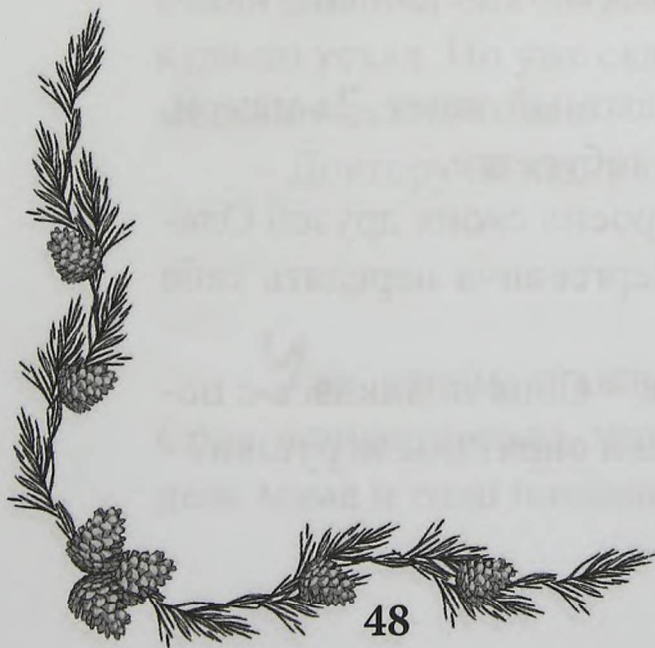
– Вытирай-ка слёзки, мамочка, – Соня поднялась с постели. – Ты же знаешь, где у бабушки спрятаны игрушки?

– Конечно, знаю, мы раньше каждый год наряжали ёлочку.

– Ну так доставай, – весело сказала Соня. – Завтра Новый Год, а у нас ёлочка не наряжена!

2015 г.

ЧУК, ГЕК и ДЯДЯ ФЁДОР

I

Однажды воскресным утром у меня зазвонил телефон. Ещё не было и восьми часов. Я был удивлён столь раннему звонку. Как известно, в выходные дни не принято звонить рано. Телефон разбудил меня. Я взял трубку и услышал голос брата. Он бы зря не стал беспокоить меня в такую рань. В семье мы все называем моего младшего брата дядей Федей за его основательность и житейскую мудрость.

— Я к тебе обращаюсь как к доктору, помощь нужна,
— услышал я в трубке и у меня закралась тревога в сердце.

— Чем могу быть полезен? — спросил я с беспокойством. — Не заболел ли ты?

— Нет, дело не во мне. Тут у нас обнаружили две маленькие норки. Ещё совсем маленькие, детёныши...

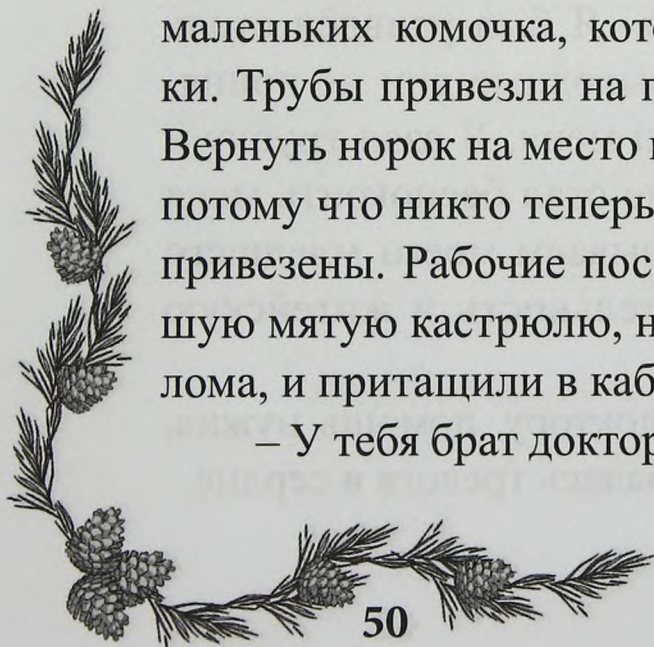
— Какие норки? — выразил я своё удивление.

— Ну, зверьки такие...

— Понятно, что зверьки, только мне ничего не понятно... — скаламбурил я, — Откуда они появились?

Тут мне нужно пояснить, что мой брат дядя Фёдор работает машинистом тепловоза на железной дороге. Он рассказал, что сегодня ранним утром, производя погрузку старых труб, рабочие заметили, что из них вывалились два маленьких комочка, которые оказались детёнышами норки. Трубы привезли на грузовике из тайги на металлолом. Вернуть норок на место не было уже никакой возможности, потому что никто теперь не мог указать, с какого места они привезены. Рабочие посадили маленьких зверьков в большую мятую кастрюлю, найденную тут же на куче металлолома, и притащили в кабину дяди Фёдора.

— У тебя брат доктор, пусть поможет им, — сказали они.

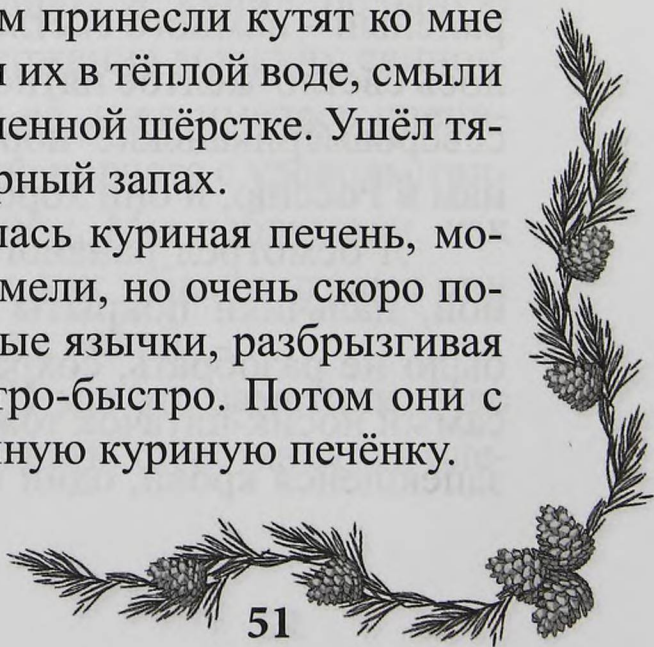
Дело в том, что один из малышей был ранен: у него была повреждена передняя правая лапка и виднелась запёкшаяся кровь на мордочке.

— Но я же человеческий доктор, — пытался я возразить своему брату.

— А что же нам с ними делать? Ведь один из этих норчонков ранен.

Упоминание о ране, о том, что кому-то нужна помощь, видимо, сделали своё дело. Не мог же я отказать больному в помощи. И я согласился. Я распорядился лишь напоить водой малышей, ибо именно обезвоживание сейчас может грозить их состоянию: неизвестно же, сколько времени они были без пищи и воды. Через час, как только закончилась смена, мы вместе с дядей Фёдором принесли кутят ко мне домой. Прежде всего мы выкупали их в тёплой воде, смыли с них грязь, прилипшую к взъерошенной шёрстке. Ушёл тяжёлый не то болотный, не то солярный запах.

У меня в холодильнике нашлась куриная печень, молоко. Молоко они лакать ещё не умели, но очень скоро поняли, как это делается, и их розовые язычки, разбрызгивая молочные капли, заработали быстро-быстро. Потом они с жадностью налетели на измельчённую куриную печёнку.

— Много давать нельзя, — сказал я, — они очень голодные и могут заболеть от переедания.

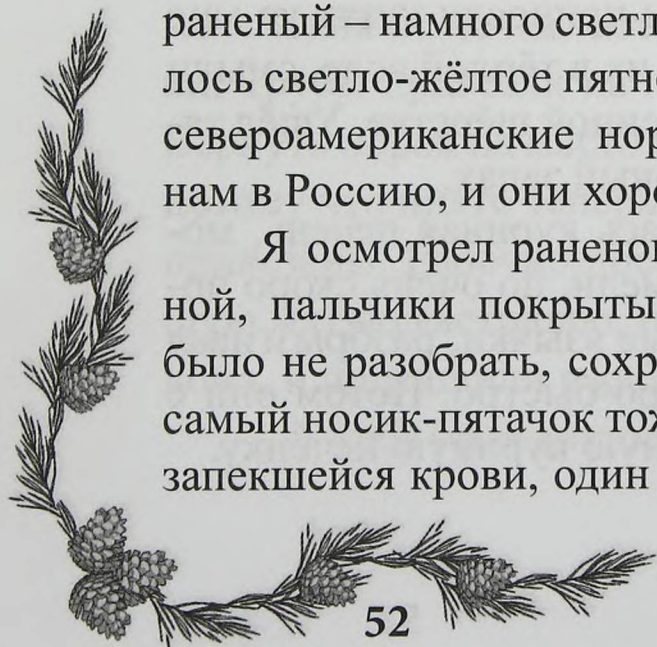
Когда я попытался забрать маленькую мисочку с едой, они едва не откусили мне палец. Через какое-то время они всё же получили добавку. Но снова не позволили им съесть слишком много.

Ещё норчатам понравилась рыба. Мы с дядей Фёдором как раз накануне наловили много окуней.

II

Когда кутята высохли, их шёрстка стала чистой, и оказалось, что здоровый норчонок был почти чёрного цвета, а раненый — намного светлее. У каждого из них на шее виднелось светло-жёлтое пятно, что говорило о том, что это были североамериканские норки. Когда-то давно их завезли к нам в Россию, и они хорошо прижились в наших условиях.

Я осмотрел раненого норчонка: его лапка была отёчной, пальчики покрыты толстой корочкой, так что сразу было не разобрать, сохранились ли коготки. На мордочке, самый носик-пяточок тоже покрывала буроватая корочка из запекшейся крови, один глаз полностью заплыл от образо-

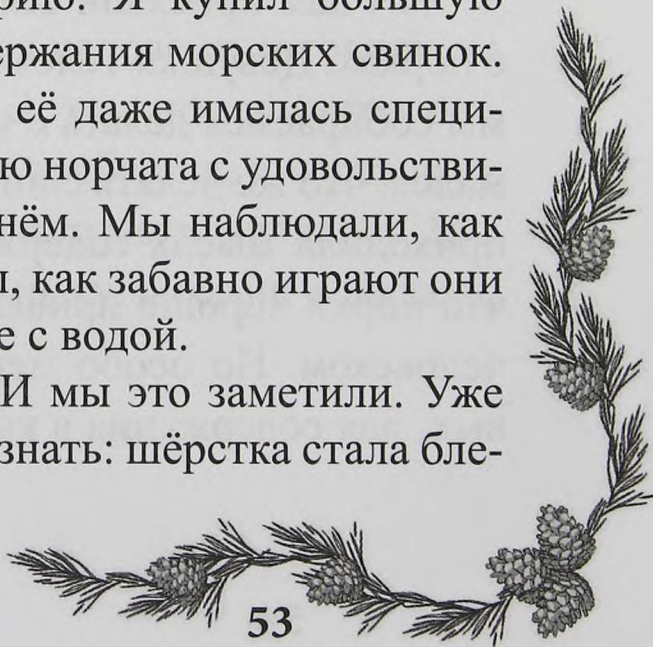

вавшегося отёка. Так что невозможно было судить о том, повреждён ли сам глаз. Однако аппетит у раненого кутёнка был отменным, что вселяло надежду на выздоровление.

Назвали мы маленьких норок Чук и Гек. Чук чёрный, а Гек имел более светлый окрас. У каждого складывались свои предпочтения в еде: Чук любил рыбу, а Гек – куриную печёнку. Чук иногда пытался отобрать еду у раненого Гека, но тот не отдавал своей порции. Он угрожающе рычал, и, быстро развернувшись, прятал от своего братца любимую печень.

Прошло два-три дня, и мы поняли, что дальше оставлять кутят открытыми нельзя: они стремительно начали осваивать окружающую территорию. Я купил большую клетку, предназначенную для содержания морских свинок. Клетка была просторной. Внутри её даже имелась специальная комнатка-спальня, в которую норчата с удовольствием заползали, чтобы подремать днём. Мы наблюдали, как день за днём растут наши питомцы, как забавно играют они после еды, как купаются в корытце с водой.

Норки растут очень быстро. И мы это заметили. Уже через несколько дней их было не узнать: шёрстка стала бле-

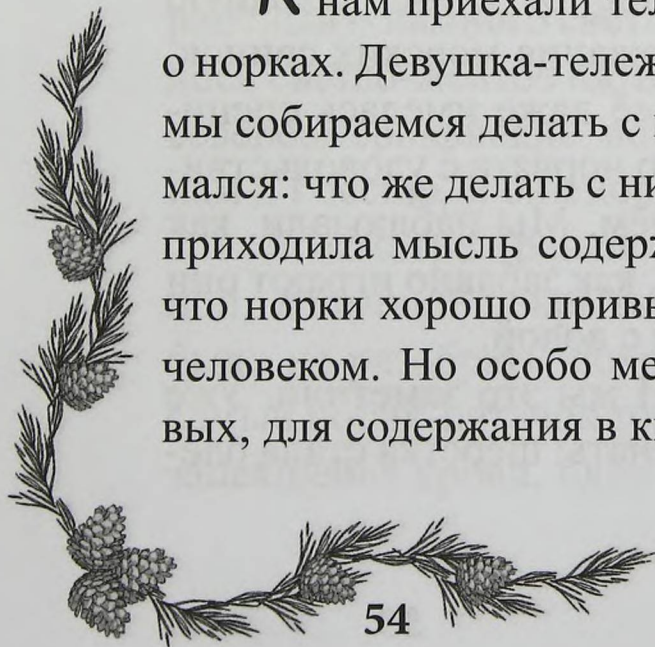

стящей, лоснящейся. Они привыкли к новым условиям, к нашим рукам. Когда я убирал клетку или менял воду, Чук игриво прикусывал мне палец, но так, немножко, совсем не больно. Он позволял брать себя на руки, и вёл себя очень спокойно в моих ладонях. А вот Гек, возможно, боялся, что ему могут причинить боль, на руки сначала не шёл.

Прошло две недели. Чуку и Геку стало тесно в клетке: им не хватало простора для игр, и мы переселили норчат на балкон-лоджию, отгородив её от квартиры высоким заборчиком из каких-то досок, фанеры.

III

К нам приехали тележурналисты, чтобы снять сюжет о норках. Девушка-тележурналист спросила меня о том, что мы собираемся делать с норками дальше? Тут я и сам задумался: что же делать с ними, когда они подрастут? Мне уже приходила мысль содержать этих питомцев дома. Я знал, что норки хорошо привыкают к жизни в квартире рядом с человеком. Но особо меня такая мысль не грела. Во-первых, для содержания в квартире выращивают специальных

домашних норок, а эти всё же – дикие. Во-вторых, через месяц приедут ко мне внуки, и они (я это знаю наверняка) будут доставлять малышам-норчатам много неприятностей.

Я позвонил своему другу, работающему егерем, рассказал о найденных норочках, попросил у него совета. Он, как опытный специалист, посоветовал выпустить норок в природу, но нужно найти такое место, где рядом есть ручей. Место это должно быть труднодоступным, потому что норки, уже привыкшие к рукам, могут выйти к людям. Он уверил меня, что с двухмесячного возраста норки способны сами себе найти пропитание в лесу.

Мы перестали брать кутят на руки, не разговаривали с ними, чтобы они отвыкли от голоса человека: готовили их к самостоятельной жизни в лесу. А там помощников нет. Чук и Гек будто поняли, что от них требуется, и через пару дней стали прятаться от нас, как только мы появлялись. Мы перестали нарезать еду маленькими кусочками, а давали, например, рыбу целиком.

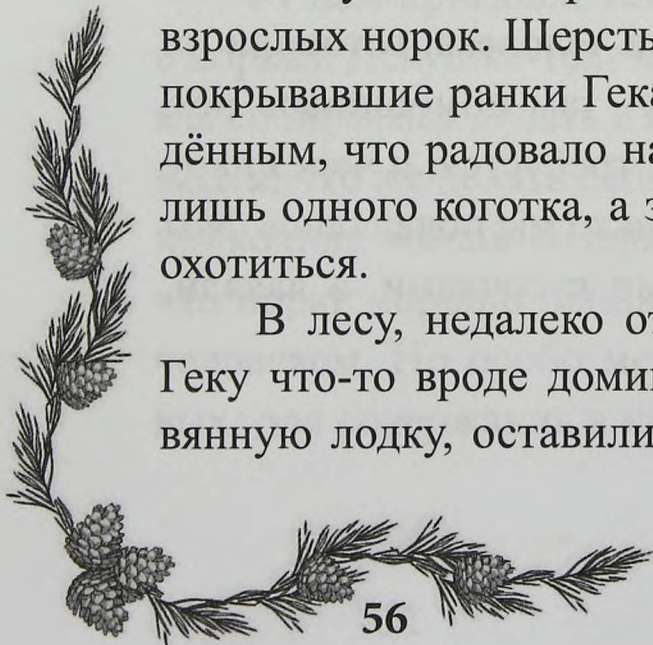

IV

И вот пришло время, когда мы с дядей Фёдором увезли уже подросших и окрепших норчат в тайгу, к избушке нашего друга Олега Ивановича. К этой избушке можно добраться на лодке только в большую воду, в половодье по ручью, который впадает в реку Обь. В конце лета ручей пересыхает, и от берега Оби нужно идти пешком. Место это отдалённое от сёл и городов. Нужно было спешить, чтобы успеть отправить наших питомцев туда на лодке, пока вода не упала. В тот год вода держалась долго, и мы ближе к концу июля вывезли Чука и Гека на вольные хлеба.

Это уже были крепкие зверьки, мало отличающиеся от взрослых норок. Шерсть их лоснилась на солнце. Корочки, покрывавшие ранки Гека, сошли. Глаз оказался неповреждённым, что радовало нас. На раненой лапке не доставало лишь одного коготка, а значит, он не утратил способности охотиться.

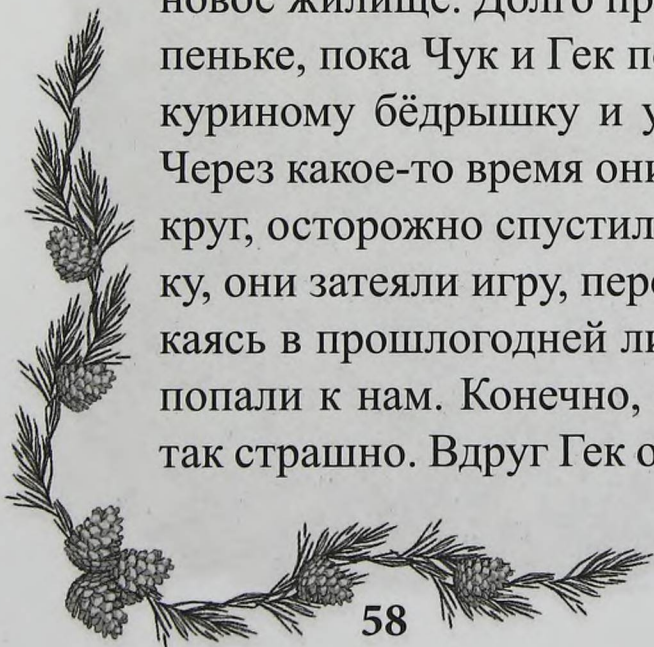
В лесу, недалеко от избушки, мы соорудили Чуку и Геку что-то вроде домика: перевернули небольшую деревянную лодку, оставили под лодку небольшой лаз в виде

норы. Накрыли дно лодки какими-то лохмотьями, чтобы дождь не барабанил громко по днищу. Чук и Гек с удовольствием обжили новый дом. Для того чтобы им было легче привыкнуть к новому месту, мы постелили их привычную постельку, которая содержала все знакомые запахи.

Через неделю мы вновь приехали к таёжной избушке, привезли куриного мяса, оставили два больших карася. Следов, ведущих под лодку, мы не обнаружили. Все припасы, оставленные нами ранее, были съедены. И вообще, норки не появлялись, затаившись где-то. Только после тщательного обследования территории я обнаружил следы, идущие под поленницу дров. Похоже, что там они и устроили себе новое жилище. Долго пришлось мне сидеть неподвижно на пеньке, пока Чук и Гек появились. Они схватили по одному куриному бёдрышку и утащили в норку под поленницей. Через какое-то время они снова выползли, оглянувшись вокруг, осторожно спустились к ручью. Там, на самом берегу, они затеяли игру, перескакивая друг через друга, кувыряясь в прошлогодней листве. Как хорошо, что они вдвоём попали к нам. Конечно, им так веселее, да и, наверное, не так страшно. Вдруг Гек остановился, всматриваясь в листву

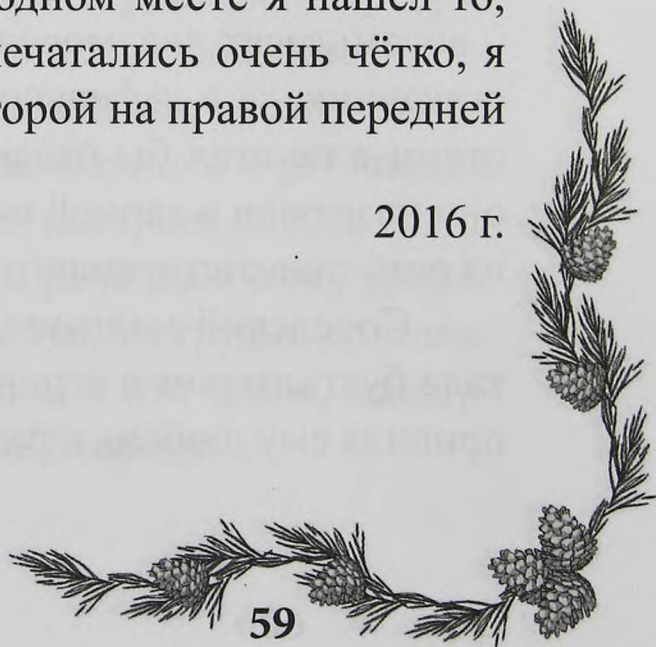

у самой воды, потом одним прыжком накрыл что-то. Через мгновение в его зубах я увидел лягушку. «Ну, – подумал я, – теперь они не пропадут».

Только поздно осенью мы с дядей Фёдором поехали на рыбалку. Рыбачили мы на реке Обь у того ручья, что пересыхает к концу лета и на котором стоит избушка. К избушке мы не ходили. Мы знали, что увидеть теперь наших норок уже не придётся. Они уже полностью привыкли к лесной жизни и ничем не отличаются от диких норок. На глаза человеку они уже не покажутся.

Я долго всматривался в многочисленные следы норок вдоль обского берега. Раньше здесь так много норочьих следов не наблюдалось. И вот в одном месте я нашел то, что искал: в месте, где следы отпечатались очень чётко, я увидел след взрослой норки, у которой на правой передней лапке отсутствовал один коготок.

2016 г.

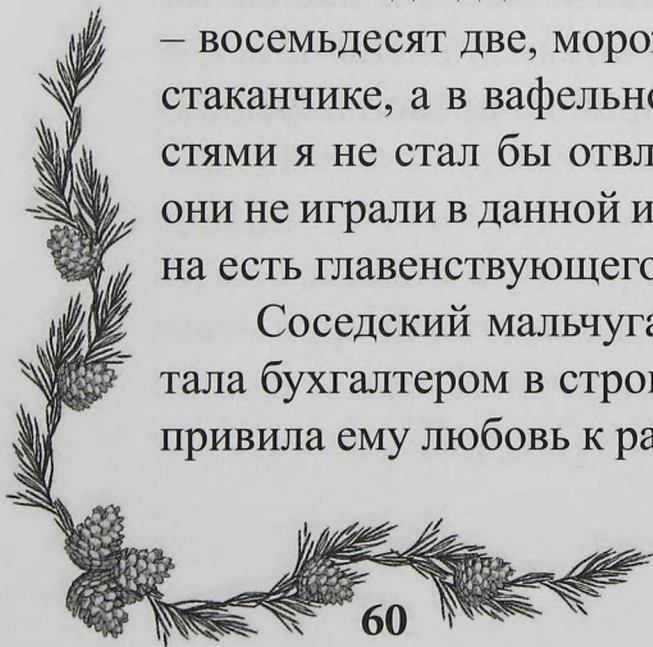

ВОВКА-ВУНФЕРКИНФ

Эта история случилась давно, ещё в те времена, когда хлеб стоил двадцать копеек, колбаса — два девяносто, сахар — восемьдесят две, мороженое — десять копеек в бумажном стаканчике, а в вафельном — двенадцать. Этими подробностями я не стал бы отвлекать чье-либо внимание, если бы они не играли в данной истории решающего и самого что ни на есть главенствующего значения.

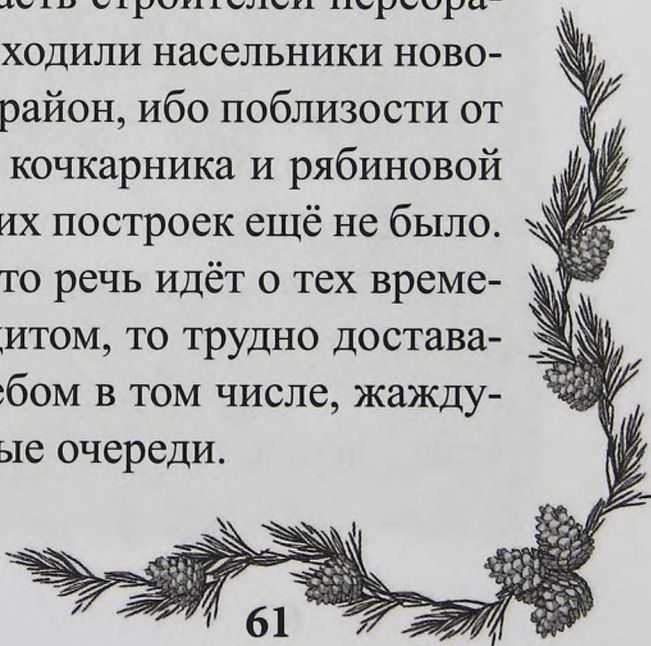
Соседский мальчуган Вовка рос без отца. Мама работала бухгалтером в строительно-монтажном поезде, и рано привила ему любовь к разным там вычислениям. В свои де-

вать лет он уже знал всю таблицу умножения, складывал и вычитал огромные числа без всякого труда, и это обстоятельство не давало ему покоя. Он то и дело складывал, умножал, и у него это выходило довольно ловко и непринужденно. Его друзья спорили на пряники, конфеты, на всякие ценные и не очень предметы, игрушки, что «Вовка высчитает», «Вовка умножит 25 на 35». Естественно, что выигрывали те, кто ставил на него, а посрамлённые безропотно расставались со своим скарбом. Но одно дело слухи, а другое дело — самому увидеть вундеркинда Вовку, как говорится, в деле.

В тот год строительно-монтажное управление сдало новый дом в Нижневартовске, и часть строителей перебралась из посёлка в город. В магазин ходили насельники нового дома далеко — в соседний микрорайон, ибо поблизости от сиротливо возвышавшегося среди кочкарника и рябиновой поросли пятиэтажного дома никаких построек ещё не было.

Стоит ли напоминать о том, что речь идёт о тех временах, когда всё было если не дефицитом, то трудно доставаемым товаром. За продуктами, хлебом в том числе, жаждущие покушать выстаивали огромные очереди.

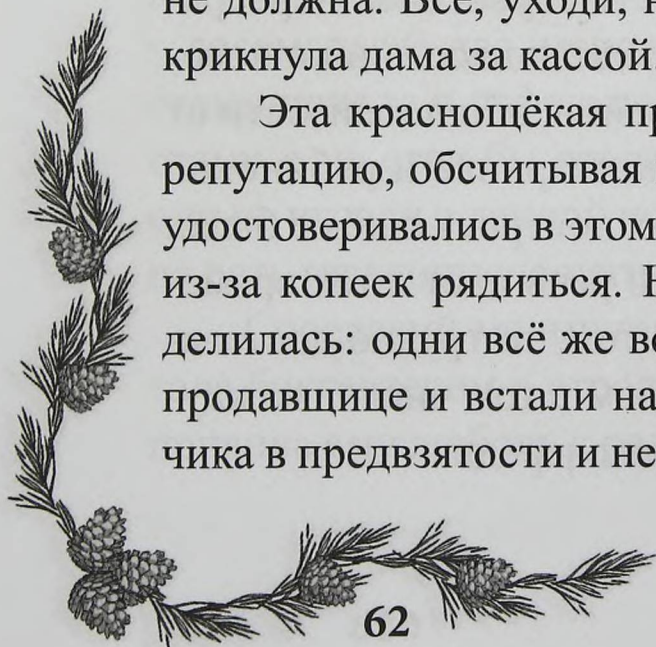

Как-то и я пробирался широкой хорошо утоптанной тропинкой в магазин по какой-то надобности, теперь и не вспомнить, за чем... Лицо уже отказывалось терпеть встречный ветерок, а в перчатки пробрался дедушка мороз. Добравшись до магазина, я сразу подошёл к отопительной батарее, снял перчатки с задубевших пальцев. И тут услышал доносившийся от продуктовой кассы ропот недовольных покупателей. Виновником местного внутримагазинного конфликта оказался Вовка-вундеркинд.

– Вы мне должны сдачу – двенадцать копеек, – донёсся до меня твёрдый голос Вовки.

– Я тебе, мальчик, ещё раз повторяю, что я тебе ничего не должна. Всё, уходи, не мешай другим, – истерично выкрикнула дама за кассой.

Эта краснощёкая продавщица давно имела недобрую репутацию, обсчитывая почти всех, но обычно покупатели удостоверивались в этом поздно и прощали ей: что тут, мол, из-за копеек рядиться. Не таков был Вовка. Очередь разделилась: одни всё же вспомнили и свои претензии к этой продавщице и встали на его сторону, другие винили мальчика в предвзятости и невоспитанности. Эта часть, видимо,

куда-то спешила: ну, допустим, в соседнюю кассу, где продавались мелкие бытовые товары широкого потребления.

— Мальчик, как тебе не стыдно, голову морочишь продавцу... Не задерживай очередь, — басовито изрёк огромный детина, теряя терпение.

— А я не задерживаю. Всё, что я купил, стоит четыре восемьдесят восемь. Мне должны дать сдачу двенадцать копеек, — твёрдо отстаивал свою правду Вовка. — Вот посчитайте, — и он перечислил все наименования продуктов с ценами, тут же ловко сложил и выдал итог: — Видите — четыре восемьдесят восемь...

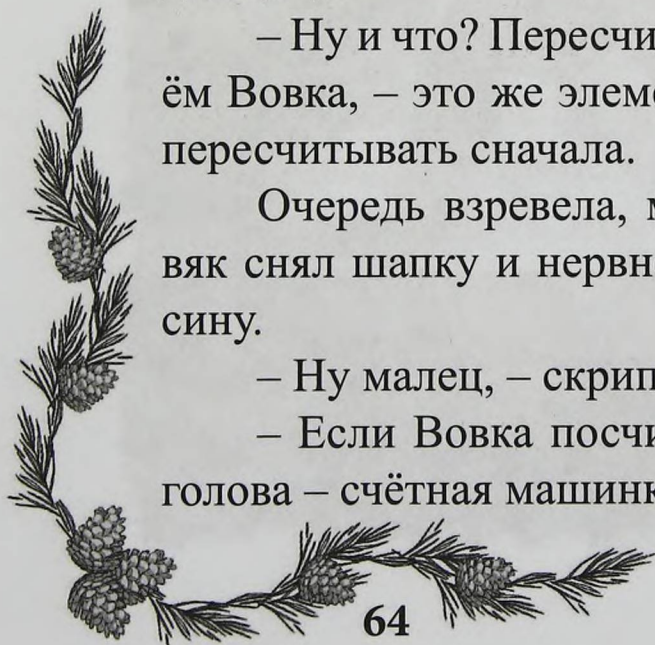
— Я уже чек отбила, — уже слабо сопротивлялась продавщица.

— Ну и что? Пересчитайте снова, — упрямо стоял на своём Вовка, — это же элементарно, смотрите, — и он начинал пересчитывать сначала.

Очередь взревела, мнения вновь разделились. Здоровяк снял шапку и нервно вытер ладонью вспотевшую лысину.

— Ну малец, — скрипнул он зубами.

— Если Вовка посчитал, то можно ему верить, у него голова — счётная машинка, — вступился я за него.

Продавщица, поняв, что у мальчика появилась защита, бросила на прилавок двенадцать копеек, как собаке кость. Вовка деловито собрал мелочь.

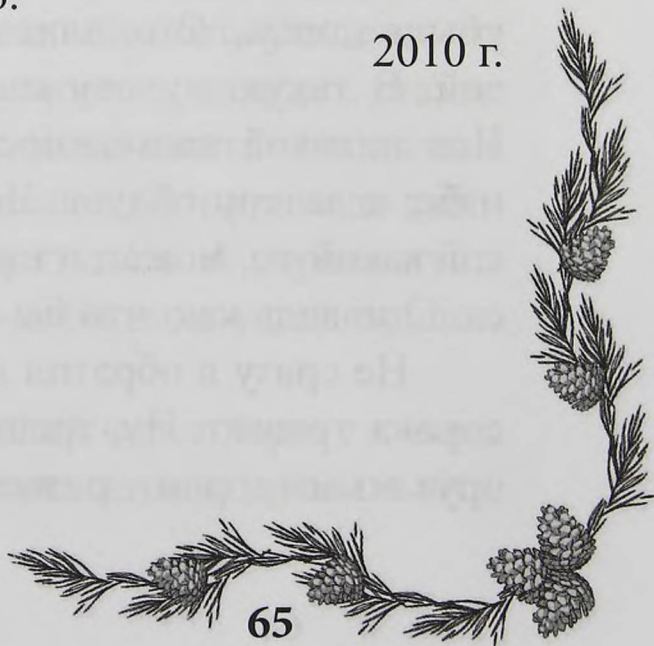
Тут же, в соседнем отделе, Вовка купил мороженое за двенадцать копеек в вафельном стаканчике.

Уже по дороге домой Вовка, облизывая каменное мороженое, сказал:

— Я же всё посчитал: мне хватает ещё на мороженое... Удивляюсь, как это так: продавец не умеет считать? Как её поставили на такую ответственную работу?

Я не стал молодого математика убеждать в том, что считалка у продавщицы работает нормально, но считает она по-своему, так, как ей выгодно.

2010 г.

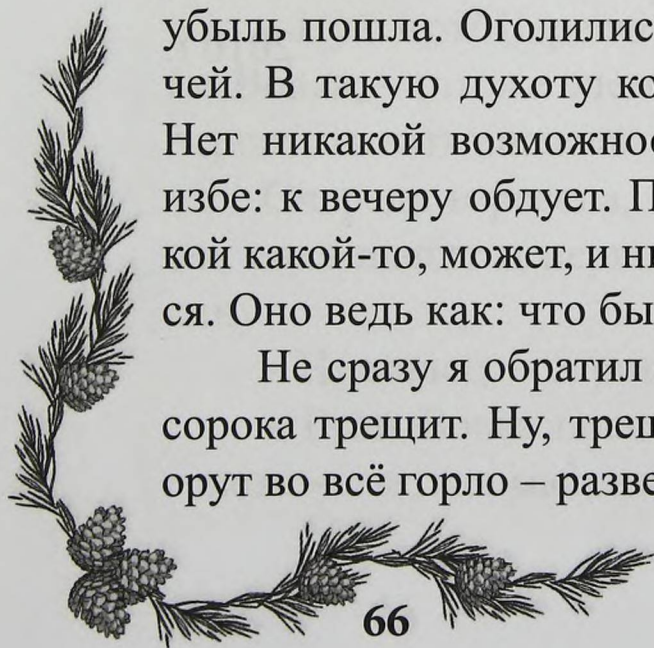

ПОФ КРЫЛОМ

Как-то на даче загнали меня зной и несносное комарьё в домик. Июль – макушка лета. Вода в пойме реки на убыль пошла. Оголились грязные берега, обозначился ручей. В такую духоту комариное племя плодится тучами. Нет никакой возможности работать. Пережду, думаю, в избе: к вечеру обдует. По дому хлопочу, увлекся работёнкой какой-то, может, и никчёмной, но это только так кажется. Оно ведь как: что бы ни сделал – всё вперёд.

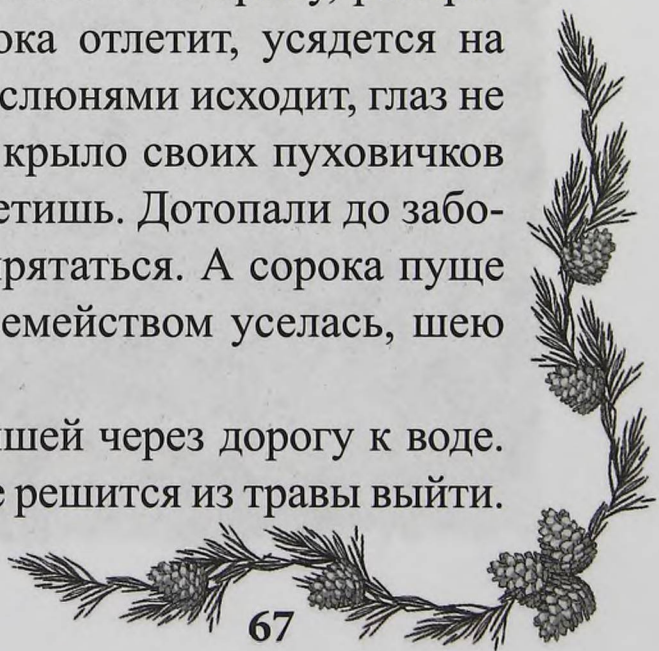
Не сразу я обратил внимание, что за окном в огороде, сорока трещит. Ну, трещит так трещит. Каждый день они орут во всё горло – развелось воровок.

А тут она так принялась стрекотать, будто хвост ей кто прищемил. «Сорока даром не сокочет — то ли к гостям, то ли к вестям», — вспомнилось мне. А вот же и зарябила она в окне. Я к стеклу прилип. Какую весть принесла, белобокая?

И вот наконец-то прояснилась причина такого сокотанья: по клубничным грядкам, переваливаясь с боку на бок, вышагивает серая утка, а под распушенными крыльями серыми комочками липнут к ней четыре утёнка. Махонькие такие писклята-пуховички. Жмутся к мамке-защитнице. То из-под крыла появятся, то из-под листа клубники. Сорока перелетит с одного столбца на другой и орёт, подпрыгивает на месте, следит зорко за утятами. Ждёт удобного случая. Утка развернётся на месте, бросится в её сторону, расправив крылья. Пугает, значит. Сорока отлетит, усядется на другой столбец и уже оттуда орёт; слюнями исходит, глаз не сводит с писклят. Утка снова под крыло своих пуховичков спрячет, да так, что не сразу и заметишь. Дотопали до забора, там трава высокая, есть где спрятаться. А сорока пуще прежнего затрещала, прямо над семейством уселась, шею тянет книзу-то.

Осталось утке провести малышей через дорогу к воде. Место открытое — опасно. Никак не решится из травы выйти.

В траве-то писклята в безопасности. Только голова утки виднеется с разинутым клювом. Шипит, видимо, на позарицу: «Не зарься не на своё». Потом крякнула сипло, так что и мне стало слышно, и покатила прямиком. Утята под крыльями, прилипли к мамке. Не видать сереньких.

Вот и до воды добрались. Тут и рассыпались утятки по двое с каждой стороны, потянулись стрелочки по водной глади. «Кря-кря», – уже спокойно и деловито сообщила утка своим детишкам, мол, бояться теперь нечего. Застрекотала, забранилась от досады сорока и убралась восвояси. На воде ей утят не взять.

2007 г.

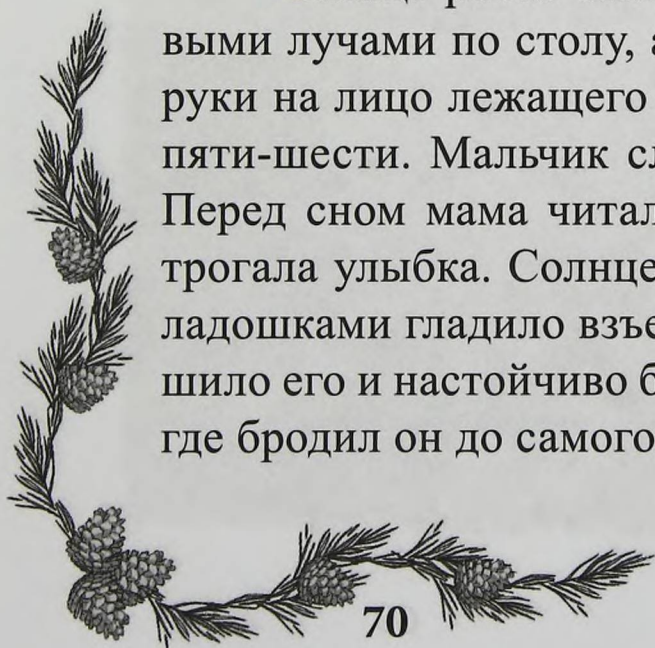

ТИШКА

I

Солнце робко заглянуло в избушку, скользнуло первыми лучами по столу, а затем переместило свои нежные руки на лицо лежащего на оленьей шкуре мальчишки лет пяти-шести. Мальчик сладко спал в обнимку с книжкой. Перед сном мама читала ему сказки. И сейчас его лицо трогала улыбка. Солнце грело его щёки и уши, нежными ладошками гладило взъерошенные волосы, словно тормошило его и настойчиво будило, звало на лужайку, на речку, где бродил он до самого вечера. Мальчик открыл глаза, но

тут же зажмурился и отвернулся. Он ещё какое-то время лежал, не в состоянии отделить вчерашний вечер от ворвавшегося утра. Вечером, укладываясь спать, он видел солнце в окошке за печкой, проснулся – оно уже в окне, что у двери. И так каждый день. Белые ночи... Лето...

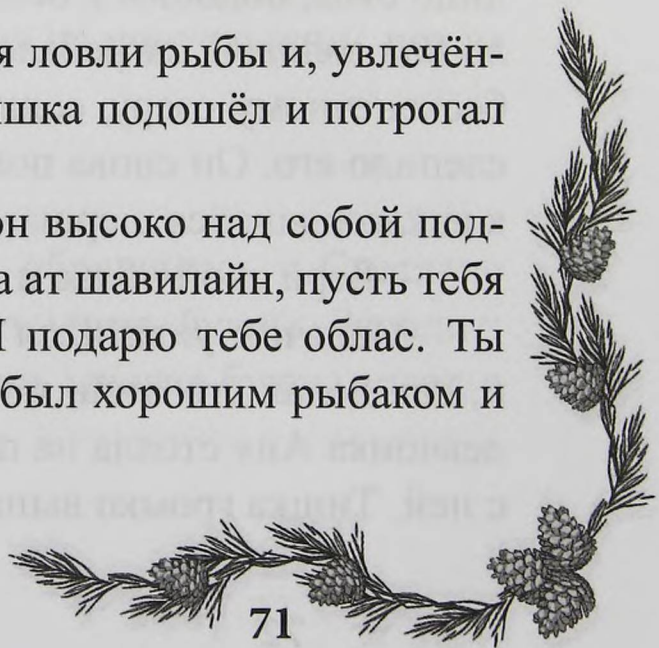
– Вставай, Тиша, отец ждёт на улице. Сегодня у тебя День рождения. Поздравляю! Тумтака вула, здоровым живи. Расти большой! – мама поцеловала его. – Пухие, мальчоночек мой, – она потрепала рукой волосы. – Сколько тебе лет? – спросила она.

– Пя-а-ать – протянул сипло Тишка.

– Уже шесть. Ты уже большой, – мама сидела рядом и улыбалась, – беги на улицу.

Спиридон перебирал сети для ловли рыбы и, увлечённый работой, не заметил сына. Тишка подошёл и потрогал руку отца.

– С Днём рождения, сын! – он высоко над собой поднял Тишку и закружил, – кушалана ат шавилайн, пусть тебя охраняют хозяева твоей земли. Я подарю тебе облас. Ты уже большой, и я хочу, чтобы ты был хорошим рыбаком и охотником. Пойдём.

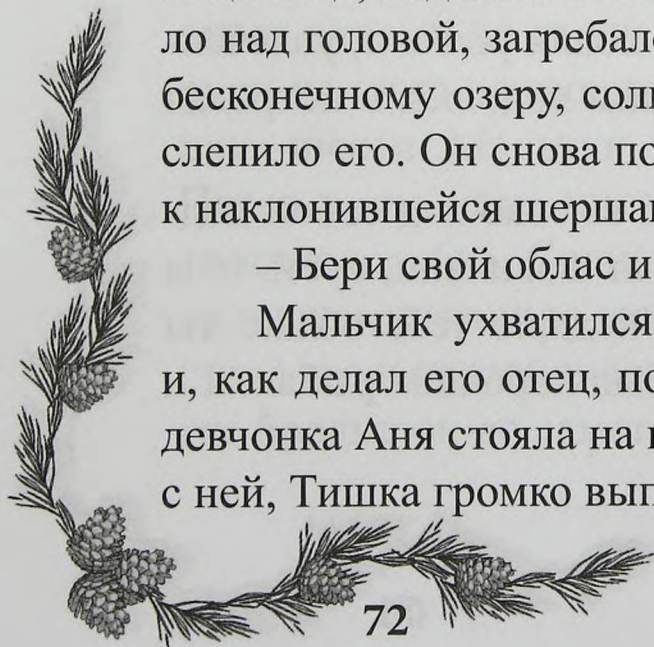
За домом, где отец обычно запрещал играть детям, лежал накрытый брезентом настоящий облас.

— Это твой, специально для тебя сделал.

Тишка смотрел на новенький облас. Ему казалось, что он не настоящий. Светлые, гладкие его бока на солнце отливали необыкновенным блеском. В глазах мальчика он казался сказочным. Не верилось, что эта лодка-долблёнка, сделанная руками отца, теперь принадлежит ему. Так хотелось погладить её старательно отшлифованные округлые бока, хотелось прыгнуть в облас прямо сейчас, сию минуту. Тишка стоял, прижавшись к углу дома, и боялся, что если закроет глаза — всё исчезнет. Потом он посмотрел в улыбающееся лицо отца, подошёл к обласу, сел на дно. Весло само взлетало над головой, загребало невидимую воду, он уже плыл по бесконечному озеру, солнце, отражаясь от водного зеркала, слепило его. Он снова посмотрел на отца, встал и прижался к наклонившейся шершавой щеке.

— Бери свой облас и пойдем на ручей.

Мальчик ухватился за деревянную перемычку лодки и, как делал его отец, потянул в сторону ручья. Соседская девчонка Аня стояла на пороге своего дома. Поравнявшись с ней, Тишка громко выпалил:

– А это мой облас. Мне папа на День рождения подарил.

Тишке хотелось, чтобы его сейчас видели все: и новые друзья из деревни, и дед с бабушкой. Он уже большой. Лодка легко скользила по мху, ягелю, словно не имел веса.

Действительно, день сегодня для Тишки выдался необычным. Пока он учился плавать на обласе среди затопленных кустов в тихом омутке разлившегося в начале лета ручья, из деревни приехала учительница младших классов. Тишка знал Светлану Антоновну, но, увидев её дома, смутился, опустил глаза и спрятался за маму.

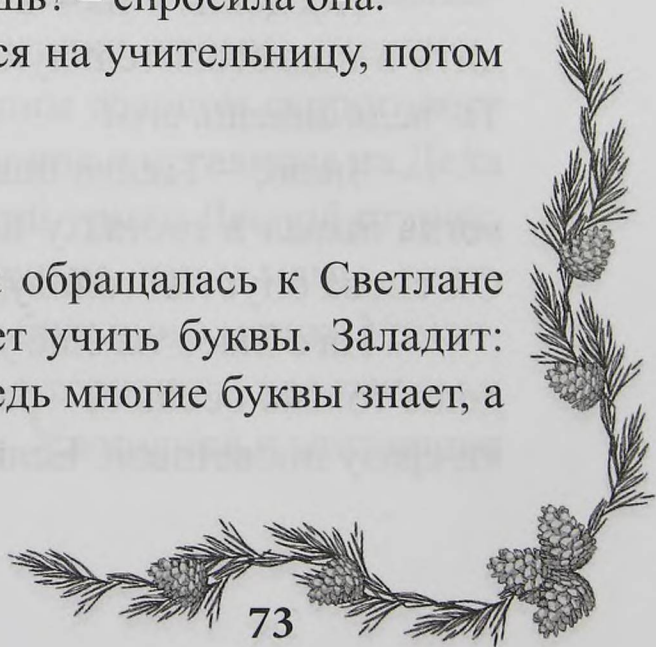
– Здравствуй, Тиша. С Днём рождения, – голос учительницы звучал мягко, ласково и он, преодолев застенчивость, подошел к столу. – Ты читать умеешь? – спросила она.

– Нет. А зачем? – он уставился на учительницу, потом на маму.

– А буквы знаешь?

– Нет. А зачем?

– Вот так всё время, – мама обращалась к Светлане Антоновне, – ни в какую не хочет учить буквы. Заладит: «а зачем», и хоть ты тресни. Он ведь многие буквы знает, а спросишь – не отвечает.

Светлана Антоновна держала новенький букварь.

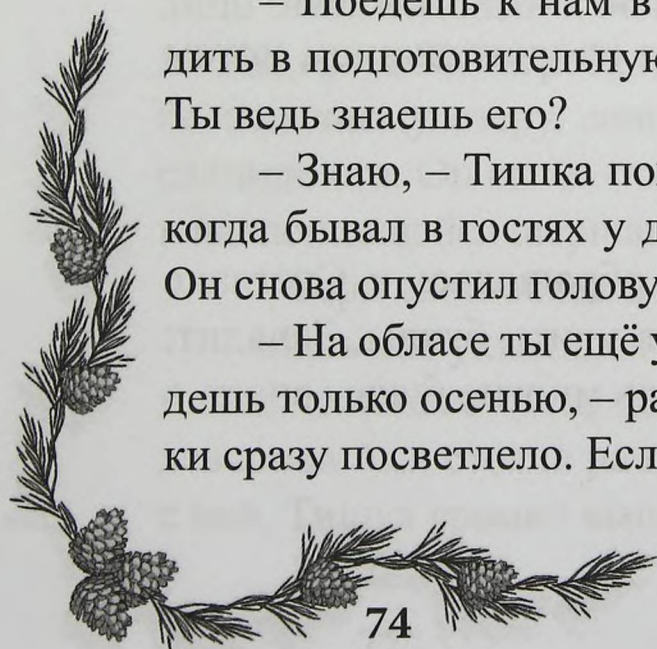
– Это тебе. Подарок на день рождения.

Букварь был красивый, новенький, не то что его старый, потрёпанный, с оторванными страницами, приклеенными полосками цветной бумаги. Но особого волнения Тишка не испытал. Напротив, что-то нехорошее шевельнулось в груди. Он смотрел на букварь почти враждебно, ощущая тревогу. Облас, букварь. Облас, букварь. Букварь рос в его глазах, заполняя собой стол, избу и уже не видно за ним обласа, уменьшающегося до игрушечных размеров. Он встряхнул головой, и цветная книга на столе приобрела обычные размеры.

– Поедешь к нам в деревню? К бабушке? Будешь ходить в подготовительную группу. Вместе с Васей Ильным. Ты ведь знаешь его?

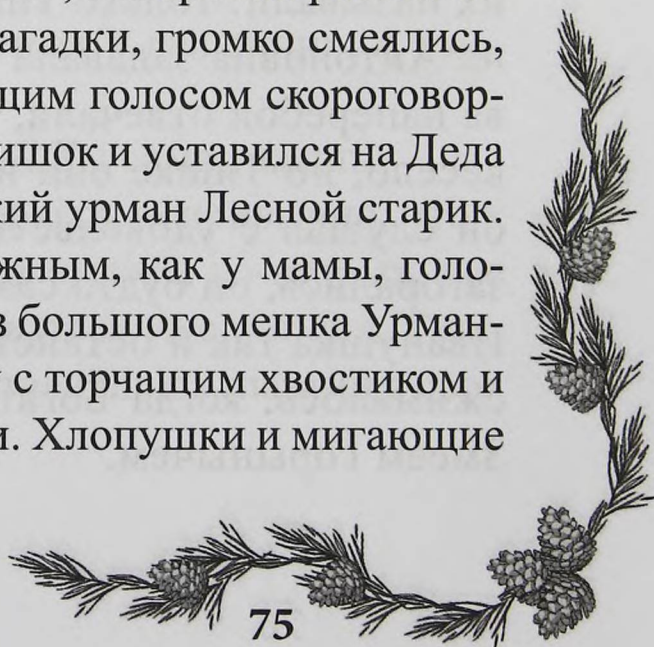
– Знаю, – Тишка повеселел. Он любил играть с Васей, когда бывал в гостях у деда с бабушкой. Но как же облас? Он снова опустил голову, потом повернулся в сторону отца.

– На обласе ты ещё успеешь поплавать. В деревню поедешь только осенью, – развеял сомнения отец. И лицо Тишки сразу посветлело. Если осенью, он был согласен на всё.

II

Тишка был в детском садике только один раз, на Новый год. Глаза его тогда разбегались от ярких огней и нарядов. Он сначала испугался громогласного Деда Мороза с длиннющей бородой. Большой мешок за спиной огромного старика притягивал его взгляд и пугал своими размерами. Вспомнился Лесной старик, что живёт в урмане за поворотом Большой реки. Отец иногда говорил: «Смотри, Тишка, в лес далеко не ходи. Лесной старик встретится, уведёт далеко». Лесной старик лохматый, с бородой, но почему-то одетый в красную длинную малицу, с огромным мешком подходил к детям и те его не боялись, наперебой рассказывали стихотворения, отгадывали загадки, громко смеялись, пели песенки. Тишка тоже дрожащим голосом скороговоркой протараторил припасённый стишок и уставился на Деда Мороза: не унёс бы Тишку в далёкий урман Лесной старик. Тревогу развеяла Снегурочка. Нежным, как у мамы, голосом она похвалила его и достала из большого мешка Урманного старика пушистого зайчишку с торчащим хвостиком и красочный мешочек со сладостями. Хлопушки и мигающие

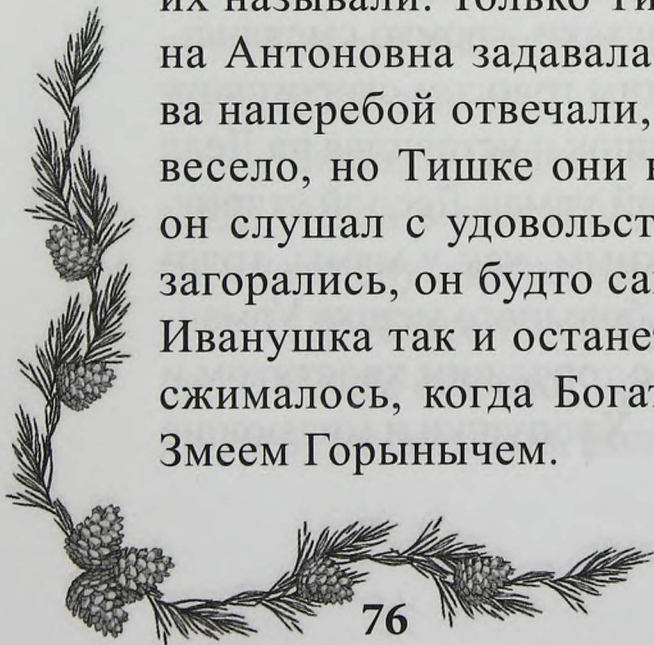

огни его не удивляли. На стойбище отец тоже наряжал ёлку со светящимися лампочками. А хлопушек накупили столько, что ещё долго после праздника ребятишки пугали друг друга внезапными взрывами-хлопками.

К детскому саду Тишка привык быстро.

Каждый день в садик приходила Светлана Антоновна. Все дети её знали и с удовольствием занимались на её необычных для детского сада уроках.

– Сегодня мы повторим то, что учили вчера, – Светлана Антоновна открывала букварь, доставала вырезанные буквы, показывая то одну, то другую, и дети громко их называли. Только Тишка сидел молча. Потом Светлана Антоновна задавала простенькие задачки. Дети снова наперебой отвечали, тянули руки. Занятия проходили весело, но Тишке они не нравились совсем. Вот сказки он слушал с удовольствием. В такие минуты глаза его загорались, он будто сам жил в сказке. То он боялся, что Иванушка так и останется козлёночком, то его сердечко сжималось, когда Богатырь вступал в бой с трёхглавым Змеем Горынычем.

— Сказки любишь, Тиша? — спрашивала его Светлана Антоновна.

— Люблю.

— Так вот, учи буквы, и сам сможешь читать самые разные сказки.

— А зачем? Ты нам читаешь.

— Дома сам будешь читать свои книжки.

— Дома бабушка читает, — отвечал упрямо Тишка.

Учительница промолчит, переведёт разговор на другое:

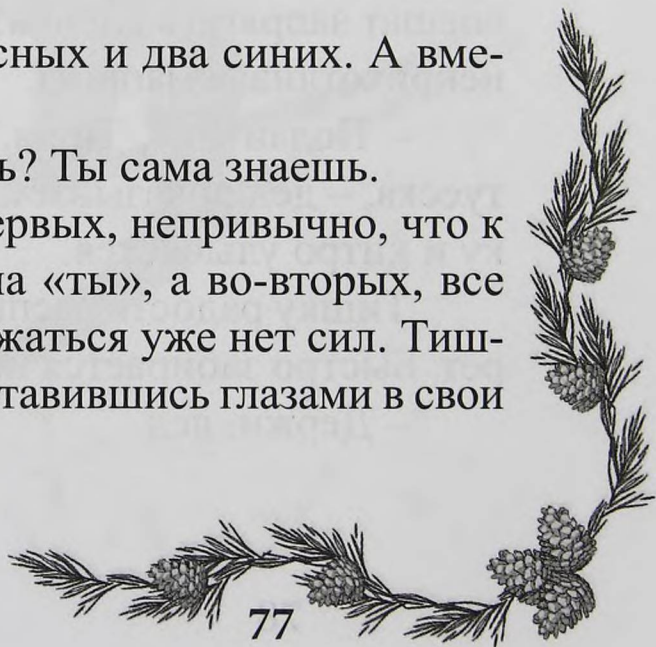
— Тиша, сколько будет, если к двум кубикам прибавить ещё два? — она берёт два кубика, ставит рядом ещё два и накрывает их ладошкой.

— Не знаю.

— А ты подумай. Вот два красных и два синих. А вместе сколько будет?

— Зачем ты меня спрашиваешь? Ты сама знаешь.

Дети смеются. Для них, во-первых, непривычно, что к учительнице Тишка обращается на «ты», а во-вторых, все знают, что кубиков четыре, и сдержаться уже нет сил. Тишка в такие минуты замыкается и, уставившись глазами в свои ботинки, молчит.

Тишке нравится возиться в мастерской деда, смотреть, как ловко в руках деда рубанок сотворяет изгибающуюся ароматную стружку.

– Нарты будут, внучек. На Новый год на стойбище в новой нарте поедem.

– На «Буране»?

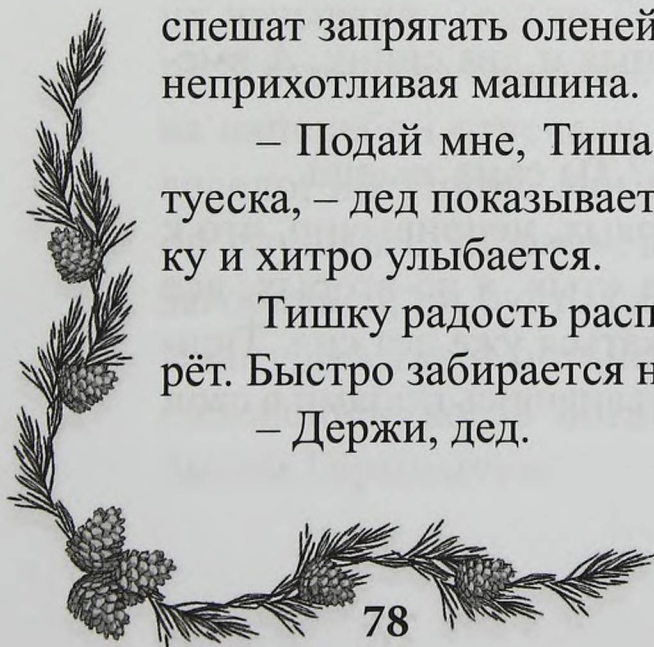
– На «Буране», внучек, на «Буране», – дед тяжело вздыхает.

Прошло, пожалуй, безвозвратно, то время, когда олений путь связывал зимой стойбища и селения. А сейчас режут на куски моторным рёвом тишину в борах, поймах рек лихие наездники. Уже и дичь свыклась с зудящим рёвом моторных лодок, бензопил, снегоходов. И лесные жители не спешат запрягать оленей: всегда под рукой быстроходная и неприхотливая машина.

– Подай мне, Тиша, четыре гвоздика в-о-о-он из того туеска, – дед показывает рубанком на берестяную коробочку и хитро улыбается.

Тишку радость распирает, что дед его в помощники берёт. Быстро забирается на табуретку.

– Держи, дед.

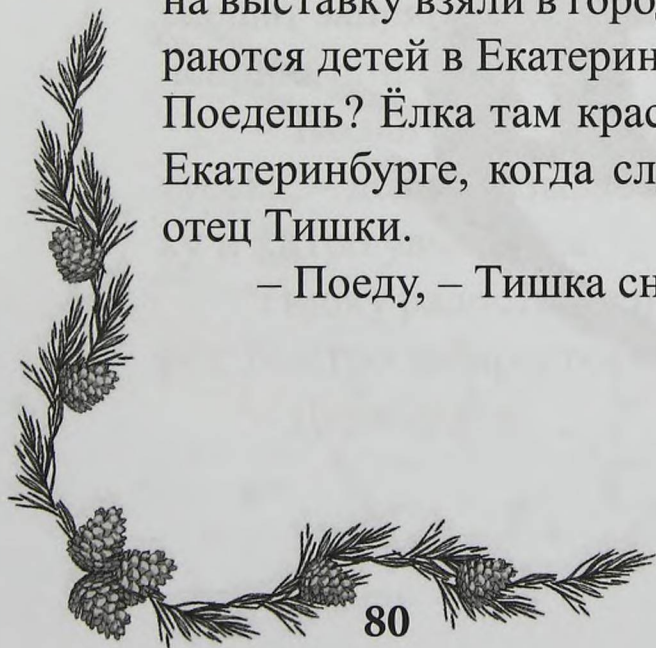
Дед Тимофей поправляет седые жидковатые усы, свисающие острыми концами, берёт гвозди из руки внука – четыре, как заказывал. Умеет считать, но показать не хочет. Упрямец. Отец его такой же был маленьким. Дед посмотрел на внука, словно пытался разгадать его тайну, взял молоток и стал приколачивать упор на верстаке.

– Однако четыре подал, как я сказывал. Значит, умеешь считать.

Тишка покраснел и опустил голову.

– Светлана Антоновна приходила, – дед посмотрел на внука, заметил, как вскинул тот голову при упоминании учительницы, насторожился. – Сказала, что рисунки твои на выставку взяли в город, хвалила тебя. На каникулы собираются детей в Екатеринбург везти. Тебя тоже приглашала. Поедешь? Ёлка там красивая, – дед бывал несколько раз в Екатеринбурге, когда служил в армии его сын Спиридон, отец Тишки.

– Поеду, – Тишка снова опустил голову.

III

Сутки в поезде, нарядная ёлка на площади в Екатеринбурге, огромные Дед Мороз и Снегурочка, множество огней, автомашин, толпы людей, непривычный шум – всё это быстро утомило Тишку, и первую ночь он спал крепким безмятежным сном. Ему даже ничего не снилось.

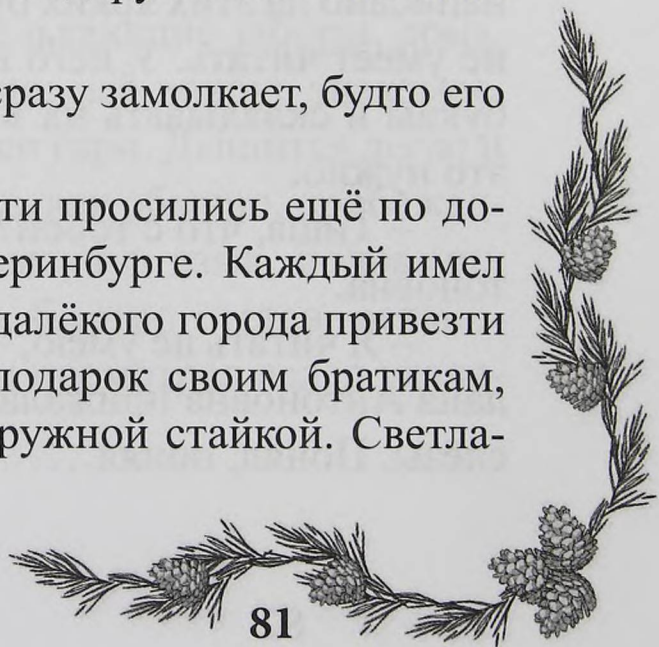
В музее он с удовольствием рассматривал чучела разных птиц и зверей, многих из которых встречал в лесу. Потом долго рассматривал оружие под стеклом.

– У моего папки два ружья, – хвастается он своим товарищам. – Папка нынче пять глухарей стрелил.

– Ты же считать не умеешь, – подтрунивает Витька из третьего класса.

– Сам не умеешь, – и Тишка сразу замолкает, будто его кто холодной водой остудил.

В магазин «Детский мир» дети просились ещё по дороге. Многие уже бывали в Екатеринбурге. Каждый имел карманные деньги, и хотелось из далёкого города привезти какую-нибудь игрушку себе и в подарок своим братикам, сестричкам. В магазине ходили дружной стайкой. Светла-

на Антоновна то и дело пересчитывала своих подопечных. Тишка рассматривал игрушки, и ему в огромном магазине всё нравилось. Он наблюдал, как Витька с Игорем подходили к прилавку, читали вслух: «пирамида» – столько-то рублей, «конструктор» – столько-то рублей.

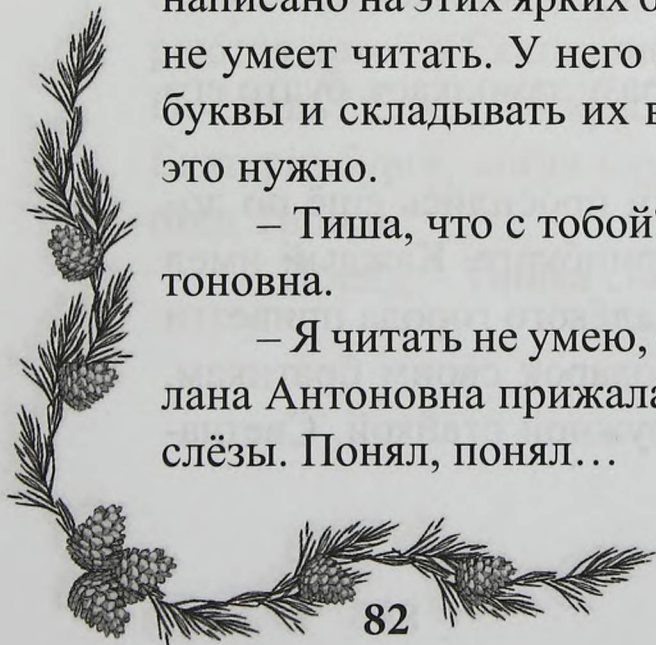
– А как эта игрушка называется? – показывает Тишка на яркую мягкую игрушку.

– Сам читай! Скоро в первый класс, а он ещё буквы не знает, – и Витька, ехидно хихикнув, двинулся дальше в обнимку со своим другом.

Тишка отвернулся и заплакал. Он почувствовал себя совершенно беспомощным. А так хотелось узнать, что там написано на этих ярких бумажках. Он впервые пожалел, что не умеет читать. У него впервые появилось желание учить буквы и складывать их в слова. Он теперь знал, зачем ему это нужно.

– Тиша, что с тобой? – спросила ласково Светлана Антоновна.

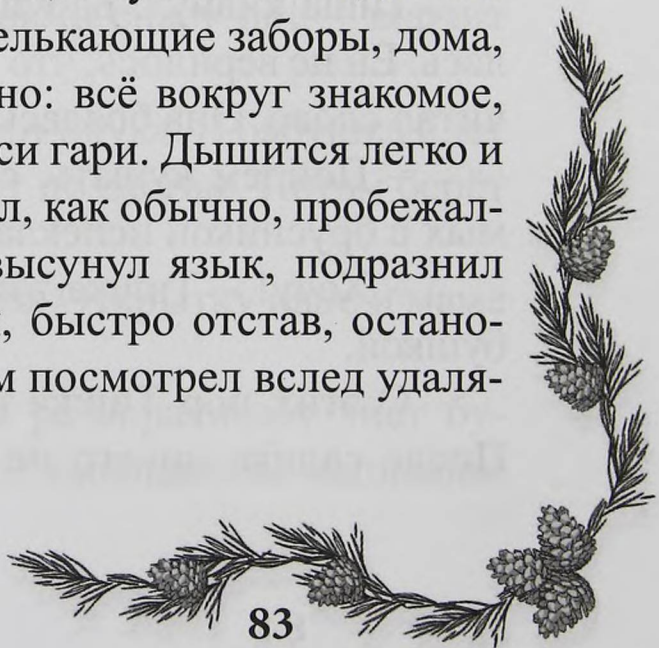
– Я читать не умею, – и он заревел уже навзрыд, а Светлана Антоновна прижала его к себе. У неё тоже выступили слёзы. Понял, понял...

Она помогла Тишке выбрать игрушку по его деньгам. Тишка держал только что купленную красочную машину и больше ничего не замечал вокруг.

IV

Автобус с визжащими от восторга детьми остановился у сельского клуба, где родители уже ждали своих чад. Тишку встречал дед Тимофей на стареньком снегоходе «Буран». К «Бурану» привязана новая нарта, накрытая оленьей шкурой. Как хорошо сидеть на новенькой нарте, как приятно ощущать свежий ветер, слышать глухое рычание мотора. Дед везёт его по дальней улице: пусть все видят его новую нарту. Тишка смотрит на мелькающие заборы, дома, деревья и ему становится радостно: всё вокруг знакомое, родное. Воздух чистый, без примеси гари. Дышится легко и вольно. Вот и соседский пёс Байкал, как обычно, пробежался с лаем за «Бураном». Тишка высунул язык, подразнил собаку. Дед поддал газу и Байкал, быстро отстав, остановился, сел на снег и с недоумением посмотрел вслед удаляющемуся мальчугану.

– Бабушка, где моя книжка? – не успев переступить порог, выпалил раскрасневшийся Тишка.

– Какая? Иди я тебя обниму, пухие, мальчоночка, – она расцеловала внучка.

– Букварь, – Тишка уставился в пол.

Взяв из рук бабушки букварь, он уходит в свою комнату, садится у окна и начинает листать. Он остановился на букве «м», и его губы сами разжались «мы», потом пальчиком повел вниз и словно нащупав то, что искал, отчётливо, по слогам прочитал: «ма-ма».

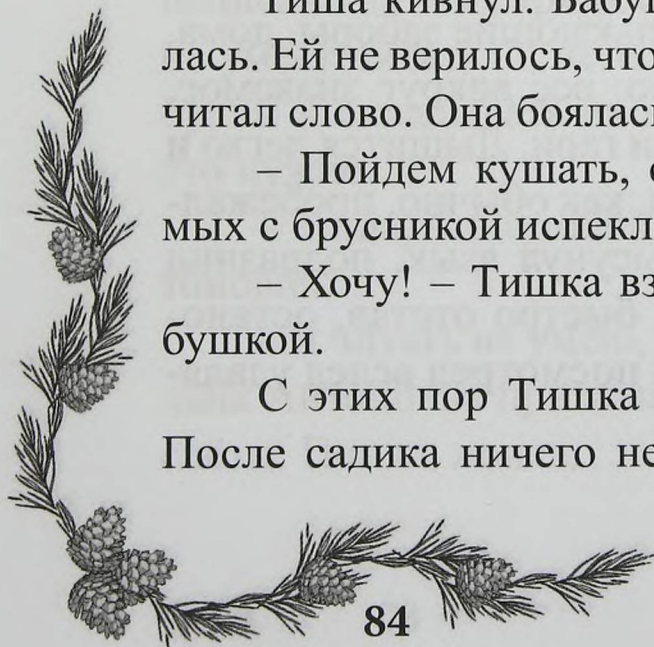
– Правильно, молодец! – бабушка притронулась к его плечу. – Скучаешь?

Тиша кивнул. Бабушка стояла за его спиной и улыбалась. Ей не верилось, что внук сам открыл букварь, сам прочитал слово. Она боялась его спугнуть. Не заупрямился бы.

– Пойдем кушать, сыночек, я пирожков твоих любимых с брусникой испекла. А потом почитаем. Хочешь?

– Хочу! – Тишка взял букварь и пошёл следом за бабушкой.

С этих пор Тишка не расстаётся со своим букварём. После садика ничего не даёт по дому сделать. Какая это

буква? Какая это?.. Это прочитай, это покажи. Бежит, бывало, к деду в мастерскую:

– Деда, а это какая буква? – и тычет ему под нос книгу.

– погоди, Тишка, сейчас, – дед не спеша откладывает стамеску, протирает чистым платочком очки. – Это буква «ш», – дед смешно шипит. – Видишь, шишка нарисована.

А вот и слово «шиш-ка» под картинкой.

– Шиш-ка, – повторяет Тишка и смеётся, – шиш-ка-Тиш-ка.

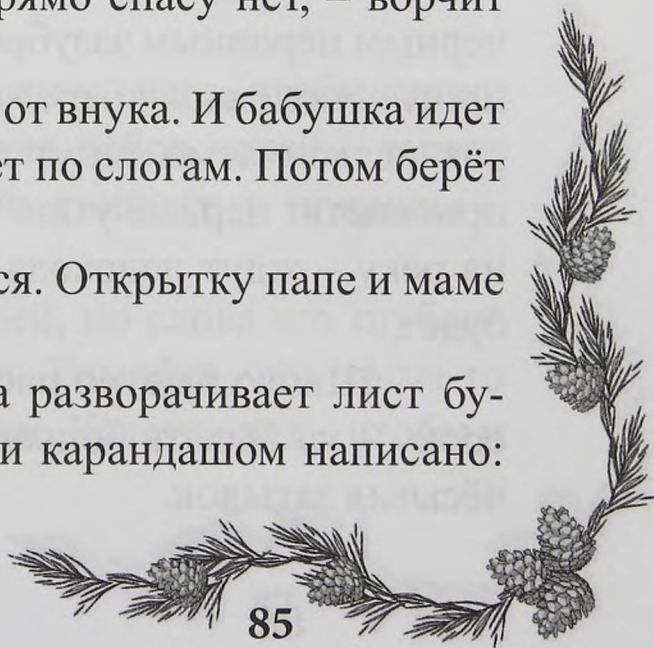
– Бабушка, а что здесь написано, – бежит он к бабушке, когда дед занят.

– Некогда мне: видишь – руки в тесте. Горе с тобой: то за книжку не загонишь, а то... Прямо спасу нет, – ворчит она для порядка.

Но не так-то легко отделаться от внука. И бабушка идет мыть руки, садится за стол и читает по слогам. Потом берёт ручку и пишет слово на бумаге.

– Скоро и ты писать научишься. Открытку папе и маме напишешь.

– А я умею писать, – Тишка разворачивает лист бумаги. На листе большими буквами карандашом написано:

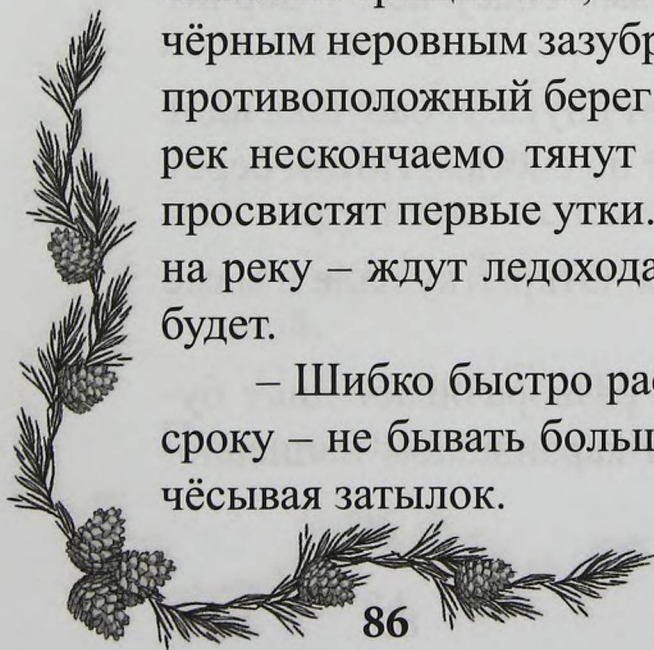

«баба». Буквы прыгают, наползают друг на дружку. Последняя буква «А» завалилась на бок.

V

Зима как-то быстро закончилась. Снег сполз с обочины раскисшей дороги и пригорков, болота стали пятнистыми, как линялая шкура оленя. По оврагам да вдоль шумящих ручьёв ещё жмутся в тень грязные сугробы. Река вздулась, тёмной лентой уходя за поворот. У берега мутноватым потоком спешит на простор вода поверх ещё не оторвавшегося льда. Синий нагрубший лёд, расчерченный кривыми линиями-трещинами, вот-вот тронется. Тайга потемнела и чёрным неровным зазубренным забором окаймила высокий противоположный берег до старицы. С наступлением сумерек нескончаемо тянут гуси неровными клиньями. Редко просвистят первые утки. Тишка с дедом каждый день ходят на реку – ждут ледохода. Дед всё гадает: большая ли вода будет.

– Шибко быстро растаял снег-то. Сойдёт вода раньше срока – не бывать большой воде, однако, – кряхтит он, почёсывая затылок.

Назавтра дед имеет уже другое суждение:

– Хорошая, дружная весна. День, другой – и лёд пойдёт. А в болотах воды, однако, множество: в момент пойму зальёт... Большая вода будет.

– Я тебя, дед, не пойму: большая вода будет или нет?

– Не загадывай погоду-природу. Какая будет, той и радоваться будем, – бубнит недовольно дед.

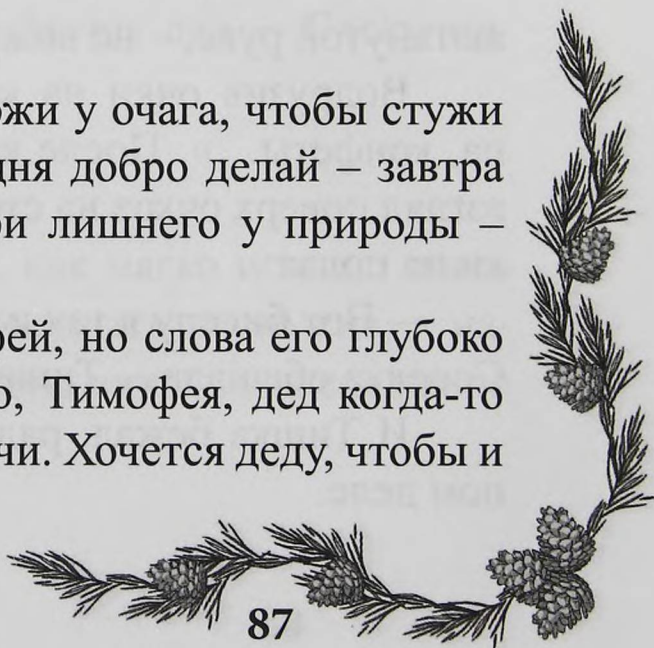
– Так ты же сам гадаешь каждый день, – Тишка не может понять своего деда.

– Человеку всегда хочется знать, что за поворотом ждёт его, – старик всматривается вдаль, словно в будущее хочет заглянуть. – Живи, внучек, так, чтобы не бояться завтрашнего дня.

– А это как?

– Дрова, сынок, сегодня положи у очага, чтобы стужи завтра не бояться. Человеку сегодня добро делай – завтра добром вернётся. Сегодня не бери лишнего у природы – завтра сыт будешь.

Мудрёно говорит дед Тимофей, но слова его глубоко в душу внука западают. Так и его, Тимофея, дед когда-то говорил. Так живут все его сородичи. Хочется деду, чтобы и

Тишка вырос Человеком. Он треплет непослушные вихры внука, смотрит вдаль через узкий прищур глаз, вдыхает весенний воздух, и радость наполняет его сердце.

VI

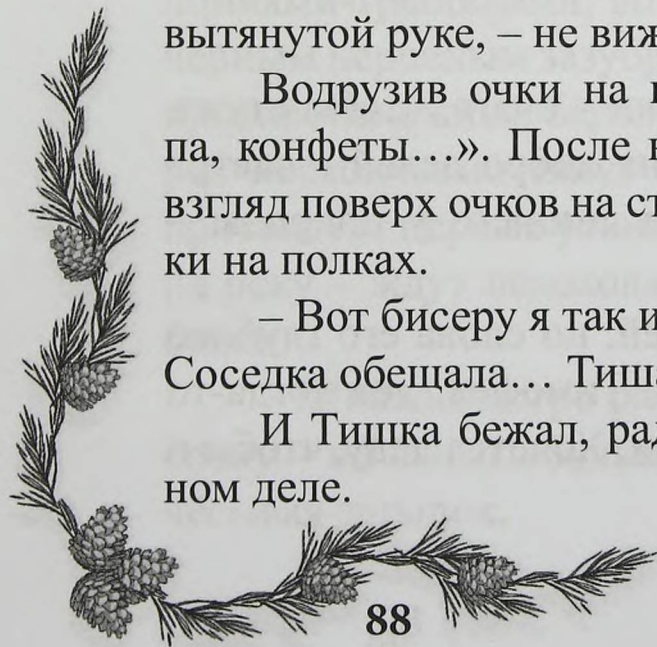
Ещё не прошёл ледоход на реке, а дед Тимофей засобирался в дорогу. Список всяких нужных вещей и продуктов составил Спиридон собственноручно. Ждёт заказа. Почитай что месяц никакой связи со стойбищем не поддерживалось: ни снегоходом, ни лодкой в межсезонье в далёкий сосновый бор не доберёшься.

— Та-а-а-к... — тянет дед и смешно держит бумажку на вытянутой руке, — не вижу, однако... Подай, Тиша, очки.

Водрузив очки на кончик носа, читает: «Сахар, крупа, конфеты...». После каждого слова он мельком бросает взгляд поверх очков на стоящие мешки в кладовке, на свертки на полках.

— Вот бисеру я так и не нашёл. Нет теперь в магазинах. Соседка обещала... Тиша, сбегай к тётке Матрёне...

И Тишка бежал, радуясь, что тоже участвует в полезном деле.

Каждую ночь ему снится один и тот же сон. Он уже там, на реке, в своём обласе легко скользит по гладкой водной глади. Вот он подплывает к сетке, а там запутались огромные серебряные рыбины. Мама встречает его на пороге, радуется улову. Отец с гордостью смотрит на своего сына – рыбак! Каждую ночь мама рассказывает ему сказки, а он слушает, не сводя с неё глаз, прижимаясь к шершавой отцовской руке. Утром не хочется поспать, не хочется открывать глаза. Подольше бы длился этот замечательный сон.

– Деда, а мы сегодня поедем? – не терпится ему.

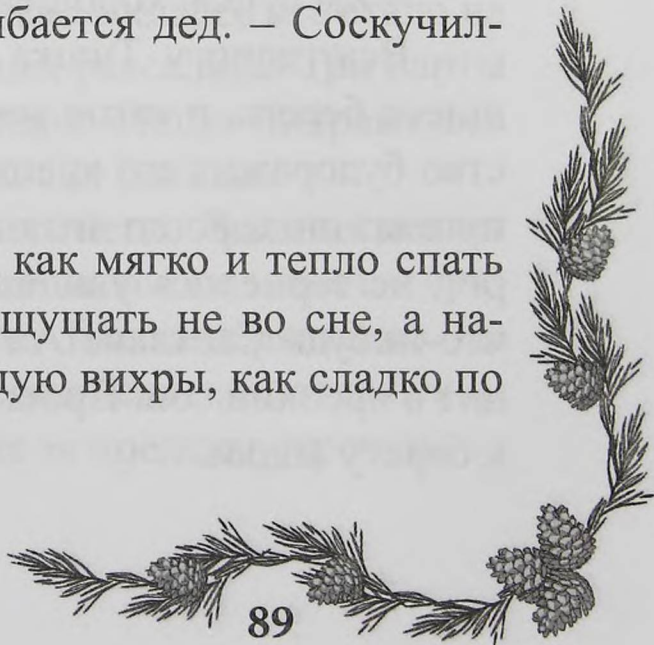
– Завтра утром, внучек. Рано подниму.

– А я совсем спать не буду.

– Ладно, посмотрим... – улыбается дед. – Соскучился... Букварь-то берешь?

– Да. Я маме читать буду.

...Как светло в родном доме, как мягко и тепло спать на оленьей шкуре, как приятно ощущать не во сне, а наяву отцовскую руку, поглаживающую вихры, как сладко по утрам слышать мамин голос...

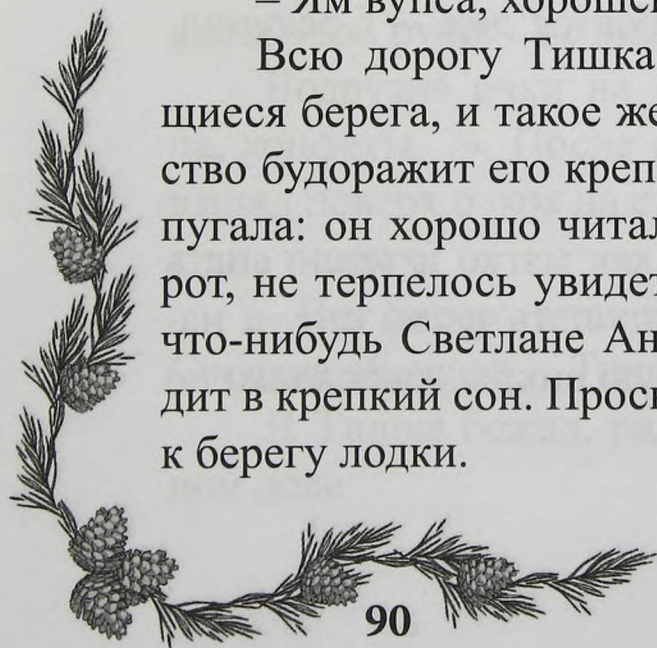
Куропаткой порхнуло лето, короткое и радостное. Прокричало звонкой чайкой. Не успел Тишка оглянуться, а уже и собираться нужно снова в деревню. На душе и радостно – в школу первого сентября, и грустно – с родителями расставаться не хочется. Загрустил, когда затаскивал облас под навес. Здесь зимовать будет вместе с дедовым. Отцов облас лежит, перевёрнутый вверх дном на берегу реки – сгодится ещё.

– Не грусти, сын. Приезжай на каникулы, – впервые Спиридон подаёт сыну в лодку книги в ученическом ранце. – Учись хорошо.

– Тун юш, хорошей, прямой дороги, – Спиридон обнял своего отца.

– Ям вупса, хорошей вам жизни, – ответил Тимофей.

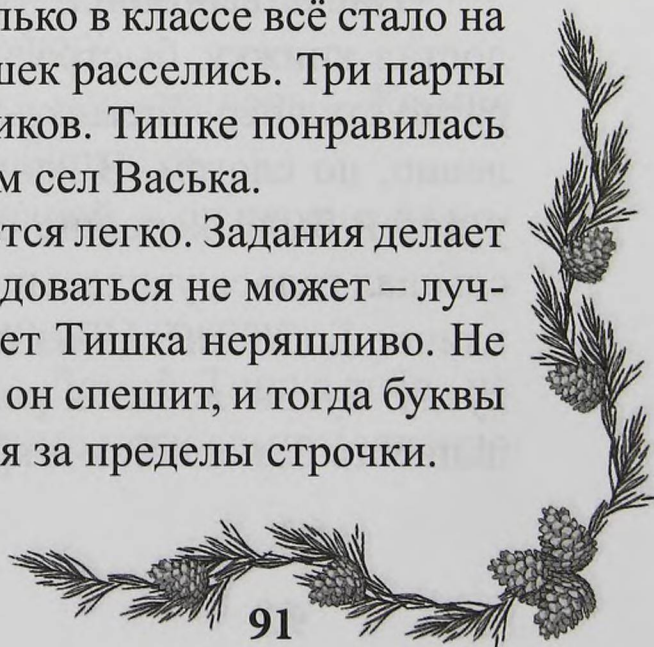
Всю дорогу Тишка смотрит на нескончаемо меняющиеся берега, и такое же бесконечное и разноречивое чувство будоражит его крепнущую душу. Теперь школа его не пугала: он хорошо читал, считал до ста и больше. Наоборот, не терпелось увидеть друзей, не терпелось прочитать что-нибудь Светлане Антоновне... Незаметно явь переходит в крепкий сон. Просыпается он от толчка причалившей к берегу лодки.

— Приехали, однако. Беги, зови бабушку, да коляску возьмите, вона сколько Спиридон всего натолкал, — дед Тимофей показывает на упакованные мешки с рыбой, ягодой, зимней одеждой...

Цветы, цветы, цветы... Громко звучит музыка. Много людей... «Столько в деревне людей нет», — думает Тишка. Вокруг всё празднично: девочки в белых фартучках, с разноцветными бантами. Мальчишки в наглаженных костюмах. Учителя улыбаются, громко что-то кричат друг другу. Дед Тимофей, тоже одетый в наглаженный полосатый костюм, пахнувший комодом, держит Тишку за руку, словно боится потерять в толпе. Тишка плохо помнит, что было потом. Выступали учителя, какая-то старшеклассница, но все говорили громко, непонятно. И только в классе всё стало на свои места. Двенадцать первоклашек расселись. Три парты остались на заднем ряду без учеников. Тишке понравилась парта во втором ряду у окна. Рядом сел Васька.

В школе у Тишки всё получается легко. Задания делает быстро. Светлана Антоновна нарадоваться не может — лучший ученик в классе. Только пишет Тишка неряшливо. Не хватает терпения выводить буквы, он спешит, и тогда буквы наползают друг на дружку, вылезая за пределы строчки.

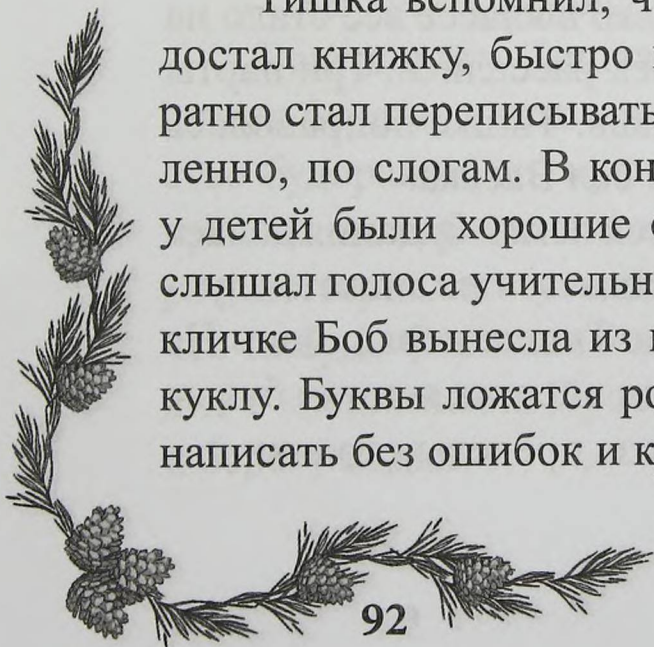
Особенный день сегодня. Уже не раз до Тишкиного уха долетали таинственные слова: диктант, контрольная... Не только Светлана Антоновна, но и другие учителя сегодня по коридорам ходят серьёзные, словно в каком-то ожидании.

— Сегодня мы будем писать первый в вашей жизни диктант, — Светлана Антоновна посмотрела на своих учеников.

Те слушают учительницу внимательно. Ещё бы! — первый раз диктант.

— Сначала я прочитаю весь рассказ «Боб», а вы внимательно слушайте. Потом я буду медленно диктовать, вы должны записать так, как услышите. Спешить не нужно, всё успеем.

Тишка вспомнил, что читал и знает этот рассказ. Он достал книжку, быстро нашёл нужную страничку и аккуратно стал переписывать. Светлана Антоновна читала медленно, по слогам. В конце учебного года хотелось, чтобы у детей были хорошие отметки. Тишка увлёкся и уже не слышал голоса учительницы. Он писал о том, как собака по кличке Боб вынесла из пожара маленькую девочку, потом куклу. Буквы ложатся ровно одна к одной. Тишке хочется написать без ошибок и красиво. Рассказ закончился, он по-

ставил точку. Учительница продолжала диктовать. Раскрыв рот, Тишка смотрит на учительницу, и трепещущее сердце наполняется радостью. Написал!

– Тихон Лямзин, ты почему не пишешь? – строго спросила Светлана Антоновна.

– А я уже написал, – и Тишка широко улыбнулся. Его глаза залучились узкими чёрточками.

Светлана Антоновна увидела учебник, раскрытый на той же странице, что и у неё. Тишка и не думал прятать его. Она взяла тетрадку, прочитала. Отметила про себя, что Тишка старался.

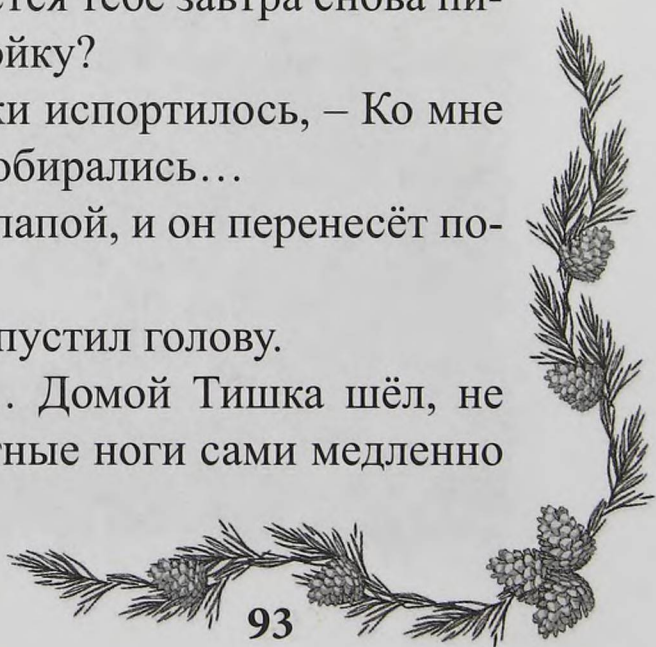
– Диктант, Тиша, пишется только под диктовку, смотреть в текст нельзя, так что придётся тебе завтра снова писать диктант. Ты же не хочешь двойку?

– Нет... – настроение у Тишки испортилось, – Ко мне папа приехал, мы завтра в город собирались...

– Если хочешь, я поговорю с папой, и он перенесёт поездку на другое время.

– Не нужно, я сам, – Тишка опустил голову.

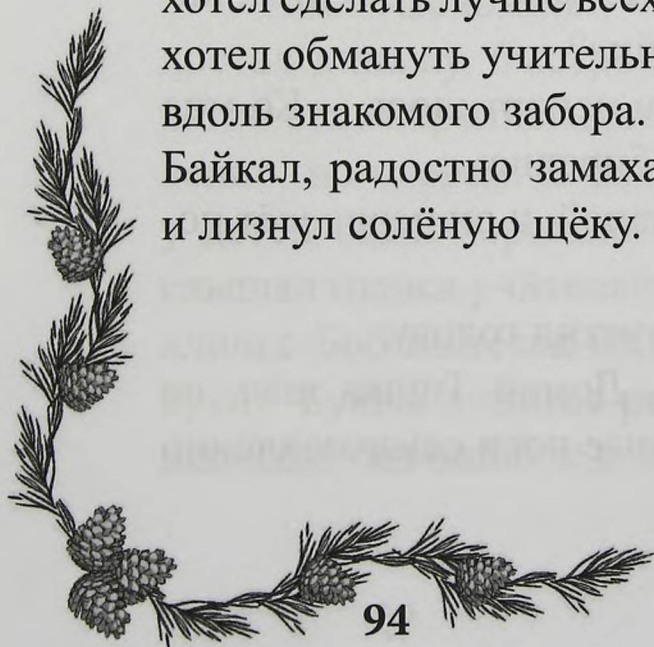
Всякому своя обида горька... Домой Тишка шёл, не замечая ничего. Непослушные ватные ноги сами медленно

несли его по бесконечной улице. Тишке жаль себя до слёз. К горлу подступил противный комок, солёный ручеек липко растекался по щекам. Он вытирал лицо руками, громко шмыгая носом. Он чувствовал себя так, словно его уличили в неблаговидном поступке. Чувство вины, зарождавшееся где-то глубоко в душе, ещё не окрепнув, сокрушалось вселенской жалостью к себе. «Почему? Ну почему? – спрашивал он себя. – Я же первый написал диктант. Я же не знал...».

Впереди нечёткими линиями задрожал дом деда. Слёзы тепло покатались к подбородку, и дом выровнялся. «Я пойду завтра в школу. Мне нельзя получить двойку. Я ведь хотел сделать лучше всех... Должен же папа понять, что я не хотел обмануть учительницу...». Тишка уверенней зашагал вдоль знакомого забора. Из-за угла выбежал соседский пес Байкал, радостно замахал мохнатым хвостом, подпрыгнул и лизнул солёную щёку.

2003 г.

СКАЗКИ

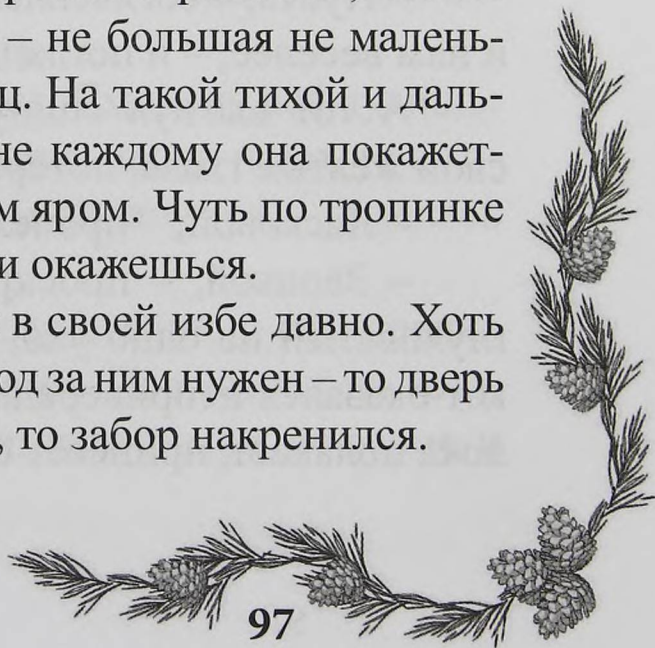

СТАРИК-РЫБАК И КОТ-ГОВОРУН

Жил-был старик со старухой в глухой сибирской деревне. Так далеко в тайге эта деревня спряталась, что не каждый отыщет. Деревня так себе — не большая не маленькая: при семи дворах — восемь улиц. На такой тихой и дальней речке стояла деревушка, что не каждому она покажется. Изба стариков стояла над самым яром. Чуть по тропинке спустишься — и уже на берегу речки окажешься.

Так вот жили дед со старухой в своей избе давно. Хоть дом невелик, да лежать не велит: уход за ним нужен — то дверь закрипела, то крыша прохудилась, то забор накренился.

А как время расступится от работы домашней, дед рыбачить идёт тропинкой, вытоптанной от порога до речки. Старуха по дому хлопочет, хозяйством занимается. Из хозяйства — коза, десяток куриц да кот приبلудный. Откуда взялся — никто не знает. Долго ходил кругами, не решаясь подойти к порогу. Заприметил его дед, наблюдает день, другой, третий. Не уходит кот. Открыл дед дверь и показал рукой: заходи, мол, чего под окнами шлындаешь. Кот смышлёным оказался и шмыгнул в избу. Накормили его, напоили парным молочком.

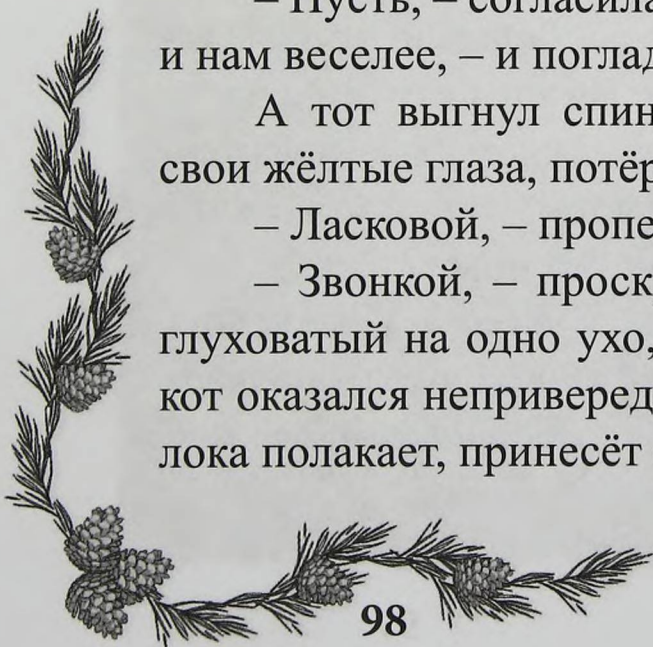
— Пусть живёт, — сказал старик, — а то мыши совсем страх потеряли.

— Пусть, — согласилась старуха, — куда ему деваться, да и нам веселее, — и погладила кота.

А тот выгнул спину, замурлыкал громко, прищурил свои жёлтые глаза, потёрся лбом о ладошку.

— Ласковой, — пропела старуха и взяла его на колени.

— Звонкой, — проскрипел старик и удивился, что он, глуховатый на одно ухо, и то слышал мурлыканье. В еде кот оказался непривередлив: подоит старуха козу — кот молока полакает, принесёт старик рыбы — он рыбки откусает.

А уж если ничего ему не попало от стариков, то сам мышку себе добудет. Ну, как говорится, наша невестка всё трескат: мёд и тот жрёт.

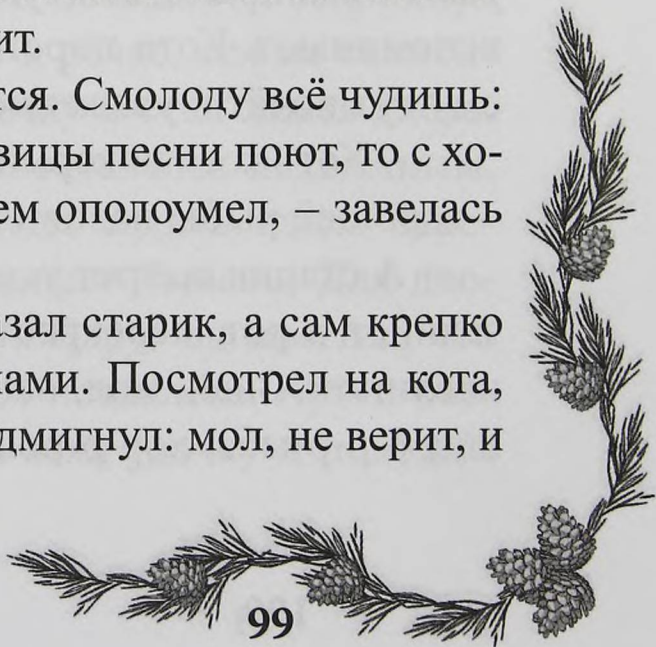
Но заметил старик, что к рыбе у кота особый интерес имеется. Принесёт дед рыбы, а кот ходит вокруг него, трётся спиной о сапог, мурлычет громко, словно приговаривает: «Дай р-р-р-ыбы, дай р-р-р-ыбы». Смотрит на него старик и не верит своим ушам: неужели ему почудилось. Поест рыбки кот и снова: «Благодар-р-рю, хор-р-р-ошая рыба». «Кот, никак, разговаривать умеет», — удивляется старик.

Поделился он своими сомнениями со старухой:

— Кот наш вроде как разговаривать умеет, — несмело обратился он к старухе, — прямо человеческим голосом молвит: дай р-р-рыбы, благодар-рю, говорит.

— Чего тебе только не почудится. Смолоду всё чудишь: то тебе трава шепчет, то тебе половицы песни поют, то с хозяином в тайге балагуришь. Совсем ополоумел, — завелась старуха, забубнила, забранилась.

— Может, и почудилось, — сказал старик, а сам крепко задумался: слышал же своими ушами. Посмотрел на кота, лежащего на тёплой печке. Кот подмигнул: мол, не верит, и не надо.

Заметил ещё старик, что в рыбалке стала ему способствовать удача. Давно так не везло: то щуку большущую вытащит, то налима здоровущего. Старуха удивляется:

— Давно такой рыбы не ловливал, — похвалила как-то его, — со щуки-то котлет на неделю хватит, вот бы внуков сюда, попотчевались бы, — размечтается и даже прослезится старуха.

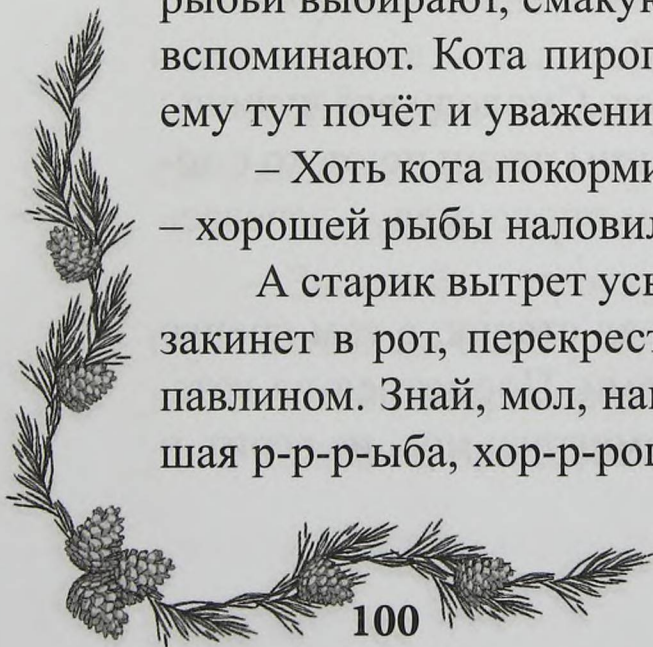
Налима притащит, а она:

— Ох, и вкусной налим-то, а печень прямо тает во рту, давно таких не ловливал. Вот бы внуков угостить, да далеко они...

Испечёт старуха пирог рыбный, сидят вдвоем, кости рыбы выбирают, смакуют рыбу ароматную и снова внуков вспоминают. Кота пирогом угостят, а тот и рад, что такой ему тут почёт и уважение.

— Хоть кота покормим вкуснятиной, — говорит старуха, — хорошей рыбы наловил, — хвалит старика.

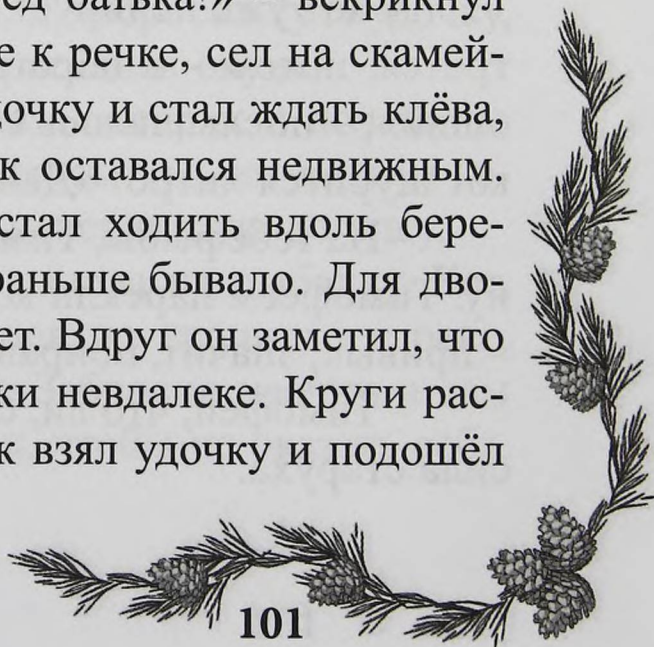
А старик вытрет усы-бороду, соберёт крошки со стола, закинет в рот, перекрестится и пройдётся перед старухой павлином. Знай, мол, наших! А кот тут как тут: «Хор-р-рошая р-р-р-ыба, хор-р-роший пир-р-р-ог», и смотрит в лицо

старику. Подмигнёт ему жёлтым глазом, а старик коту тоже в ответ глаз прищурит.

Стал догадываться старик, что везёт ему на рыбалке неспроста. «Не кот ли пособляет мне?» — подумал он и даже испугался. Покосился на кота, а тот снова подмигнул. «Не простой это кот, — подумал он, — ох, не простой». «Не пр-р-р-остой, — слышалось старику, — не пр-р-р-остой», — промурлыкал кот и пошёл своей гордой походкой через горницу к печке.

Утром собрался старик на рыбалку. Взял он удочку, оделся, и тихо, чтобы не разбудить старуху, отворил дверь. Кот выскочил на улицу, задев сапог старика, и скрылся в высокой траве. «Куды ж ты вперед батька!» — вскрикнул старик. Спустился он по тропинке к речке, сел на скамейку, сделанную из тёса. Закинул удочку и стал ждать клёва, но рыба не подходила и поплавок оставался недвижимым. С какого-то времени старик не стал ходить вдоль берега да искать рыбные места, как раньше бывало. Для двоих и здесь, сидя на скамье, поймает. Вдруг он заметил, что всплеснулась рыба за кустом осоки невядалеке. Круги расходились по водной глади. Старик взял удочку и подошёл

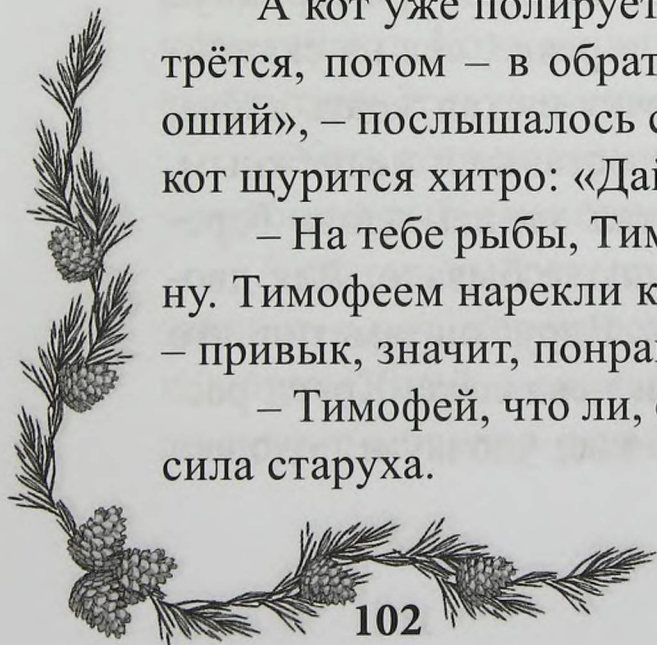
к тому месту, где всплеснулось. Забросил удочку, и тут же поплавок дёрнулся раз-другой. Потянул на себя старик и почувствовал сопротивление большой рыбы. Долго вываживал он рыбину. Вытащил, наконец, её на берег. Большой налим попался ему. Потом, когда совсем рассвело и солнышко стало ласково поглаживать прибрежную траву и плескаться в водной глади, пошёл окунь полосатый, да крупный такой – один в один. Пошёл старик по тропинке домой, а тут и кот вынырнул где-то из прибрежных кустиков. Бежит впереди, хвост трубой. Зашли в избу. Радуетя старуха:

– Хорош улов, – говорит, – вкусная будет уха.

А кот уже полирует сапог старика: одним боком притрётся, потом – в обратку. «Хор-р-р-оший улов, хор-р-р-оший», – слышалось старику. Он уже и не удивляется, а кот щурится хитро: «Дай р-р-р-ыбы».

– На тебе рыбы, Тимофей, – старик бросил коту рыбину. Тимофеем нарекли кота. Он уже на кличку отзывается – привык, значит, понравилась кличка.

– Тимофей, что ли, с тобой на рыбалку ходил? – спросила старуха.

— Так он вперёд меня выскочил, чуть с ног не свалил. Да только потом я его не видел. Объявился уже, когда домой засобирался, — ответил старик.

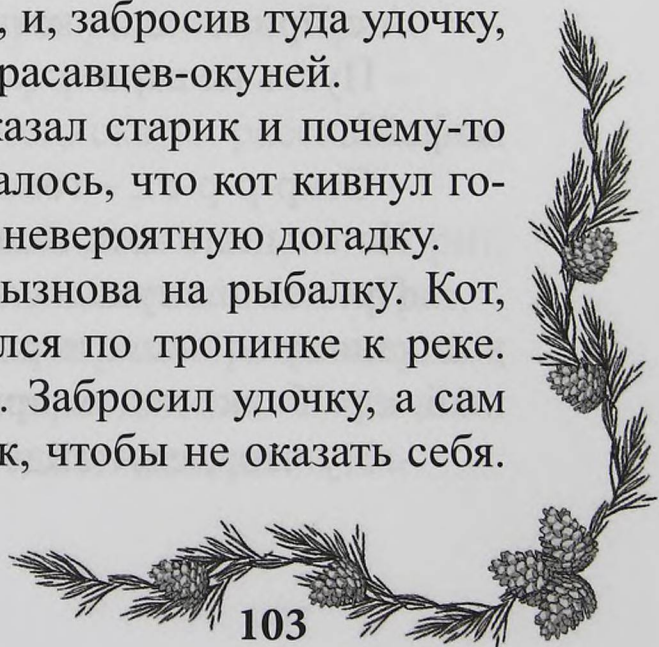
Он посмотрел на кота. Тимофей уже съел свою рыбку и умывается: лизнёт лапку и моет мордочку то левой, а то правой лапкой, то одним глазом подмигнёт старику, то другим.

— И дома его не было всё время, пока ты рыбачил, — удивилась старуха.

— Где же его нелёгкая носила? — в сердцах спросил старик и повернулся к коту, а тот уже на своём месте — на печке. Посмотрел на старика и прищурил хитро глаза. Тут старик и рассказал старухе, как с утра не ловилась рыба, а потом он услышал всплеск за кустом осоки, и, забросив туда удочку, поймал большого налима и этих красавцев-окуней.

— Будто наколдовал кто, — сказал старик и почему-то оглянулся на кота. Старику показалось, что кот кивнул головой, как бы подтверждая такую невероятную догадку.

Как-то засобирался старик сызнова на рыбалку. Кот, как и обычно, вперёд него умчался по тропинке к реке. Решил старик проследить за ним. Забросил удочку, а сам вдоль берега тихонько ступает, так, чтобы не оказать себя.

Видит: кот сидит у самой воды, лапкой воду трогает, круги расходятся, потом плескаться стал, воду морщить. Вдруг большущая рыбина всплеснулась, вывернув серебристый бок. Кот развернулся и скрылся в густой траве, будто испугался. Побежал старик за удочкой, забросил в этом месте. Поймал язя крупного, потом ещё и ещё.

Притащил рыбу домой, а кот уже в избе сидит, смотрит на старика хитроватыми глазами. Старик погладил его. «Хор-р-р-роший улов», – услышал старик.

Рассказал старик, как помогает ему кот рыбу ловить, но старуха только посмеялась над ним:

– Ну и мастер ты, старый, сказки сказывать. Ум-то уж совсем растерял.

А старик гладит кота и говорит тихо:

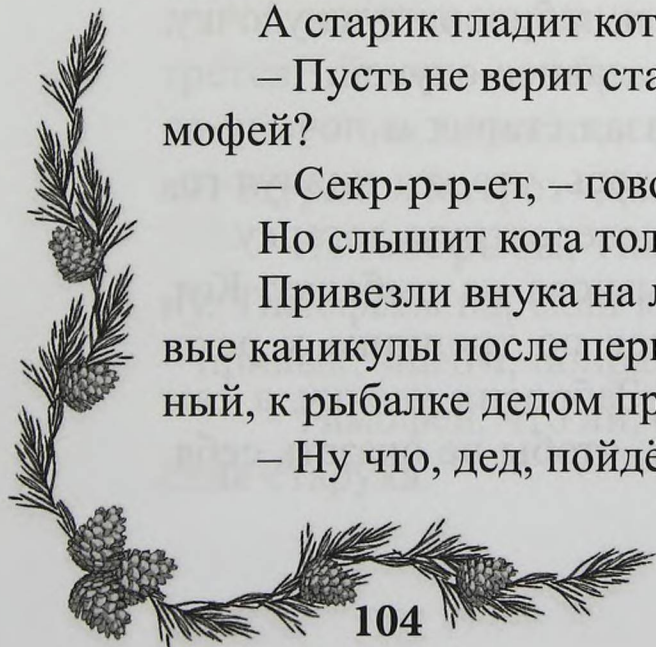
– Пусть не верит старуха, это будет наш секрет. Да, Тимофей?

– Секр-р-р-ет, – говорит кот, – секр-р-р-ет...

Но слышит кота только старик.

Привезли внука на лето из города. У внука нынче первые каникулы после первого класса. Мальчик уже смыслённый, к рыбалке дедом приученный.

– Ну что, дед, пойдём на рыбалку? – спрашивает.

– Пойдём, внучек. Баба на пирог рыбы заказала. Тебя хочет попотчевать.

– Я люблю пироги, – говорит внук.

И баба, и дед млеют от радости. Баба – оттого, что внук пироги любит, а дед – что рыбак подрастает.

Идут по тропинке они к речке, а кот впереди бежит, хвост трубой. Шмыг в траву – и только его видели. Дед не знает, как внуку о волшебном Тимофее рассказать, боится, что не поверит. Издалека начинает разговор.

– Кот-то у нас знатной: мышей гонят, со мной на рыбалку бегат, – поразмыслил дед, всё ли можно сказывать, – мне с ним веселей живётся.

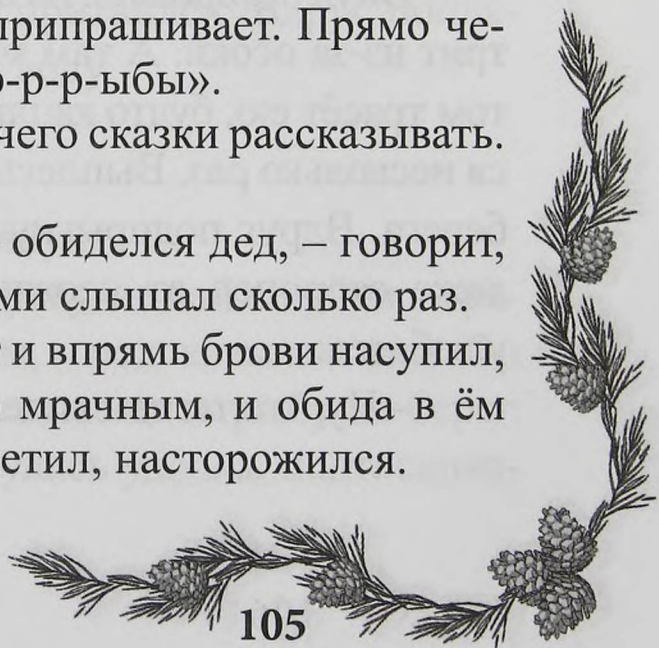
– А он рыбу ест? – звонко спрашивает внук.

– Не только ест, но ишшо и припрашивает. Прямо человечьим голосом говорит: «Дай р-р-р-ыбы».

– Дед, я уже не маленький, нечего сказки рассказывать. Коты разговаривать не умеют.

– Вот и баба тоже не верит, – обиделся дед, – говорит, что я выдумываю, а я своими ушами слышал сколько раз.

Посмотрел внук на деда, а тот и впрямь брови насупил, ус закусил, и сделалось его лицо мрачным, и обида в ём разыграла не в шутку. Внук это заметил, насторожился.

– Может, тебе просто показалось? Ты же слышишь плохо. Вот и почудилось, – хотел как-то оправдать деда внук и загладить нанесённую обиду.

– Что ж я, на ненормального похож, чтоб мне казалось?
– пуще обиделся дед.

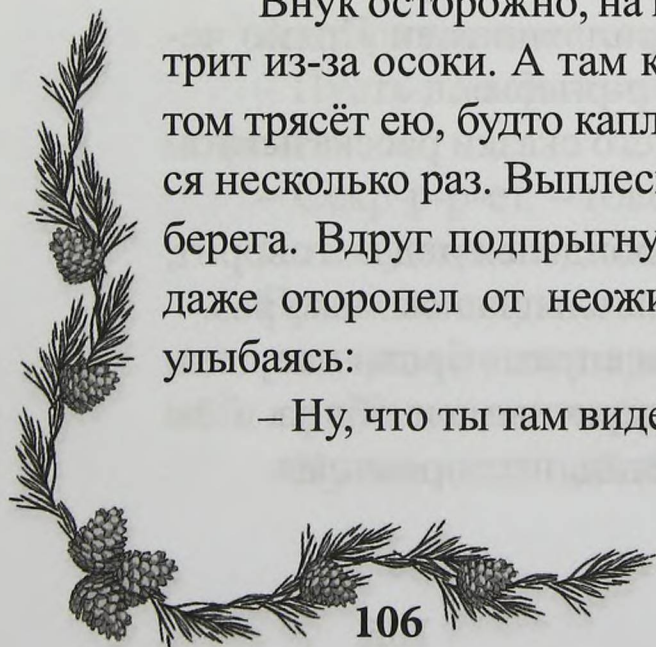
– Ты у меня нормальный, дед, – успокоил внук.

К этому времени вышли на берег, забросили удочки, усе-
лись на скамью.

– Смотри, смотри – там, за кустом, вода взволновалась,
– дед показывает рукой в то место, где речка делает изгиб, –
тихонько подкрадись и посмотри, что там делается.

Внук осторожно, на цыпочках, подкрался к кустику, смо-
трит из-за осоки. А там кот сидит и мачет лапкой в воду, по-
том трясёт ею, будто капли воды стряхивает, и так повторяет-
ся несколько раз. Выплеснулась большая рыбина недалеко от
берега. Вдруг подпрыгнул Тимофей и убежал в траву. Внук
даже оторопел от неожиданности. Дед спрашивает, хитро
улыбаясь:

– Ну, что ты там видел? Или, может, ничего необычного?

— Там кот лапкой воду трогал, потом рыба всплеснулась, а кот подпрыгнул и в кусты убежал.

— Не хотел я тебе о его волшебстве говорить: не пове-
ришь ведь. А теперь сам видел.

— А что тут необычного: ну потрогал воду. Это он игра-
ет так.

— Нет, внучек, это он колдует, рыбу приманивает. Пой-
дём туда, сам увидишь.

Взяли удочки и пошли к тому месту. Забросил удочку
дед, отдал в руки внуку.

— Жди, сейчас клюнет большая рыба, — тихо прошеп-
тал дед.

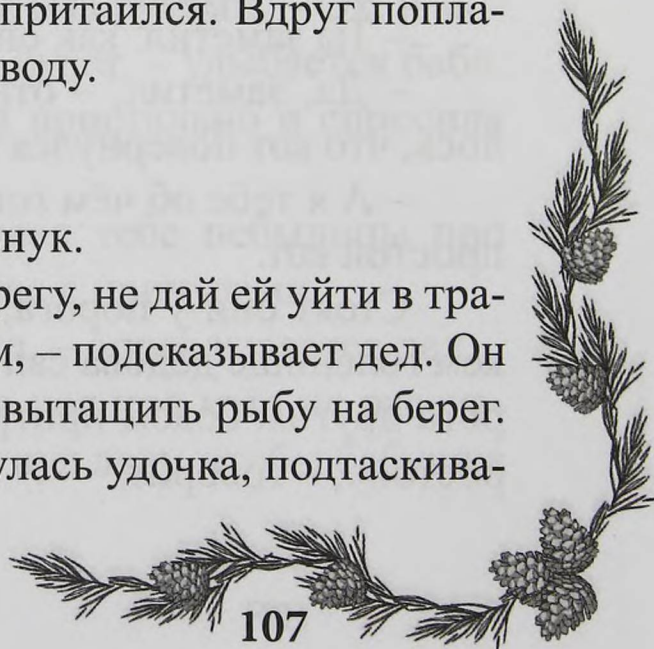
Не стал перечить внук деду, притаился. Вдруг попла-
вок заиграл, запрыгал и ушёл под воду.

— Подсекай, — крикнул дед.

Согнулась удочка.

— Что-то тяжёлое, — кряхтит внук.

— Не упusti. Подтягивай к берегу, не дай ей уйти в тра-
ву, а то запутается и всё — с концом, — подсказывает дед. Он
уже взял подсачек, чтобы помочь вытащить рыбу на берег.
Натянулась леска, ещё пуще согнулась удочка, подтаскива-

ет внук рыбу, но та не хочет идти в подсак и снова устремляется в глубину.

– Держи её внатяг, не давай слабину, – кричит дед.

Снова подходит рыба к берегу, подтягиваемая внуком, и снова уходит на круг. Только с третьей попытки удаётся деду завести рыбину в подсак.

– Вот так щука! – выкрикнул дед. – Молодец, внучек, всё правильно сделал.

Несут добычу домой, а кот уже впереди. Откуда выскочил, никто не заметил.

– Это он рыбу подманил, – показывает дед на кота.

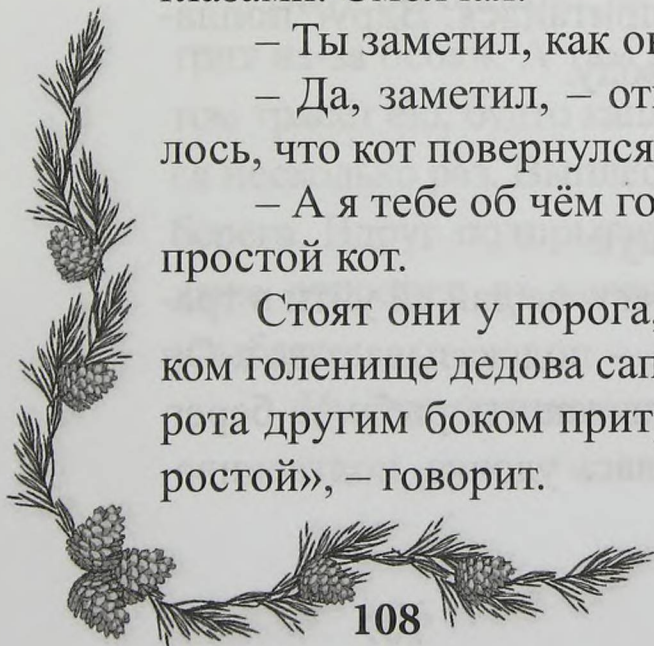
Внук посмотрел на деда, потом на кота удивлёнными глазами. Смолчал.

– Ты заметил, как он тебе подмигнул? – спросил дед.

– Да, заметил, – ответил внук. Ему и впрямь показалось, что кот повернулся к нему и подмигнул одним глазом.

– А я тебе об чём говорю? – шепчет тихо дед. – Это не простой кот.

Стоят они у порога, а кот полирует своим мягким боком голенище дедова сапога – то вперёд пройдёт, то с поворота другим боком притрётся: «Не пр-р-ростой, не пр-р-ростой», – говорит.

– Слышал, как он сказал «Не пр-р-р-ростой»?

– Слышал, – удивлённо ответил внук. Ему и впрямь почудилось, что кот что-то сказал. Ну, сказал – не сказал, а вот букву «р» он услышал довольно отчётливо.

– Ты бабе только не рассказывай, а то она не верит, думает, что я рассудком повернулся. Но ты же сам слышал и видел?

А кот ещё звонче запел: «Дай р-р-ыбы, дай р-рыбы...».

– Слышал, как он сказал «Дай рыбы»?

– Да, слышал, – ответил внук.

– Пусть это будет нашим секретом, нашей маленькой тайной.

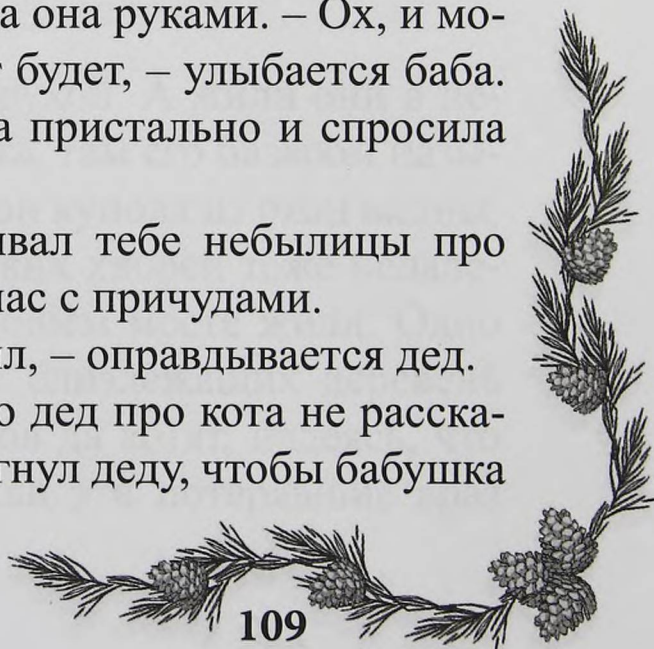
Зашли в избу, показывают бабе выловленную щуку.

– Большая щука! – всплеснула она руками. – Ох, и молодцы вы у меня! Хороший пирог будет, – улыбается баба. Потом вдруг посмотрела на внука пристально и спросила строго:

– Дед, случаем, не рассказывал тебе небылицы про кота? Ты его не слушай, дед-то у нас с причудами.

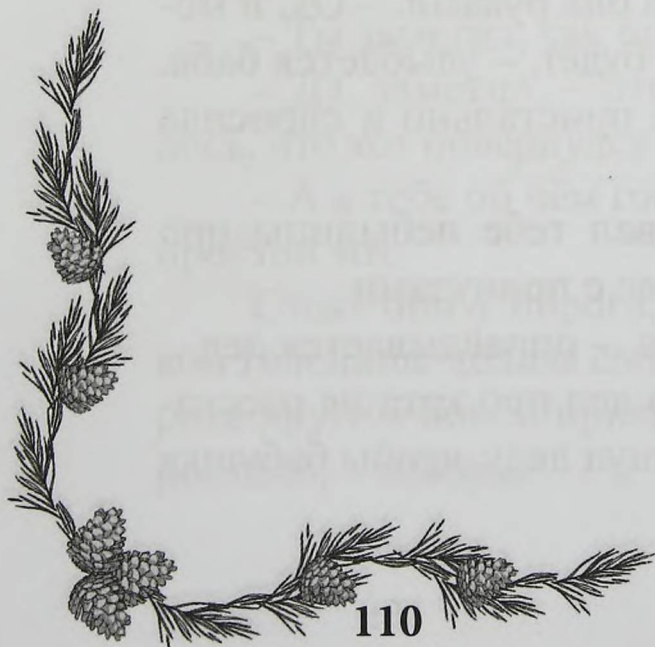
– А я ничего такого не говорил, – оправдывается дед.

– Нет, бабушка, ничего такого дед про кота не рассказывал, – подтвердил внук и подмигнул деду, чтобы бабушка

не увидела. Посмотрел на кота, а тот свернулся клубочком на своём излюбленном месте и хитро щурится, будто говорит своим видом: «Это наш секр-р-рет».

2015 г.

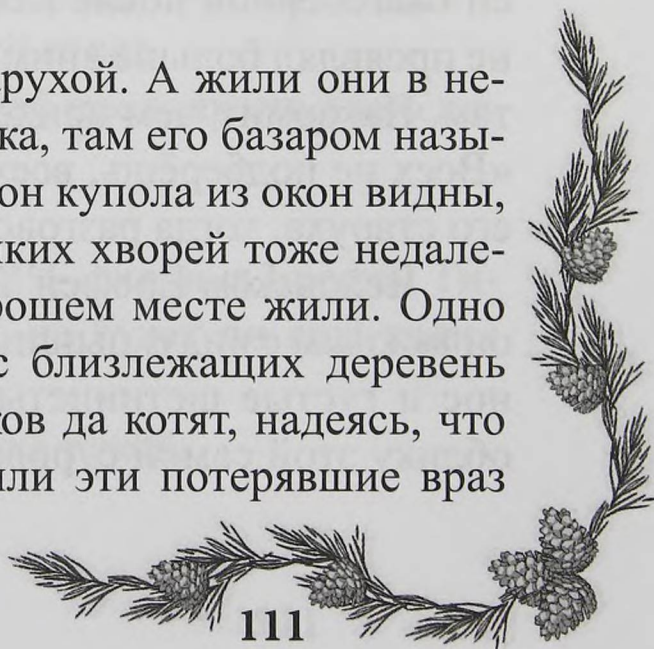

КАК ЕРОФЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ КОТОФЕЯ ЕРОФЕЕВИЧА УМУ-РАЗУМУ УЧИЛ

I

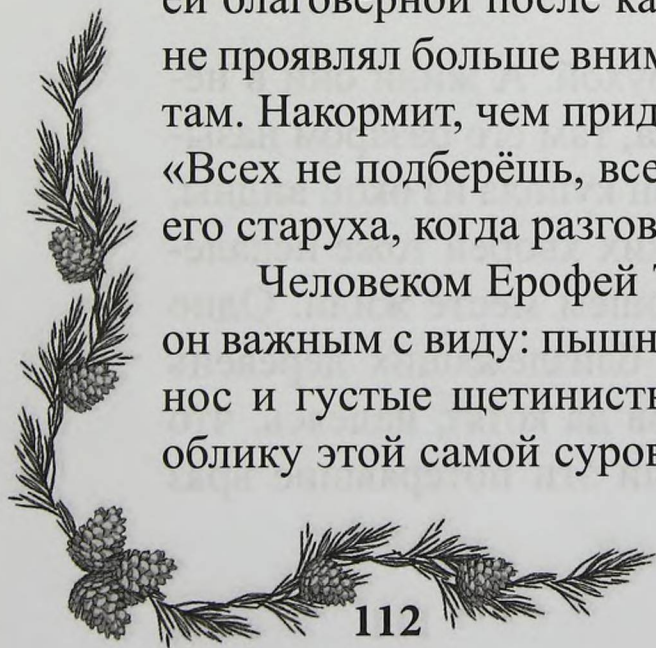
Жили-были старик со старухой. А жили они в небольшом городке недалеко от рынка, там его базаром называют. Им и до церкви недалеко – вон купола из окон видны, и до аптеки за лекарствами от всяких хворей тоже недалеко ходить. Ну что сказать – в хорошем месте жили. Одно удручало, что частенько селяне с близлежащих деревень оставляли на базаре разных щенков да котят, надеясь, что подберут их добрые люди. Бродили эти потерявшие враз

своих хозяев малявки от дома к дому, что ближе к базару расположились, пока какой-нибудь сердобольный человек не подберёт, да приютит у себя. Вот и наш старик Ерофей Тимофеевич не одного котёнка подобрал, да и собачек тоже пару-тройку вырастил – всё приبلудыши... Только недавно кончилась от старости сытая жизнь Тузика, который приблудился ко двору старика много лет тому назад. Шибко горевала старуха по усопшему от старости Тузику, и сказала, как отрезала: «Чтоб больше ни-ни». Старик ещё пытался уговорить старуху, глядячи на какого-нибудь найдёныша, но натыкался непременно на стену непонимания.

Ерофей Тимофеевич, помня громкие возмущения своей благоверной после каждого потенциального приёмыша, не проявлял больше внимания к ползающим щенкам и котяткам. Накормит, чем придётся, но чтобы в дом тащить – нет. «Всех не подберёшь, всех не обогреешь», – так говаривала его старуха, когда разговор касался этого предмета.

Человеком Ерофей Тимофеевич слыл суровым. И был он важным с виду: пышные седые усища, крупный красный нос и густые щетинистые брови как раз и придавали его облику этой самой суровости и важности. Ходил он всегда

подчеркнуто прямо, крупный подбородок с ямкой держал высоко, словно на параде. Без малого десять лет служил Ерофей Тимофеевич в царской армии. «Солдатской каши досыта нахлебался», – так иногда говорил он о своей службе. На соседское «здрасьте» обычно отвечал басовито: «Здравия желаю!», а на бабкино «Понял ли, что нужно купить?» громко рявкал: «Так точно! – иногда добавлял: – Не дурак». Сначала это солдафонство вызывало в бабке страшное возмущение, но потом она пообвыклась и перестала обращать внимание на такую особенность мужа.

И в этот день старуха, давая наказы старику относительно того, что и где лучше купить, вставила обязательное:

– И чтоб щенят и котят в дом не тащ-ш-шыл. Понял?

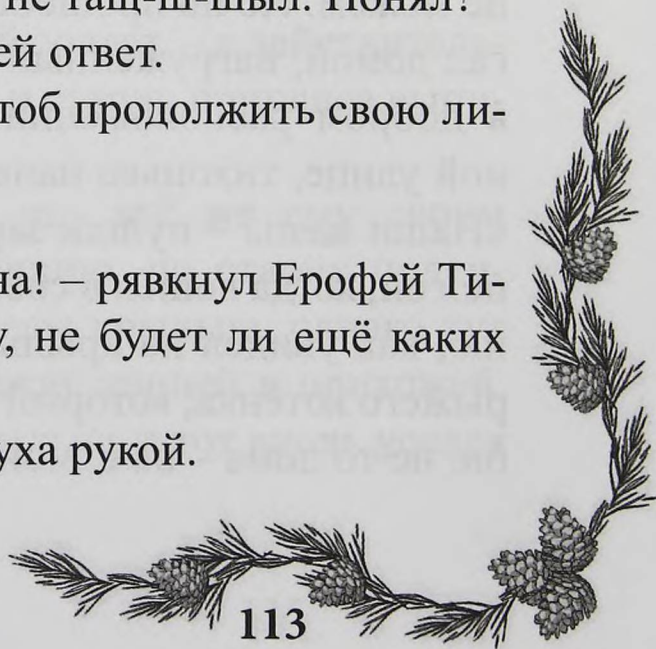
– Так точно, не дурак! – был ей ответ.

Но старуха на то и старуха, чтоб продолжить свою линию:

– Приют, что ли, тута?

– Никак нет, Тамара Сергеевна! – рявкнул Ерофей Тимофеевич и уставился на старуху, не будет ли ещё каких распоряжений.

– Да иди уже, – махнула старуха рукой.

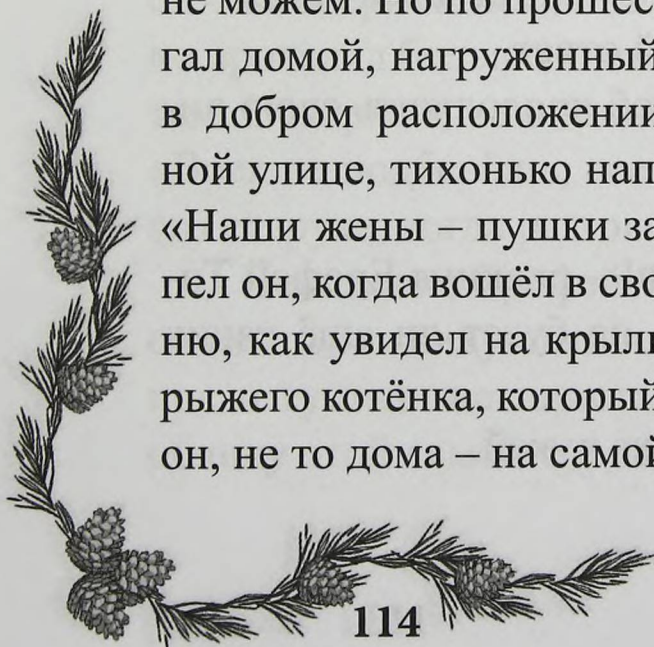

Подкрутил привычно усы Ерофей Тимофеевич, стряхнул с пиджака невидимую пыль, глянул на начищенные до блеска туфли и остался ими доволен. Выкатил гоголем за калитку старый солдат, идёт, чеканя шаг. «Здоровья желаю, — кланяется он в одну сторону. — Здоровья желаю», — поворачивается в другую.

— Никак на базар собрались, Ерофей Тимофеевич? — спрашивает его соседка.

— Так точно, соседушка, на базар, — и ускоряет шаг, как бы не зацепила его соседка пустым разговором. А попусту болтать старый солдат не любил.

Долго ли ходил на базаре старый солдат, того мы знать не можем. Но по прошествии какого-то времени он уже шагнул домой, нагруженный разными поклажами. Идёт домой в добром расположении духа, бодро вышагивая по родной улице, тихонько напевая любимую солдатскую песню: «Наши жены — пушки заряжены, вот кто наши жены...», — пел он, когда вошёл в свой двор. Но не успел он допеть песню, как увидел на крыльце у открытой двери рыжего-пре-рыжего котёнка, который так сел в двери, что не то на улице он, не то дома — на самой границе сел.

– Вот те на! – вырвалось у старика.

Старый солдат смотрел на котёнка, а тот, зажав глаза, сидел тихо, словно ждал своей участи, не надеясь, однако, на успешное разрешение сложившейся ситуации. На голос старика вышла из дома старуха. Увидев рыжего котёнка, спросила с нажимом:

– Это ещё что такое?

– Не могу знать! – рявкнул старик.

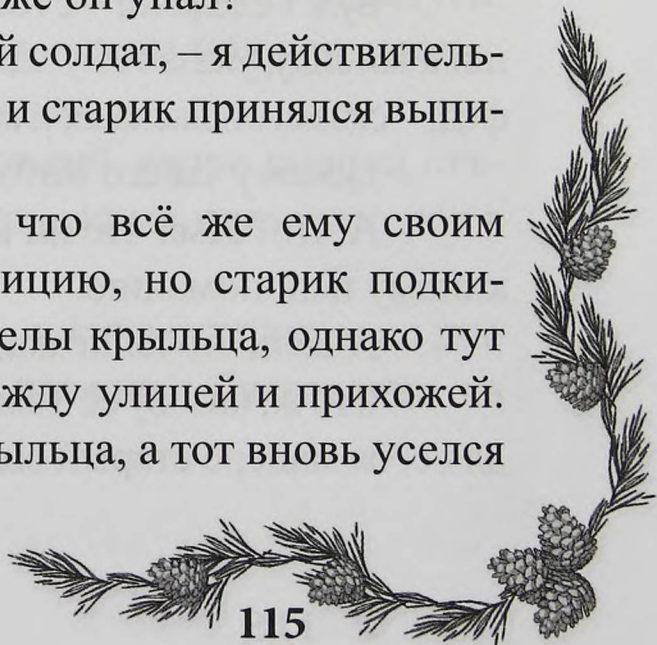
– Откуда этот котёнок? – не обращая внимания на ответ старого солдата, переспросила старуха.

– Не могу знать! – повторил старик уже не так браво.

– Ты что заладил «не могу знать, не могу знать...», – передразнила старуха, – не с неба же он упал?

– Не могу... – запнулся старый солдат, – я действительно не знаю, откуда он тут взялся, – и старик принялся выпихивать котёнка ногой с крыльца.

Котёнок упирался, надеясь, что всё же ему своим упрямством удастся отстоять позицию, но старик подкинул его, и котёнок улетел за пределы крыльца, однако тут же снова уселся на своё место между улицей и прихожей. Старик снова выпнул котёнка с крыльца, а тот вновь уселся

на прежнее место, да ещё притче, чем в первый раз. Так повторилось несколько раз. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Не выдержала сердешная Тамара Сергеевна таких экзекуций над бедным котёнком.

— Что делать будем? — спросила, бессильно присаживаясь на деревянную ступеньку.

— Может, пусть остаётся, — несмело выдавил Ерофей Тимофеевич.

— Да уж пусть, — с придыхом выразила своё согласие Тамара Сергеевна. — Только давай условимся — чтоб к порядку его приучил, чтоб он своё место знал, чтоб он мне тут не пакостил по углам, — уже строго наказала старуха.

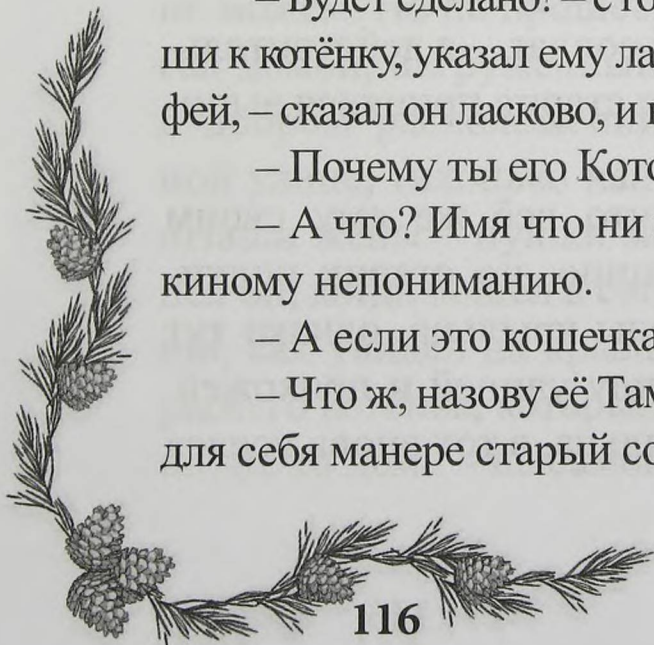
— Будет сделано! — с готовностью ответил старик и, подошедши к котёнку, указал ему ладошкой в прихожую: — Проходи, Котофей, — сказал он ласково, и котёнок послушно вошел в дом.

— Почему ты его Котофеем назвал? — спросила старуха.

— А что? Имя что ни на есть кошачье, — удивился дед бабкиному непониманию.

— А если это кошечка?

— Что ж, назову её Тамаркой, — хихикнул в несвойственной для себя манере старый солдат, по привычке подкрутив усы.

– Мели, Емеля, твоя неделя, – тихо проворчала старуха, но прекословить не стала, хотя имела полное право на сатисфакцию.

II

Старуха-то, хоть спервоначалу косовато поглядела на котёнка, однако скомандовала:

– Молочка, что ли, налил бы горемыке.

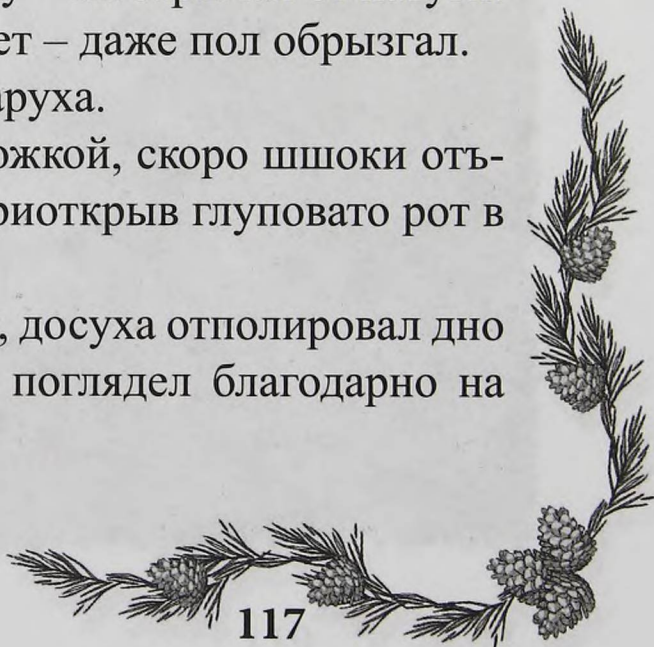
– Отчего же горемыке? Теперь у него есть свой дом.

Старик достал старое надщерблённое блюдечко, налил только что принесённого молочка. Котофей прямо кинулся к мисочке, жадно приник к молочку – аж зарычал от натуги. Языком работает, что веслом машет – даже пол обрызгал.

– Голодной, – промолвила старуха.

– Ничо, так будет работать ложкой, скоро шшоки отъест, – старик присел на табурет, приоткрыв глуповато рот в умилении.

Всё молочко вылакал котёнок, досуха отполировал дно мисочки, умылся после трапезы, поглядел благодарно на старика.

— Хороша кашка, да малая чашка, — промолвила старуха и тяжело выдохнула. Она уже прониклась к приبلудышу чувством сострадания.

— С голодухи-то ему много нельзя, ишшо обдрыщется, — как бы оправдывался старик. И поманил котёнка рукой, прихлопнув по штанине:

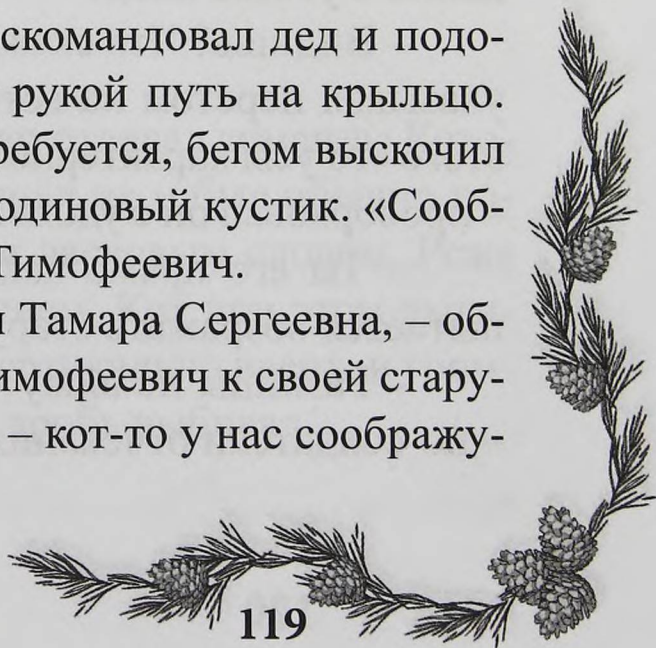
— Ко мне! — скомандовал коротко, и Котофей повиновался, охотно приник к блескучему ботинку.

— Смотри-ко — команду правильно исполнил, значит будет толк, — старый солдат остался удовлетворён поведением своего подопечного.

— Пушай на улицу выйдет, а то после молока ещё нагадит тут, — скрипнула старуха.

— Котофей, айда на улицу! — скомандовал дед и подошёл к проёму двери, указав коту рукой путь на крыльцо. Котёнок, сообразив, что от него требуется, бегом выскочил во двор, и тут же присел под смородиновый кустик. «Соображулистый», — подумал Ерофей Тимофеевич.

— Так вот, благоверная ты моя Тамара Сергеевна, — обратился как-то пафосно Ерофей Тимофеевич к своей старухе, усаживаясь в плетёное кресло, — кот-то у нас соображулистый — будет из него толк.

– От кота толку, что шерсти с волка, – возразила старуха, – по мне лишь бы не пакостил.

– Он мне нашего Капрала напомнил... – хотел удариться в воспоминания дед.

– Ничо общего, – прервала его старуха. – Тот был серой и глаза тёмные, а этот рыжий да глаза жёлтые, здоровущие, – ничо общего у их не вижу.

– Поперешная ты женщина – я те вдоль, а ты всё поперёк, – старик подкрутил усы, как делал в минуты волнения или раздражения. Он подошёл к двери и скомандовал громко:

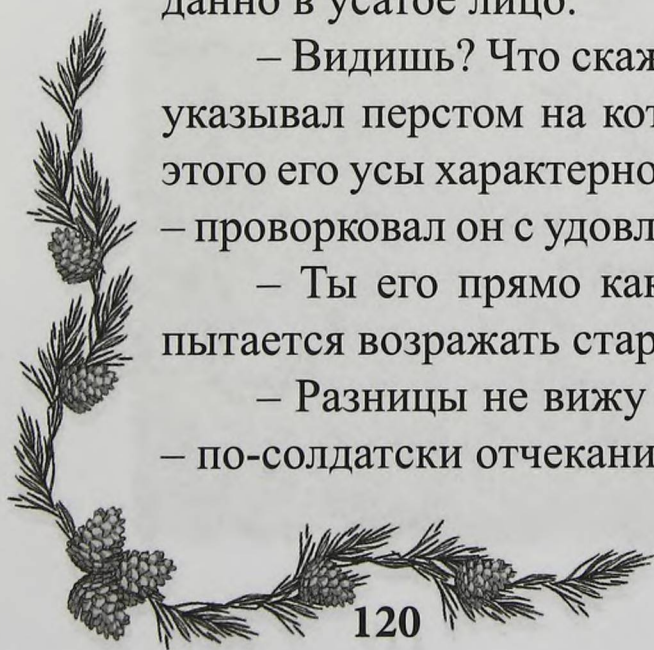
– Ко мне, Котофей!

Мигом подлетел котёнок к ноге хозяина и глянул преданно в усатое лицо.

– Видишь? Что скажешь на это? – Ерофей Тимофеевич указывал перстом на котёнка и улыбался во весь рот, и от этого его усы характерно приподнялись. – Будет толк, будет, – проворковал он с удовлетворением, наблюдая за котёнком.

– Ты его прямо как собачонку дрессируешь, – снова пытается возражать старуха.

– Разницы не вижу – кот тоже должен команды знать, – по-солдатски отчеканил старик. – Помнишь Капрала – он

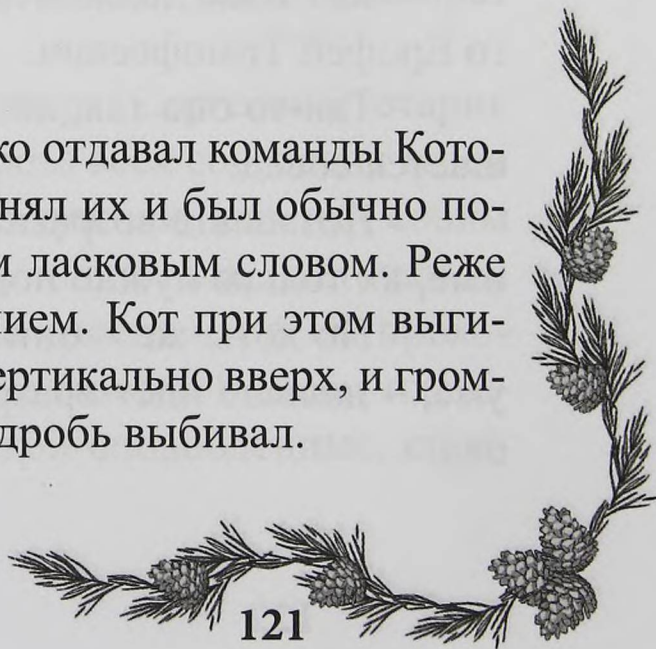

всё понимал. Что же, по-твоему, кот глупее собаки? — рассуждал Ерофей Тимофеевич.

Но старуха не стала вдаваться в полемику, принялась мыть посуду, громко забрякав тарелками да ложками, словно таким образом выказывала своё несогласие на методы воспитания собак, котов и прочих домашних животных. Старик, усевшись в своё любимое кресло, похлопал себя по коленке, как бы приглашая котёнка на руки. Тот сделал несколько шажков, остановился в нерешительности. Старик повторил движение рукой, и Котофей с радостью запрыгнул на колени, а улёгшись удобно, замурлыкал громко под хозяйской рукой.

III

Так и повелось: старик громко отдавал команды Котофею, а тот с удовольствием исполнял их и был обычно поощряем вкусной едой или добрым ласковым словом. Реже Котофей награждался поглаживанием. Кот при этом выгибал спину, выстреливая хвостом вертикально вверх, и громко мурлыкал, словно барабанную дробь выбивал.

— Ко мне! — слышалась команда, и кот стремглав мчался к хозяину.

— Кушать! — громко и строго рявкал старый солдат, и кот готов был немедленно приступить к трапезе.

— Иди гулять! — распоряжался хозяин, и кот устремлялся в открытую дверь.

— Котофей, домой! — громко звал своего подопечного старый солдат, и кот вдруг выныривал из-под кустов или перепрыгивал ловко через забор и в мгновение ока являлся пред хозяином.

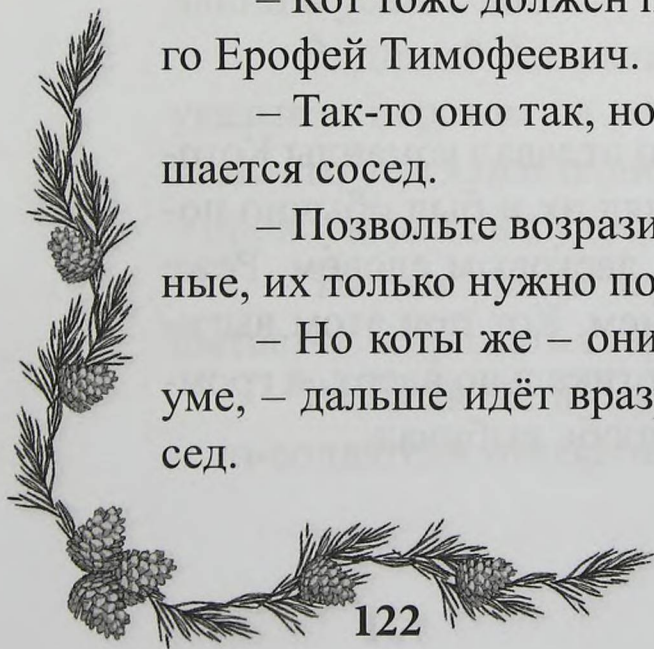
— У тебя кот, словно собачка — все команды выполняет, — удивляется сосед.

— Кот тоже должен порядок знать, — отвечивал строго Ерофей Тимофеевич.

— Так-то оно так, но коты существа глупые, — не соглашается сосед.

— Позвольте возразить — коты существа очень даже умные, их только нужно понимать.

— Но коты же — они сами по себе, они как бы себе на уме, — дальше идёт вразрез с мнением старого солдата сосед.

– Вот-вот – себе на уме... А раз на уме, значит ум-то у них всё же есть? – уже идёт в атаку Ерофей Тимофеевич и тем самым ставит точку в споре.

В этот момент Котофей вышагивает ловко по самым верхушкам штакетин старого забора.

– Ко мне! – крикнул старый солдат, и кот прямо пулей взлетел ему на плечо.

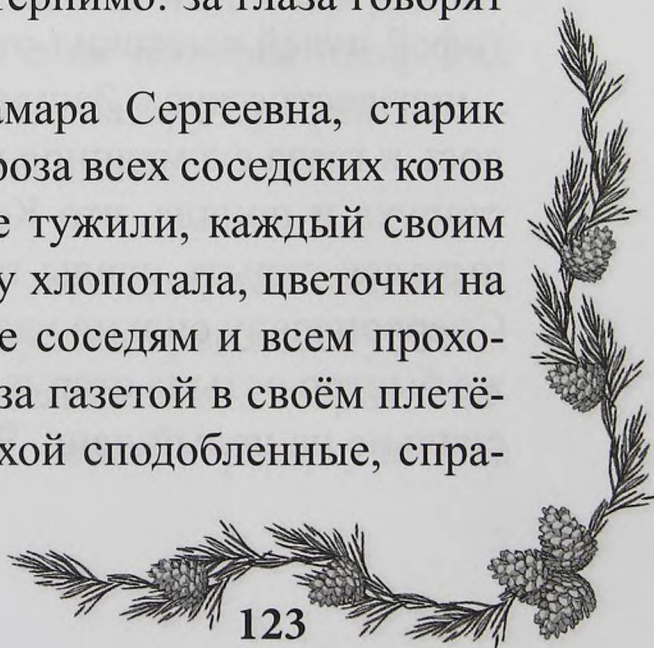
– Вот так да! – изумляется сосед.

Старый солдат браво разворачивается через левое плечо и гордо уходит, только слышит в спину:

– Ерофей Тимофеевич и Котофей Ерофеевич...

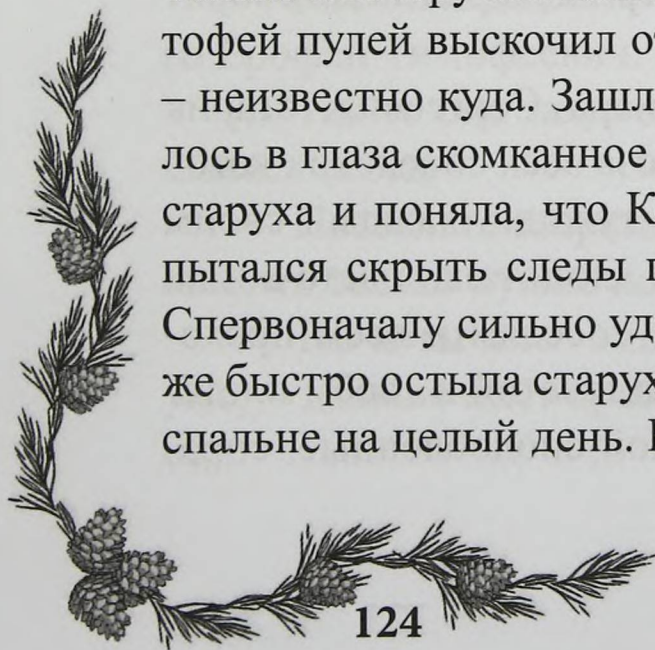
Знает старик, что за глаза соседи нарекли Котофея его отчеством, но относится к этому терпимо: за глаза говорят и про царя.

Долго так жили старуха Тамара Сергеевна, старик Ерофей Тимофеевич, да кот их – гроза всех соседских котов – Котофей Ерофеевич. Жили – не тужили, каждый своим делом маялся: старуха всё по дому хлопотала, цветочки на клумбах взращивала на удивление соседям и всем прохожим; старик всё любил сиживать за газетой в своём плетённом кресле, когда все дела, старухой сподобленные, спра-

вит; а кот, понятно, любил очень у деда на коленях лежать да громкую барабанную дробь вымурлыкивать. Скомандует старик громко, кот исполнит приказание, старуха съязвит что-нибудь по этому поводу, соседи ухмыльнутся.

Но однажды случилось такое вот происшествие: закрыла старуха кота в спальне. Не понарошку закрыла, а потому, что не заметила его. Целый день не видно кота. Старик прямо весь вышел из себя: кричит-кричит, а кот не откликается, зовёт-зовёт, а Котофей Ерофеевич не объявляется. Только к вечеру кот нашёлся. Открыла бабка спальню, а Котофей пулей выскочил оттудова, а потом на улицу, а потом — неизвестно куда. Зашла старуха в спальню. Сразу бросилось в глаза скомканное покрывало. Хотела расправить его старуха и поняла, что Котофей напакостил в покрывало и пытался скрыть следы преступления, загребая лапками... Спервоначально сильно ударило в голову возмущение, но так же быстро остыла старуха: сама же виновата, заперла кота в спальне на целый день. Рассказала о случившемся Ерофею

Тимофеевичу. Старик тоже вошёл в положение кота и не стал винить его: куда, мол, ему было деваться, если при-спичило. Старуха безропотно вину взяла на себя. Но кот-то не знал об их разговоре меж собой. Видимо, почувствовал вину. Ни разу же за всё время не случилось ничего подобного, ни разу не нарушил кот правил, заведённых с первого дня его пребывания в этом доме.

Исчез кот.

Закручинился дед, заволновалась и бабка – привыкла она уже к Котофею. Даже соседи и то забежали, ищучи соседского кота – как же, такая достопримечательность улицы пропала. Слава-то о чудо-коте по всему городку пошла да и по всем соседским сёлам. Даром, что ли, базар рядом? Народ уже и по сёлам стал искать кота. Котофея Ерофеича знали все: не один раз расхаживал по базару Ерофей Тимофеевич с Котофеем Ерофеевичем на плече.

Много ли времени прошло с того дня, как исчез кот, трудно сказать. Но день за два тянулось время для убитых горем старика со старухой. Вернулся однажды старик с базарными покупками, идёт, голову повесив, чернее тучи. Все

мысли только о Котофее. Смотрит: сидит Котофей в дверях – ни дома, ни на улице – на самой границе между домом и двором. Сидит, глаза прижмурив, словно показывает таким видом своё смирение, отдавая всего себя в руки или, что хуже, в ноги своего хозяина. Сидит, дышать боится. Всё для него решается в эту минуту. Увидел старик Котофея, сильно возрадовался:

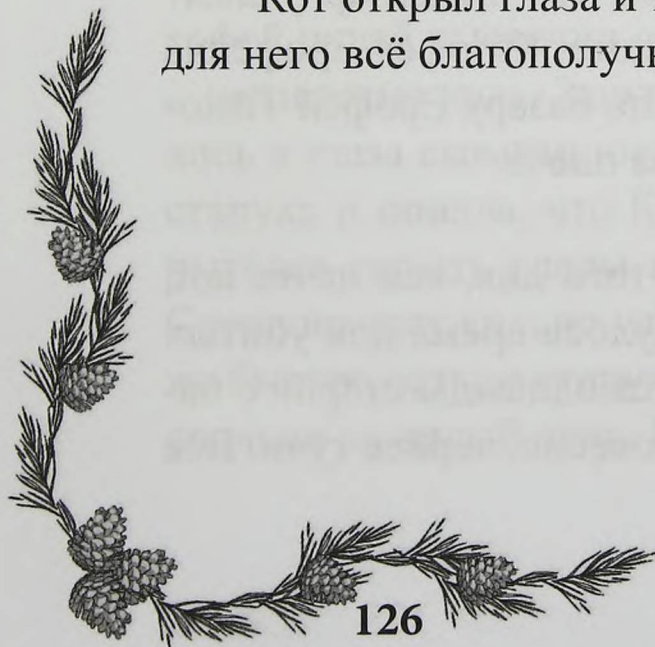
– Ну что ж, заходи домой, Котофей, – сказал ласково Ерофей Тимофеевич, – ты ни в чём не виноват.

Вышла старуха на голос старика. Прослезилась даже:

– Заходи, Котофей Ерофеевич, милости просим, это я во всём виновата, – запричитала, утирая мокрые глаза платком.

Кот открыл глаза и только удостоверившись в том, что для него всё благополучно обошлось, вошёл в дом.

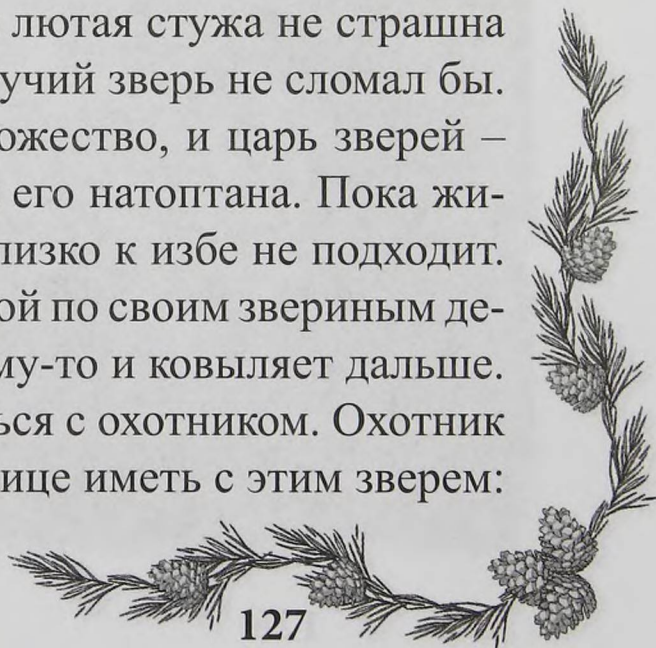
2015 г.

МЯСОРУБКА

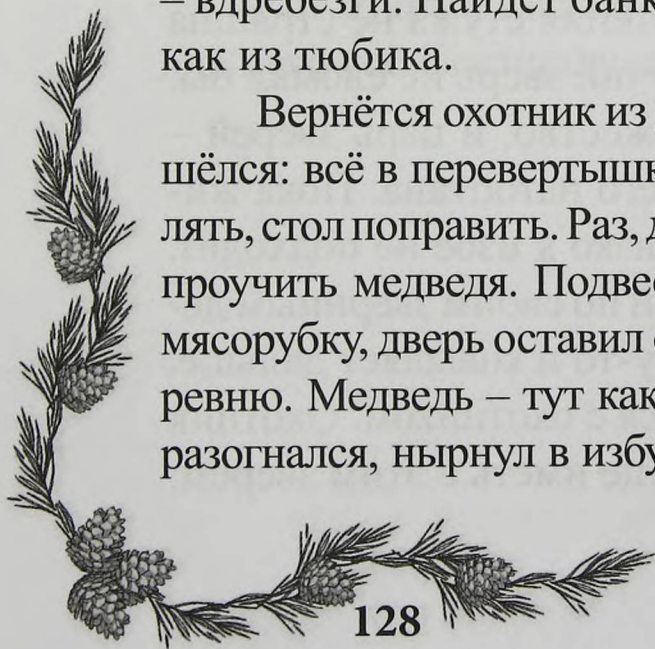
Жил-был в дальнем сибирском селении охотник. В урмане, богатом дичью, поставил он себе зимовье. Крепкую избу срубил, чтоб даже самая лютая стужа не страшна была её обитателям, да самый могучий зверь не сломал бы. А зверей в том лесу водилось множество, и царь зверей — медведь — тоже. Недалече и тропа его натоптана. Пока живёт в избе охотник, медведушко близко к избе не подходит. Бредёт, бывало, не спеша, тропинкой по своим звериным делам, потянет носом, чихнёт от дыму-то и ковыляет дальше. Нет ему никакого резону встречаться с охотником. Охотник тоже не больно-то желает свиданьице иметь с этим зверем:

лапа-то — со сковородку. Так и живут себе рядом, каждый своим делом мается.

Но стоит охотнику отправиться в деревню за провизией или по другим делам, как любопытство хозяина тайги неволит его тяжким бременем. Шибко охота в избу заглянуть: не только дымом, но и сладкими запахами обносит иногда ближний лес. И медведушко частенько, лёжа на опушке, облизывался от таких ароматов. Вот и стал он наведываться в избу, пока охотника нет. Как говорится: кот из дому — мыши в пляс. В избу через окно войдёт, через дверь выйдет. Почешет косматую башку о косяк, войдёт в избу через дверь, через окно выйдет. Стол опрокинет, посуду перемнёт, окно — вдребезги. Найдёт банку консервов, выдавит содержимое, как из тюбика.

Вернётся охотник из деревни, а в избе — будто Мамай прошёлся: всё в перевертышки. Дверь чинить нужно, окно вставлять, стол поправить. Раз, другой стерпел охотник, потом решил проучить медведя. Подвесил он в дверях тяжёлую чугунную мясорубку, дверь оставил отворённой, а сам подался в свою деревню. Медведь — тут как тут. С радости, что дверь отворена, разогнался, нырнул в избу, а мясорубка — тресь ему по башке!

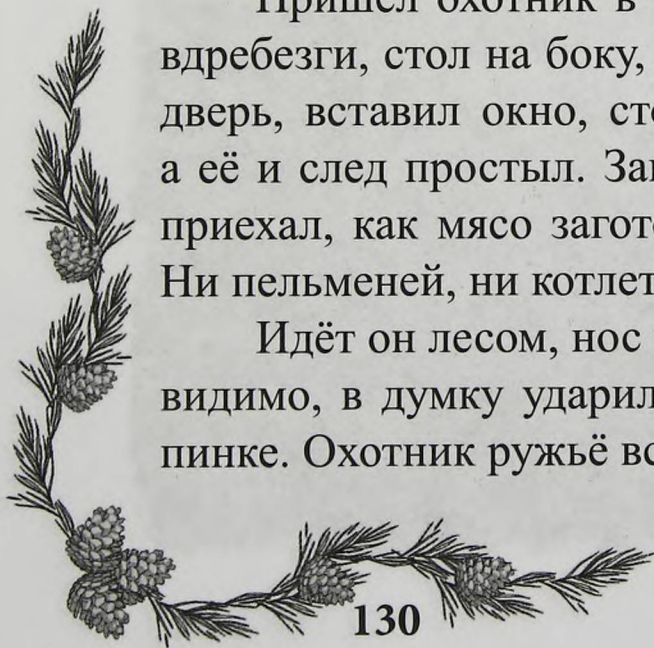

Он в окно вылез башку проветрить, снова в дверь, а мясорубка снова — бум! Он с развороту на улицу, а мясорубка снова — бум! Аж в глазах звёздочки бесенятами запрыгали у бедняги. И такая нервность в ём сыграла, что сорвал мясорубку-обидчицу медведь и хотел уже забросить в кусты. Но тут до его носа запах мяса дошел. Давнул он чугунину раз, другой, ещё приложился. Ни давке не поддаётся мясорубка, ни на скрут не идёт. Привык он таким образом консервные банки открывать. Давит, давит, а ничего выдавить из мясорубки не может. Психанул медведь, утащил мясорубку далеко в лес, сунул её под корень, да ещё и косолапиной своей придавил.

Пришёл охотник в избу и видит ту же картину: окно вдребезги, стол на боку, косяк двери выворочен. Поправил дверь, вставил окно, стол починил. Хватился мясорубки, а её и след простыл. Закручинился охотник. На всю зиму приехал, как мясо заготавливать будет, если мясорубки нет. Ни пельменей, ни котлет не сделаешь.

Идёт он лесом, нос повесил. Навстречу медведь, тоже, видимо, в думку ударился. Встретились внезапно на тропинке. Охотник ружьё вскинул, прицелился.

– Не убивай меня, – взмолился медведушко. – Вот ты меня стрелишь, лося стрелишь, а что с мясом будешь делать? Мясорубки-то у тебя нет, – говорит.

«А и то правда», – подумал охотник.

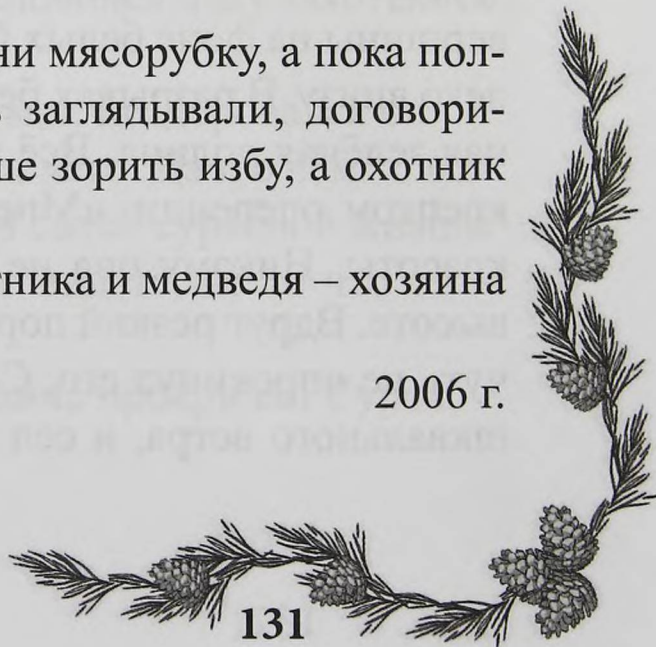
– Показывай – где мясорубка.

Давай они прочёсывать лес. Запомнил медведушко где спрятал её, горемычную. Видно, здорово чугунина его по башке шибала. Ходят по лесу кругами: медведь выворотень подымет, а охотник зоркими глазами поглядит. Медведь куст отворотит, а охотник пошарит рукой. Так они от одного куста к другому идут, от одного выворотня к другому. Вместе ищут – вместе одну работу делают, а работа, говорят, сближает.

Отыскивали с горем пополам они мясорубку, а пока ползали, да под каждый выворотень заглядывали, договорились, что медведь не станет больше зорить избу, а охотник не будет преследовать медведя.

Так мясорубка помирила охотника и медведя – хозяина тайги.

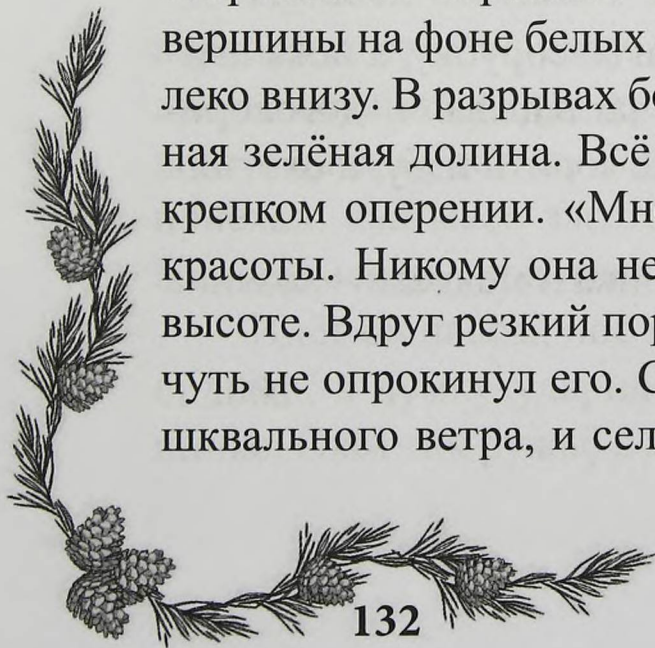
2006 г.

ОРЁЛ И СУРОК

Летит Орёл в поднебесье, и с заоблачной высоты ему открывается огромное пространство. Красочные горные вершины на фоне белых барашков-облаков проплывают далеко внизу. В разрывах белой ваты простирается безграничная зелёная долина. Всё как на ладони. Шумит ветер в его крепком оперении. «Мне всё видно, никто не знает такой красоты. Никому она не доступна», – думает он, кружа в высоте. Вдруг резкий порыв ветра заломил крылья до боли, чуть не опрокинул его. Спикировал вниз Орёл, спасаясь от шквального ветра, и сел на землю. Выбрал камушек, про-

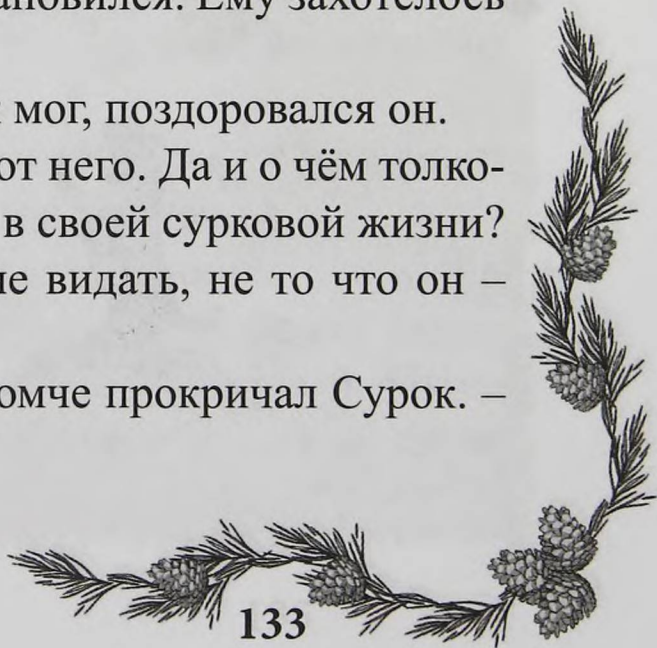
гретый солнцем, уселся поудобней, сложил уставшие крылья и начал уже дремать.

На земле нет ветра ураганного, и солнце греет нежно. Здесь от ветра защищают его холмы, кусты и высокая трава. Заметил Орёл, как уходит усталость. Земля ему силы даёт. Вдруг ему почудился шелест травы. Он приоткрыл глаза и увидел сурка, пробегающего мимо. Увидел бы Орёл Сурка с высоты, тут же камнем бросился на добычу, а тут, на земле, ему хотелось только покоя. Сурок тоже не испугался. Вот заметил бы он Орла, парящего в высоте, тут же юркнул в норку или притворился бы неподвижным столбиком. А тут, на своей родной земле, дремавший Орёл показался ему совсем не страшным, и он остановился. Ему захотелось поговорить с Орлом.

– Привет, Орёл! – громко, как мог, поздоровался он.

Молчит Орёл, отвернувшись от него. Да и о чём толковать с этим Сурком? Что он видит в своей сурковой жизни? Дальше своего носа ему ничего не видать, не то что он – Орёл!

– Здравствуй, Орёл! – ещё громче прокричал Сурок. – Поговорить с тобой охота.

— О чём с тобой разговаривать? Я высоко летаю, с высоты своего полета вижу горы, реки, моря... Много стран облетел. Тебе не понять меня, Орла, — ответил тот и снова закрыл глаза.

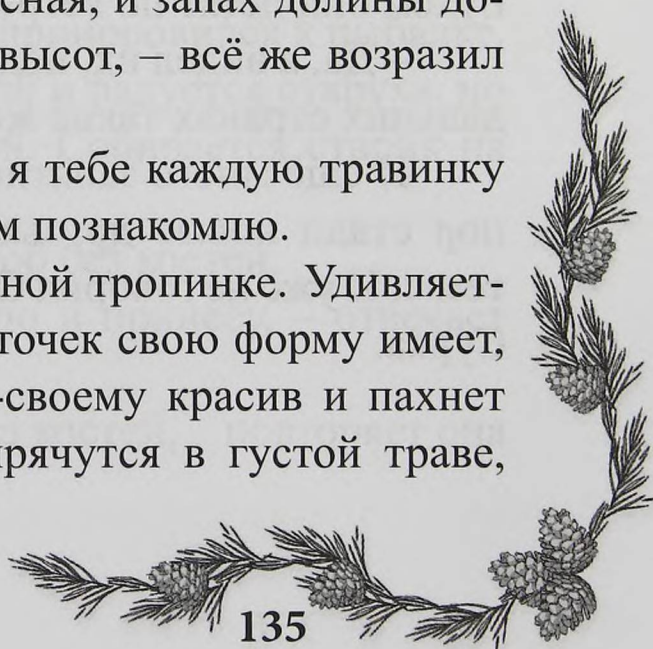
— Ты с большой высоты видишь всю долину, а вот травинку каждую тебе не видать. А я расскажу о каждом цветочке, о каждом стебельке. У каждого свой цвет, свой запах. Каждый по-своему щекочет меня, когда пробираюсь я сквозь их заросли.

Стал слушать Орёл. Интересно стало: оказывается, большой зелёный ковёр долины соткан из разных травок, из цветков.

— Я и сам знаю: вся трава зелёная, и запах долины доносится даже до самых больших высот, — всё же возразил Орёл.

— Пойдём по моей тропинке, я тебе каждую травинку покажу, я тебя с каждым цветочком познакомлю.

Идут они вдоль ручья по горной тропинке. Удивляется Орёл увиденному: каждый листочек свою форму имеет, свой оттенок, каждый цветок по-своему красив и пахнет по-своему. Букашки маленькие прячутся в густой траве,

каждый муравей своей работой занят, не обращая на путников никакого внимания.

Разговорились.

— А долина вдоль ручья далеко тянется? — спрашивает Сурок.

— Далеко-о-о! — протянул Орёл. — До самых снежных вершин — в ту сторону, и до самой большой реки — в ту сторону, — махнул крылом Орёл сначала на север, потом на юг.

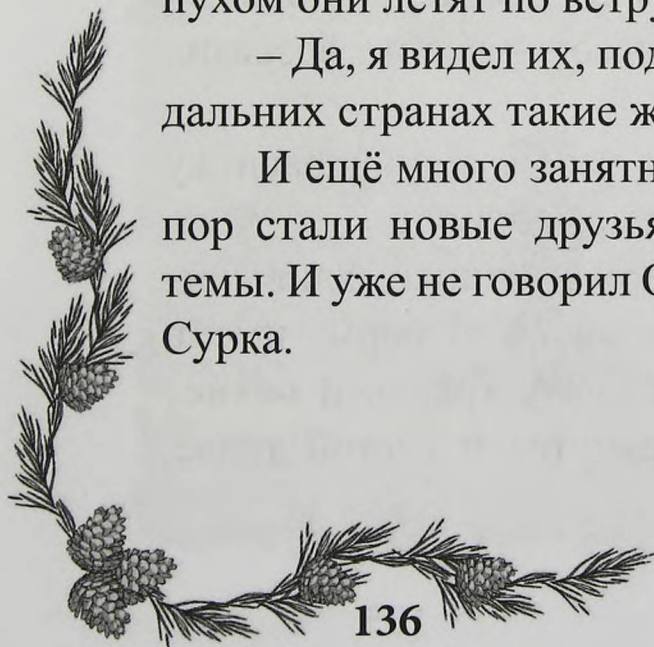
— А куда цветы деваются? — спрашивает он в свою очередь у Сурка.

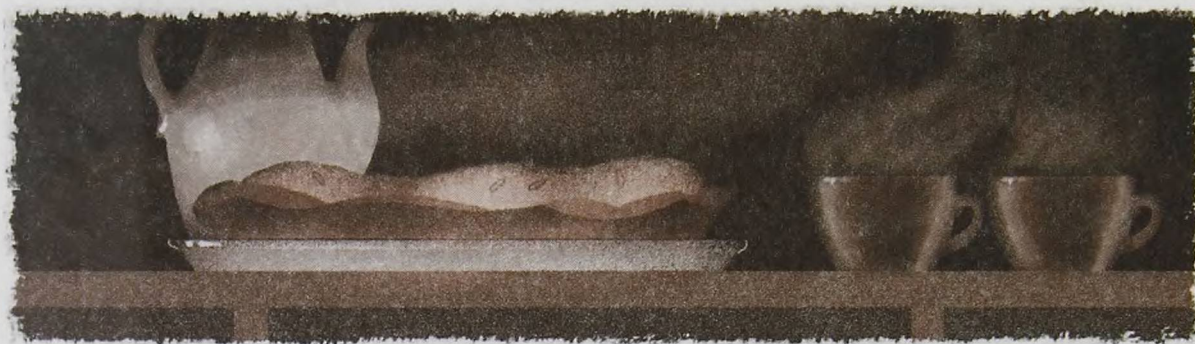
— Лепесточки их опадают и созревают семена. Потом ветром их разносит по всей долине. Ты их видел: белым пухом они летят по ветру.

— Да, я видел их, подхваченных ветром. Вот почему и в дальних странах такие же цветы встречаются.

И ещё много занятного и полезного узнал Орёл. С тех пор стали новые друзья частенько беседовать на разные темы. И уже не говорил Орёл, что ему неинтересно слушать Сурка.

2008 г.

САМАЯ ВКУСНАЯ РЫБА – КОЛБАСА

Сказка-притча

Жили-были старик со старухой. На берегу большой реки стояла их изба. Вот старик и приноморился к рыбалке. Раньше – какую рыбу принесёт, той и радуется старуха, но с годами стала она привередливой. Собирается старик на рыбалку, а старуха напутствует:

- Вкусной рыбки принеси, чтоб без костей.
- Ужо какая поймаётся, такую и принесу, – отвечает старик.
- Не спорь со мной. Чтобы без костей, – повторяет она строго.

Ловился в тот день только пескарь. Как ни старается старик – не ловится другая рыба. Рыбка-пескарь маленькая, почётом особым не примечена. Вот и старухе пришлось она не по нутру. Напустилась на старика:

– В этой рыбке исть-то нечё – одни кости.

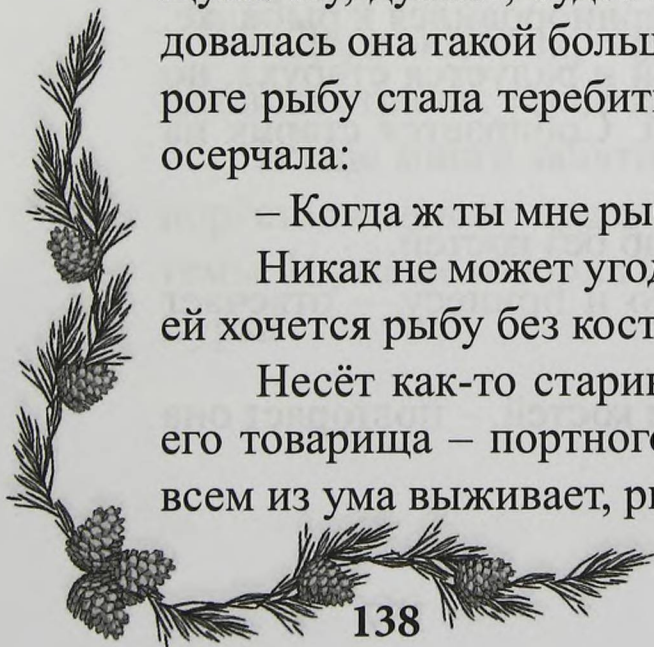
В другой раз принёс старик окуней. Наколола старуха палец о колючку, забранилась, губу надула, от ухи отказалась – не по ей рыба-окунь. А ведь раньше припрашивала полосатика. «Принеси, – бывало, говорит, – окуня. Уха из его шибко вкусная». А теперь окунь ей – не рыба. Хочет, чтобы рыба поймалась такая, чтобы без костей.

Снова пошёл старик на рыбалку. Поймалась большая щука. Ну, думает, будет моя старуха рада. И вправду обрадовалась она такой большой рыбе. Пирог завела. А как в пироге рыбу стала теревить, как попались ей косточки, снова осерчала:

– Когда ж ты мне рыбу принесешь без костей, недотёпа!

Никак не может угодить старик своей супружнице. Всё ей хочется рыбу без костей, а где такую взять?

Несёт как-то старик налима большого. Встретил своего товарища – портного. Пожалился ему, что старуха совсем из ума выживает, рыбу без костей требует.

– Не бывает таких рыб, – удивляется портной.

– И я об том же баю. Не угомонится никак: подавай ей рыбу без костей и всё! – в сердцах бросил старик.

Портной посмотрел на торчащий из плетёнки налимиий хвост и молвил, хитро щуря глаза:

– Пойдём ко мне. Будет ей рыба без костей.

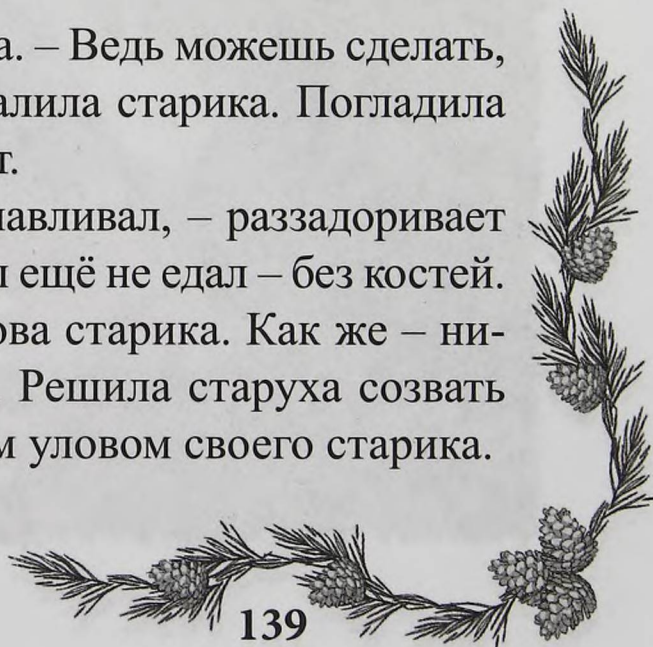
Старик покорно пошёл за своим другом. Зашли в мастерскую. Портной снял шкуру с налима и обтянул ею толстую колбасу. Хвост налимиий как был, так и остался, голова тоже осталась налимя. Получилась такая рыбина, что от настоящей не отличишь. Приносит рыбу старик и говорит:

– Наконец-то удалось мне выудить такую рыбу, как тебе хотелось – без костей.

– Ну-ты... – удивилась старуха. – Ведь можешь сделать, как нужно, если захочешь, – похвалила старика. Погладила она рыбу – гладенькая, колючек нет.

– Такой рыбы ещё никто не лавливал, – раззадоривает старуху старик, – никто такой рыбы ещё не едал – без костей.

Бальзамом на душу легли слова старика. Как же – никто ещё не пробовал такой рыбы. Решила старуха созвать соседок да похвастать невиданным уловом своего старика.

Пришли гости, и старуха начала рассказывать, какой недотёпа был её старик, что всё какую-то дрянную рыбу носил – то окуней, то щук. Удивляются старухи-соседки, что она щуку хает. Каждая из них бы за праздник считала щуку в пирог посадить. А старуха пуще раззадоривается, что воспитала наконец-то старика, вот и толк случился: поймал он рыбу, какой ещё никто не видывал, о которой ещё никто не слыхивал – без костей.

Пока она тут горло дерёт, по избе дух идёт колбасный, но старуха по-своему приняла распространяющийся запах.

– Даже дух от этой рыбы другой, благородной... – хвастает она.

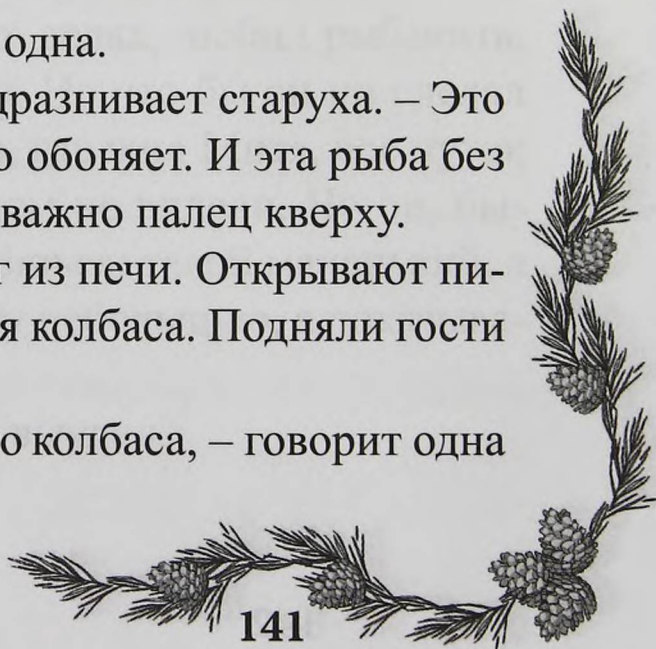
Соседки пожимают плечами.

– Колбасой пахнет, – говорит одна.

– Эх ты – «колбасой»! – передразнивает старуха. – Это такая рыба знатная, что так вкусно обоняет. И эта рыба без костей, – подчёркивает, поднимая важно палец кверху.

Пришла пора доставать пирог из печи. Открывают пирог, разрезают рыбу – а там толстая колбаса. Подняли гости на смех старуху.

– Да, самая вкусная рыба – это колбаса, – говорит одна ехидно.

– И без костей, – смеётся другая.

Осерчала спервоначалу старуха, но потом сошло с души у неё огорчение. И впредь не стала она требовать от старика рыбу без костей.

А в народе с тех пор пошла поговорка, что, мол, самая вкусная рыба – колбаса.

2016 г.

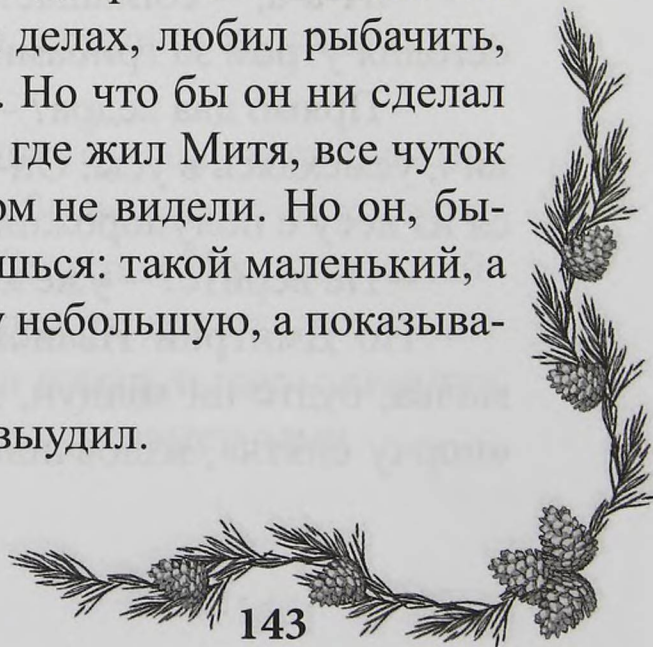

ВРИ, ДА НЕ ЗАВИРАЙСЯ

Жил-был в одной далёкой сибирской деревне мальчик по имени Митя. Мальчик был добрый и весёлый. Он помогал маме и папе в домашних делах, любил рыбачить, ходил в лес за грибами и ягодами. Но что бы он ни сделал — обязательно приврёт. В деревне, где жил Митя, все чуток привирали, и греха большого в том не видели. Но он, бывало, так привершит, что диву даёшься: такой маленький, а так загибает. Поймает Митя рыбку небольшую, а показывает, растопыривая руки:

— Вот такого карася вчера выудил.

– Ужо маленько сбавь. Карась не щука – не бывает таких карасей, – говорит ему старик Дмитрий Иванович. – Ты, – говорит, – тёзка, шибко карася-то уважил.

– А кто такой тёзка? – спрашивает Митя, чтоб уйти с разговором без урона.

– Это когда у людей одно имя. Вот их тёзками зовут.

– Но вас же Дмитрием Ивановичем зовут, а меня Митей: какие же мы тёзки? – хочет споперечничать Митя. Он уже привык пускаться в спор по каждому поводу. Сам в том виноват – никто ему не верит, вот он и ерепенится.

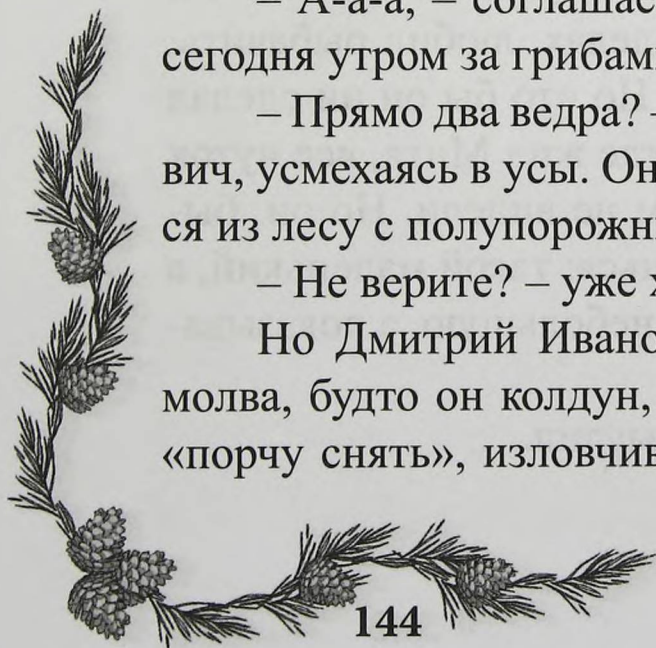
– Вырастешь, тоже будешь Дмитрием – Дмитрием Васильевичем.

– А-а-а, – соглашается Митя. И тут же за своё: – А я сегодня утром за грибами ходил. Белых набрал два ведра.

– Прямо два ведра? – переспрашивает Дмитрий Иванович, усмехаясь в усы. Он-то видел Митьку, возвращавшегося из лесу с полупорожним детским ведёрком.

– Не верите? – уже хотел пуститься в спор Митя.

Но Дмитрий Иванович, про которого в деревне шла молва, будто он колдун, могущий и «кровь заговорить», и «порчу снять», изловчившись, поймал одной рукой летав-

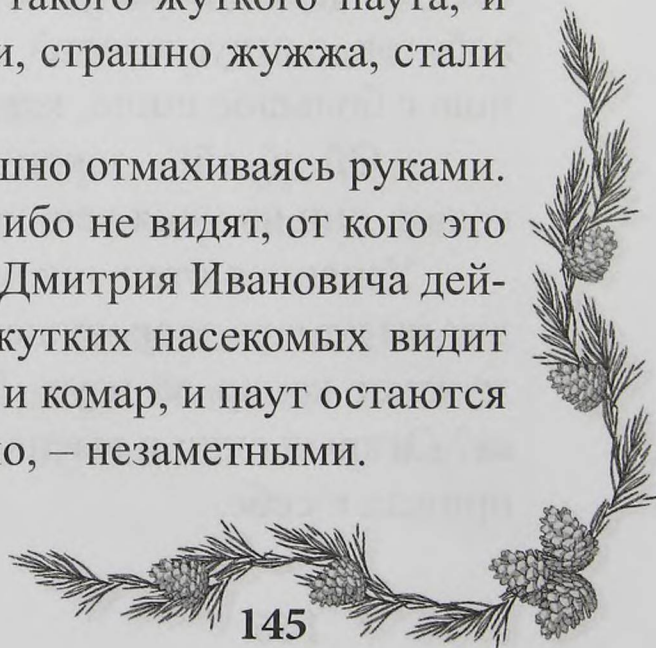
шего комара, а другой – паута. Митя удивился, как ловко у него это получилось.

– А комары да пауты в лесу были? – строго спросил Дмитрий Иванович и посмотрел пристально на Митю своими зелёными глазами.

– Конечно, – с готовностью ответил Митя. – Вот такие комарищи там летали, – и он показал пальцами с жука майского, – вот такущие пауты, – и он показал с большого мыша.

Разжал кулаки Дмитрий Иванович и с его ладоней слетели освободившиеся комар с майского жука и паут – с большого мыша и тут же напали на Митю. Испугался мальчик такого огромного комара да такого жуткого паута, и побежал домой – прятаться. А они, страшно жужжа, стали преследовать Митю.

Бежит Митя со всех ног, смешно отмахиваясь руками. Кто встречает его, очень дивятся, ибо не видят, от кого это он так отмахивается. Волшебство Дмитрия Ивановича действует таким образом, что этих жутких насекомых видит только Митя. Для всех остальных и комар, и паут остаются обыкновенными и, что естественно, – незаметными.

Забежал Митя в дом, а комар с паутом за ним. Спрятался он под одеялом, дрожит от страха. Заходит отец, видит, что сын под одеяло спрятался, спрашивает, приподнимая угол одеяла:

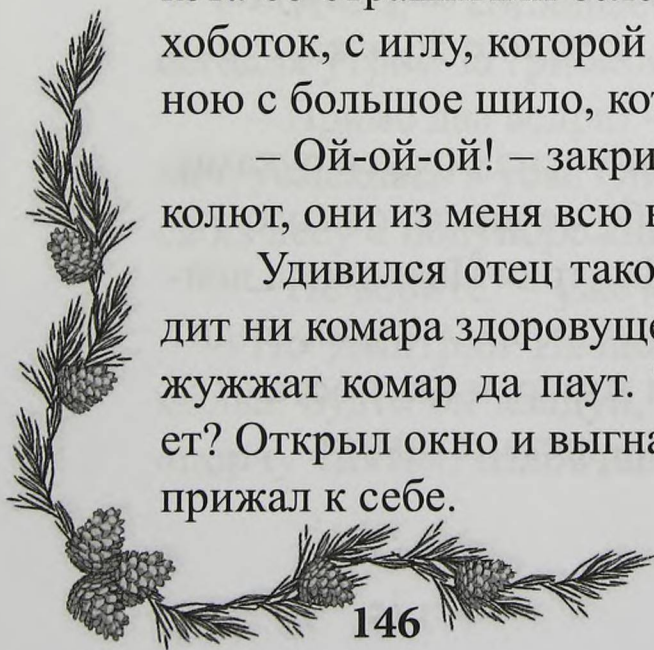
— Что с тобой, сынок? От кого прячешься под одеялом?

— Закрой одеяло!!! — закричал испуганный Митя. — Там комар летает — вот такой, — и показал с большого мыша, — да паут здоровенный, — и показал руками с большого кота.

Только он так показал, как кто-то проколол одеяло острым шилом. Пуще прежнего испугался Митя. Выглядывает он одним глазом из-под одеяла. А там летает по комнате комар величиною с большого мыша и паут — с большого кота со страшными зелёными глазами. А у комара острый хоботок, с иглу, которой мама шьёт, а у паута жало величиною с большое шило, которым отец валенки подшивает.

— Ой-ой-ой! — закричал в испуге Митя. — Они меня заколют, они из меня всю кровушку выпьют!

Удивился отец такому поведению сына. Он-то не видит ни комара здоровущего, ни паута величиною с кота. Ну жужжат комар да паут. Так мало их летом в избу залетает? Открыл окно и выгнал комара да паута. Обнял он сына, прижал к себе.

— Может, тебе показалось? Не бывает таких больших комаров и таких огромных паутов, — успокаивает он Митю.

Митя прижался к отцу, дрожит, будто его собаками затравили. Он-то видит, что и комар величиною с мыша, и паут — с кота — бьются в лютой злобе в оконное стекло. Митя с испугу зажмурил глаза и вымолвил тихо:

— Может, и показалось.

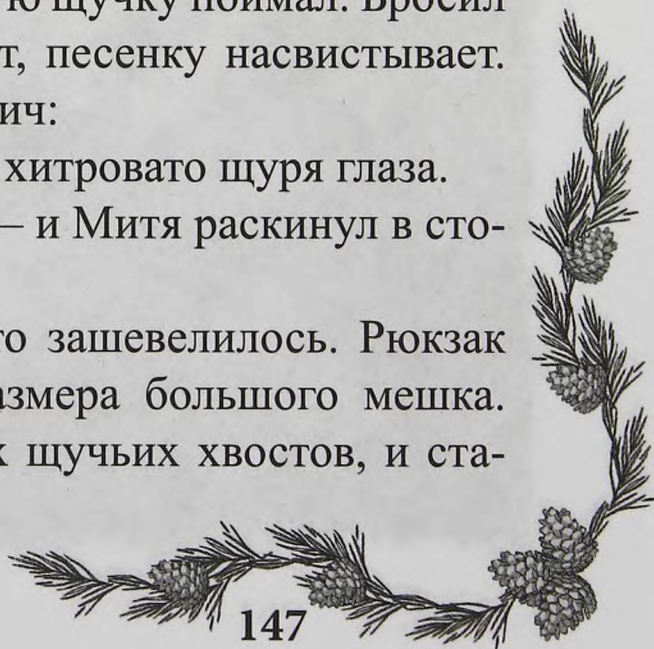
Разлепил он глаза, смотрит, а комар и паут обрели обычные размеры. Успокоился Митя. Уложил его отец в постель: «Пусть отдохнёт, — думает, — с жары, видимо, причудилось сыну».

Прошло время. Уже забылась история с комаром и паутом. Идёт Митя с речки. Небольшую щучку поймал. Бросил её в свой детский рюкзачок. Идёт, песенку насвистывает. Встречается ему Дмитрий Иванович:

— Ну как улов? — спрашивает, хитровато щуря глаза.

— Щук наловил вот таковых, — и Митя раскинул в стороны руки, — штук пять.

Вдруг в рюкзаке будто что-то зашевелилось. Рюкзак начал расти, увеличиваясь до размера большого мешка. Из него показались пять больших щучьих хвостов, и ста-

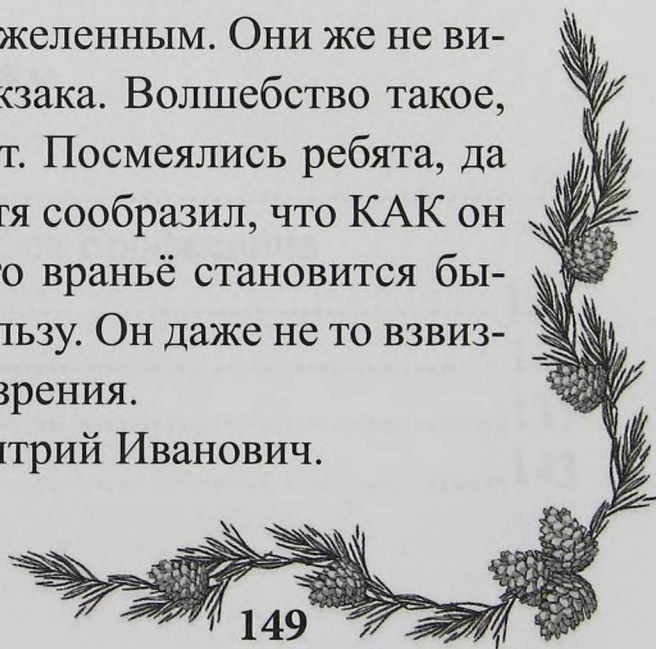
ло Мите непомерно тяжело. Придавил рюкзак тяжестью, да так, что упал он лицом прямо в лужу. Эта лужа не высыхала по всему лету, и в ней любили валяться свиньи да домашние птицы.

– Ой-ой-ой! Тяжело-то как! – взвыл Митя.

– Так щуки-то больно большие, да ещё пять штук! Это, брат, не шутка. Каждая щука не меньше полпуда будет, вот и набралось весу-то, – Дмитрий Иванович посмотрел сочувственно на Митю, пускающего грязные пузыри.

Идут друзья Мити и видят такую картину: Митя почему-то лежит лицом в луже, а на нём рюкзачок маленький, да из него торчит щучий хвост – тоже маленький. А визжит так, будто его бревном прижало тяжеленным. Они же не видят больших щук и большого рюкзака. Волшебство такое, что только Митя видит и ощущает. Посмеялись ребята, да и пошли своей дорогой. И тут Митя сообразил, что КАК он соврёт – ТАК и случается, что его враньё становится былью, и что это – не всегда ему в пользу. Он даже не то взвизгнул, не то хрюкнул от такого прозрения.

– Что с тобой? – спросил Дмитрий Иванович.

– Соврал я вам, Дмитрий Иванович, – сказал Митя. – Я поймал одну маленькую щучку. Вот такую, – и он показал руками, вытянутыми над головой.

Тут же рюкзак и щука стали обычных размеров. Митя встал из лужи, и одежда его чудесным образом очистилась от грязи.

– Ну вот – ври, да не завирайся, – сказал Дмитрий Иванович, – не прибавляй так много, а то в другой раз грязь может и не отлипнуть.

2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Сонины каникулы.....	5
Чук, Гек и Дядя Федор.....	49
Вовка-вундеркинд.....	60
Под крылом.....	66
Тишка.....	70

Сказки

Старик-рыбак и Кот-говорун.....	97
Как Ерофей Тимофеевич Котофея Ерофеевича уму-разуму учил.....	127
Орел и сурок.....	132
Самая вкусная рыба – колбаса.....	137
Ври, да не завирайся.....	143

Литературно-художественное издание

Валерий Михайловский

НАШ МАЛЕНЬКИЙ СЕКРЕТ

Верстка и дизайн обложки – Р. Н. Шайхулов

Художник Е. Л. Соломеина

Издательство «АсПУр»

620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12

Сдано в набор 15.04.2017 г.

Подписано в печать 04.05.2017 г. Формат 60 x 84 1/32

Бумага ВХИ-80. Печать офсетная.

Гарнитура Century.

Тираж 500 экз. Заказ 11137.

Отпечатано в ОАО «Режевская типография»

623750, г. Реж Свердловской обл.,

ул. Красноармейская, 22

Тел.: (34364) 2-15-32, 2-25-03

090242002

Мегион ЦБ-КО

1p00k

1p00x